

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

1 (67)

Январь – Февраль – Март

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА-МАГНИТОГОРСК-НОВОСИБИРСК
2020

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев* (председатель, Москва),

акад. РАН *Х.А. Амирханов* (Москва), акад. *М.Д. Бухарин* (Москва),
член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва),
проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель), проф. *П. Каллиери* (Болонья),
акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем),
проф. *К. Липполис* (Турин), акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва),
д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва), д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь),
проф. *М. Ольбрихт* (Жешув), акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент),
проф. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Берлин),
д-р. *У. Шлоцауэр* (Берлин)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),

д.и.н. *А.В. Буйских* (Киев), д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск),
д.филол.н. *А.П. Власкин* (Магнитогорск),
к.и.н. *В.А. Гаибов* (ответственный секретарь, Москва),
д.и.н. *А.А. Завойкин* (Москва), к.и.н. *Д.В. Журавлев* (Москва),
д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва),
д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулежкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@magtu.ru

-
- © Российская академия наук,
Институт археологии РАН, 2020
 - © Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова, 2020
 - © Редакция журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2020

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

1 (67)

January – February – March

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 r.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK
2020

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Rauf Munchaev* (Chairman, Moscow),

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Moscow), Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow),
Prof. *François de Callatay* (Brussels), Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna),
Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow), Prof. *Sergey Karpov* (Moscow),
Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem), Prof. *Carlo Lippolis* (Torino),
Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow), Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow),
Prof. *Yuriy Mogarichev* (Simferopol),
Prof. *Marek Jan Olbrycht* (Rzeszów), Prof. *Eduard Rtveladze* (Tashkent),
Prof. *Udo Peter Schlotzhauer* (Berlin), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Mikhail Treister* (Berlin)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

Prof. *Alla Bujskikh* (Kiev), Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow),
Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow), Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow),
Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow), Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk),
Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk), Prof. *Igor Surikov* (Moscow),
Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk), Prof. *Alexsey Zavoykin* (Moscow),
Dr. *Denis Zhuravlev* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history@magtu.ru

ИСТОРИЯ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2020), 5–20
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2020), 5–20
© Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-1-67-5–20

ВООРУЖЕНИЕ КОЧЕВНИКОВ УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЕЙ IV–VI вв. н.э. (по материалам курганов с «усами»)

И.В. Грудочко

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
grudochkoivan@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексу вооружения кочевников эпохи Великого переселения народов (IV–VI вв. н.э.) урало-казахстанских степей. В этот период происходят этнокультурные изменения, связанные с прекращением существования гунно-сарматской (позднесарматской) культуры и появлением нового типа памятников – курганов с «усами». Особенно хорошо эти изменения прослеживаются по распространению новых форм вооружения, которые демонстрируют находки из курганов с «усами» – Солончанка I, Султантемировский, Городищенское IX, Ижевский-2, Атасу-2, Коктал, Зевакино.

Комплекс вооружения этого времени представлен оружием дальнего боя (наконечники стрел, сложносоставные луки, стрелковые пояса) и ближнего боя (наконечники копий, кинжал и меч). Наконечники стрел, в большинстве случаев трехлопастные ромбовидные черешковые, получают распространение в гуннскую эпоху Евразии. Новационным можно считать сложносоставной лук и стрелковые пояса с пряжкой в виде «колчанного крюка». Наряду с этим в ближнем бою используется однолезвийное оружие: кинжал и меч (палаш?). Аналогии большинству предметов обнаруживаются в районах Южной Сибири и Центральной Азии (кокельская, булан-кобинская культуры) первой половины I тыс. н.э. Распространение этого комплекса вооружения на запад происходит в конце IV–V вв. н.э. в результате миграции кочевников с востока и фиксируется по ряду памятников гуннского круга (Мертвые Соли, Кызыл-Адыр, Усть-Альма, Новогригорьевка, Макартет, Кубей

Данные об авторе: Грудочко Иван Валерьевич – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Истоки формирования культуры древних венгров. Археологический палеоантропологический и палеогенетический аспект исследования средневековых памятников Южного Урала и Западной Сибири» (№ 18-59-23002).

и др.), а в урало-казахстанских степях – по курганам с «усами». Исходной территорией новых мигрантов, вероятней всего, является Джунгарская равнина.

Ключевые слова: средневековая археология, Великое переселение народов, курганы с «усами», вооружение, наконечники стрел, колчаный крюк, миграции

Эпоха поздней древности и Великого переселения народов в урало-казахстанских степях отмечена переменами этнокультурного характера, который можно обозначить как переход от позднесарматской к раннетюркской доминанте. Археологически это хорошо иллюстрируется исчезновением памятников позднесарматской культуры и появлением в III–IV вв. н.э. нового типа памятников – курганов с «усами». Находки из последних позволяют проследить новации в материальной культуре, особенно в предметах вооружения, которым посвящена данная статья.

Предметы вооружения являются одной из важнейших составляющих материальной культуры кочевников. Материалы из курганов с «усами» позволяют выделить наступательное оружие дальнего боя (лук, стрелы) и ближнего боя (кинжал, меч и копья). Наиболее многочисленную группу составляют наконечники стрел.

Наконечники стрел (91 экз.). Они неравномерно распределены в комплексах: Солончанка I (48 экз.), Султантемировский (21 экз.), Унирек (10 экз.), Зевакино, курган 1 (3 экз.), Городищенское IX (2 экз.), Коктал (2 экз.), Ижевский-2 (1 экз.), Атасу-2 (4 экз.) (рис. 1)¹. Все наконечники стрел изготовлены из железа, по способу насада на древко – черешковые. По сечению пера выделяются 2 группы: количественно преобладает группа трехлопастных наконечников, которым заметно уступает группа плоских.

Трехлопастные наконечники (89 экз.) имеют ромбическую форму, среди которых можно выделить симметричные и ассиметричные. Симметричные наконечники характеризуются боевой головкой, верхняя и нижняя части которой равны по величине (Солончанка I, Султантемировский, Ижевский, Унирек). По номенклатуре И.П. Засецкой они относятся к типу 1². У ассиметричных наконечников верхняя часть боевой головки короче (Султантемировский) либо длиннее нижней (Коктал) (типы 2 и 3 по И.П. Засецкой, соответственно).

Наконечники стрел из комплексов Султантемировский, Городищенский IX, Ижевский-2 и Унирек снабжались уступом при переходе от головки к черешку (рис. 1, 32–34, 41–43, 47, 49–51). Длина боевой головки у них составляет около 3 см. Наконечники, для которых отмечено отсутствие уступа и плавный переход от черешка к боевой головке, имели большую длину последней: в Солончанка I – 4,2–4,6 см, в Коктале – около 4 см (рис. 1, 1–31, 35, 36). Общая же длина наконечников примерно одинакова: в Султантемирове она не превышала 6,5 см, а из Солончанки I – 6,0–6,7 см. Несколько удлиненный черешок имел наконечник из кургана 2 комплекса Ижевский. В кургане 1 Зевакинского могильника обнаружен «трехлопастной, с округлым в сечении черешком» (рис. 1, 46) наконечник³. К со-

¹ Любчанский, Таиров 1999; Сунгатов, 2003; Курманкулов, Утубаев, Касенова 2018; Арсланова 1975; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006; Кадырбаев 1959; Бейсенов, Торгоев, Дуйсенбай, Ахияров 2018.

² Засецкая 1983, 70.

³ Арсланова 1975, 124.

жалению, в публикации не приведены размеры, но автор исследования отмечает, что он «необычно крупный для того времени» и указывает на аналогии из Кокэля и погребения в городище Актобе 2.

Плоские наконечники стрел представлены в двух экземплярах. Один из них (Городищенское IX) (рис. 1, 33) близок к типу 10 И.П. Засецкой: боевая головка имеет преломление в первой трети его длины (верхняя часть боевой головки короче нижней) и вертикальное ребро, проходящее по центру боевой головки. Форма наконечника из кургана 1 Зевакино тоже ромбическая (рис. 1, 44), однако иные детали (ввиду плохой сохранности) здесь проследить сложно.

Таким образом, наиболее представительными для курганов с «усами» являются железные черешковые трехлопастные ромбические наконечники стрел. Другая форма (с плоской в сечении боевой головкой) встречена всего в двух экземплярах. Попробуем проанализировать состав колчанов и соотношение типов наконечников, которые в них присутствуют.

В северном кургане комплекса Солончанка I обнаружено скопление лежащих в беспорядке 23 наконечников стрел, а в непосредственной близости – бронзовая обкладка дна или горловины колчана⁴. В южном кургане того же комплекса обнаружено 25 наконечников, локализующихся по двум скоплениям. Они также лежали в беспорядке, вблизи были обнаружены обкладки колчана⁵. В могильной яме султантемировского комплекса расчищено скопление из 21 наконечника стрел, колчанного крюка, удила и железного стержня⁶. В отличие от солончанского комплекса, они лежали довольно в компактном виде (что свидетельствует об обрядовых различиях), поэтому полная сохранность комплекта не вызывает сомнения. Указанные два набора составляли однотипные ромбические наконечники стрел, насчитывающие более 20 экземпляров в каждом.

Другая комплектность наблюдается в Зевакино (курган 1, могильная яма), где лежало три наконечника стрел. От одного из них, по словам автора исследования, сохранился лишь черешок⁷. Однако во встреченных нами публикациях он реконструировался либо заостренным⁸, либо заостренным без черешка⁹. Обращает на себя внимание и сравнительно длинный размер, что дает основания предполагать также пулевидную форму боевой головки. Два других наконечника имели трехлопастную и плоскую в сечении формы.

В Городищенском IX обнаружено два наконечника стрел (рис. 1, 32, 33), один из которых плоский, другой трехлопастной. Ассортимент близок комплекту из Зевакино, однако, в отличие от последнего, он вряд ли демонстрирует реальное содержание колчанного набора. Возможно, здесь мы имеем дело с определенной нормой обряда, при которой «захоронение» небольшого количества стрел было достаточным. Видимо, подобную ситуацию можно наблюдать в комплексах Ижевский-2, Коктал и Атасу-2, где обнаружено всего по несколько наконечников.

⁴ Любчанский, Таиров 1999, 13, 44, 45, рис. 11, 12.

⁵ Любчанский, Таиров 1999, 9, 39, рис. 6.

⁶ Сунгатов 2003, 217.

⁷ Арсланова 1975, 118.

⁸ Арсланова 1975, 123, табл. I, 9.

⁹ Bona 1991, 16.

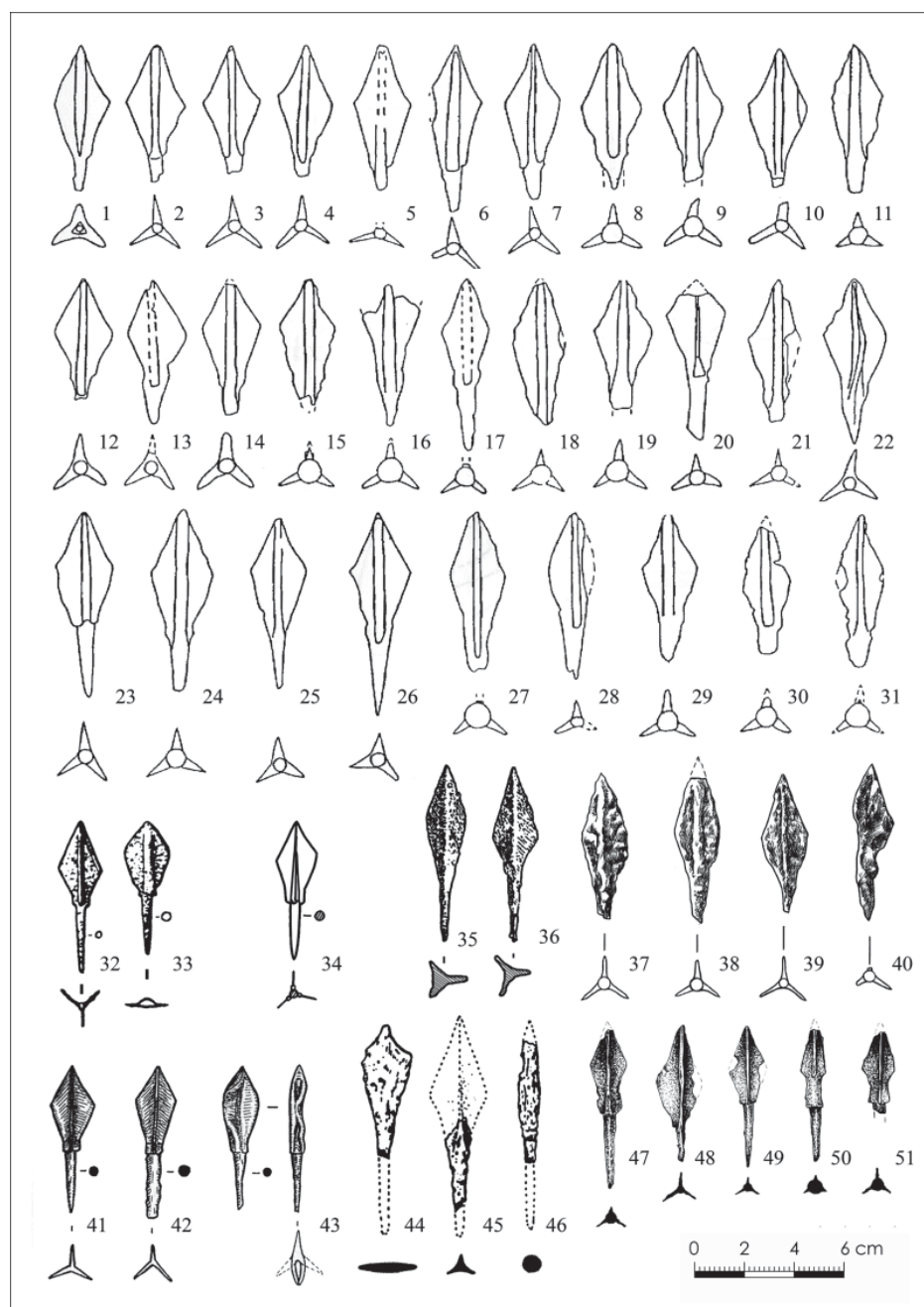

Рис. 1. Наконечники стрел из курганов с «усами». 1–31 – Солончанка I; 32, 33 – Городищенское IX; 34 – Ижевский-2; 35, 36 – Коктал; 37–40 – Атасу-2; 41–43 – Султантемировский; 44–46 – Зевакино; 47–51 – Унирек

Fig. 1. Arrowheads from the kurgans with “mustache”. 1–31 – Solonchanka I; 32, 33 – Gorodishchenskoe IX; 34 – Izhevskiy-2; 35, 36 – Koktal; 37–40 – Atasu-2; 41–43 – Sultantemirowskiy; 44–46 – Zevakino; 47–51 – Unirek

Круг аналогий железных наконечников связан главным образом со степными памятниками гуннской эпохи. В Южном Приуралье трехлопастные ромбические наконечники обнаружены в комплексе случайных находок у с. Ново-Успеновка¹⁰, в пещерном погребении Кызыл-Адыр¹¹, в кургане 1 на горе Мертвые Соли¹². В Самарском Заволжье и Нижнем Поволжье они известны в разрушенном погребении у с. Федоровка, кургане 4 (погребение 2) у с. Владимирское, кургане 3 у ст. Шипово, кургане 17 у г. Покровска, кургане 42 у с. Ровное¹³. Далее на западе они встречены в комплексах Новогригорьевка (курганы VIII, IX), Новая Маячка, Макартет, Усть-Альма¹⁴. В кургане 18 у г. Покровска обнаружен плоский ромбический наконечник, по размерам и форме похожий на наконечник из Городищенского IX, но без вертикального ребра на головке. Разнообразен ассортимент стрел из погребения у оз. Борового, включающий трехгранные, трехлопастные и ромбический в сечении наконечники¹⁵.

В перечисленных памятниках наблюдается такое же, как и в курганах с «усами», неравномерное распределение типов наконечников стрел: наиболее многочисленную группу составляют ромбовидные наконечники типа I (по И.П. Засецкой). Если для Северного Причерноморья и Нижнего Поволжья наблюдается однообразие форм, то комплексы из Приуралья и Заволжья отличаются заметным разнообразием состава наконечников¹⁶. Так, в погребении Кызыл-Адыр из 14 экземпляров 5 составляли наконечники с ромбической боевой головкой типа I (по И.П. Засецкой), другие – с ассиметричной, ярусной, трапециевидной, лавролистной формой и трехгранной в сечении боевой головкой. Во Владимирском погребении из 7 наконечников 6 трехлопастных и один плоский, с вертикальным ребром¹⁷. Последний обнаруживает близость наконечнику из кургана с «усами» Городищенское IX.

Сравнительно недавно круг аналогий наконечникам стрел пополнился благодаря введению в научный оборот двух комплексов. Один из них обнаружен в Притоболье на могильнике эпохи бронзы Халвай III. Предметный комплекс включал колчан, состоящий из не менее восьми стрел. Шесть наконечников трехлопастные с ромбической формой боевой головки и один плоский. Интерес вызывает и состав сопроводительного инвентаря – остатки сложносоставного лука и костяная подпружная пряжка, безусловно, сближающий их с материальной культурой кочевников гуннского времени¹⁸. Другой комплекс открыт в могильнике Назар 2 Центрального Казахстана. Впускное женское захоронение сопровождал набор из 13–14 стрел с ромбовидными наконечниками, который может быть датирован той же гуннской эпохой¹⁹.

¹⁰ Засецкая 1994, табл. 42, 10–11.

¹¹ Засецкая 1994, табл. 37, 1–6.

¹² Нефедов 1899, 10, 38, табл. 3, 4–6.

¹³ Засецкая 1994, 181, 184, 186–190, табл. 29, 2, 3; 31, 2, 3; 34; 35, 1–3; 41, 3.

¹⁴ Засецкая 1994, 163–165, 167, 168, табл. 3, 2–6; 5, 3–7; 9, 8; Комар 2013, 96, рис. 6, 2–5; Пуздровский, Зайцев, Неневоля 1999, 200, 202, рис. 5.

¹⁵ Бернштам 1951, 222–223, рис. 11.

¹⁶ Засецкая 1994, 38.

¹⁷ Засецкая 1983, 73; Засецкая 1994, 38.

¹⁸ Шевнина, Логвин 2015, 153, рис. 110, 4–11.

¹⁹ Бейсенов, Китов 2013, 462.

Представительная серия трехлопастных наконечников известна по памятникам джетыясарской культуры низовий Сыр-Дарьи: могильники Алтынасар 4б (№ 86 – здесь и далее номер кургана), Алтынасар 4д (№ 159, 160), Алтынасар 4к (№ 240), Алтынасар 4л (№ 238, 240, 356), Алтынасар 4т (№ 480)²⁰; некрополей Южного Казахстана: Коныртобе (погребения 7, 23), Тулебайтобе, курган 1, Тулебайтобе 2, курган 18. Некрополь городища Сидак (склеп 1, возможно, склепы 3, 6)²¹, Султанрабат (курган 2)²². В воинском захоронении Кызыл-Кайнар-Тобе на Среднем Таласе колчан насчитывал 8 однотипных (трехлопастных, ромбических) наконечников стрел²³.

Происхождение ромбовидных наконечников традиционно обычно связывают с регионами Центральной Азии (Западной Монголией, Южным Забайкальем, Тувой, Алтаем) на рубеже эр. На западе, в гунно-сарматских, позднесарматских памятниках II–IV вв. они не встречаются: в это время наиболее распространены были костяные наконечники или железные трехлопастные наконечники с прямо или под углом срезанными нижними концами лопастей. Ромбовидные формы получают наиболее массовое распространение на западе во второй половине IV–V вв. (Солончанка I, Султантемировский, Кызыл-Адыр, Покровск, Владимирское, Кубей, Новогригорьевка, Усть-Альма и др.) в связи с миграцией новых кочевников с востока. Так же широко эти наконечники представлены в комплексах джетыясарской культуры V – начала VI вв.²⁴

Колчаные крюки (2 экз.) обнаружены в комплексах Султантемировский и Унирек (рис. 2, 4, 5). Длина первого крюка составляет 6,5 см. Он представляет собой основание в виде слабо изогнутого стержня, резко загнутый язычок, оканчивающийся Т-образной поперечной планкой и щиток в виде сомкнутой петли. Планка раздвоена так, что выглядит как V-образная, однако в целом она прямая. Второй крюк, длиной 6,2 см, аналогичной формы, но худшей сохранности: утрачены часть основания и планки. Функционально эти предметы выполняли роль пряжки стрелкового пояса²⁵.

Ближайшие аналогии происходят из пещерного погребения Кызыл-Адыр и из кургана 3 на горе Мертвые Соли (Южное Приуралье)²⁶. На западе, в Северном Причерноморье, подобные крюки найдены в комплексах Кубей (курган 8, погребение 2) и могиле VIII Новогригорьевки²⁷. Интересно, что Кубей и Мертвые Соли объединяет редкая для степных памятников гуннского времени восточная ориентировка погребенных. В Южном Казахстане колчаные крюки встречены в одном из склепов Борижарского могильника²⁸ и погребении Актобе²⁹.

²⁰ Левина 1996, 199, 287, рис. 92, 19, 21, 35, 37, 44, 46, 47, 50, 51, 56–68.

²¹ Байпаков, Смагулов, Ержигитова 2005, 14, 19, 93, 130–132, рис. 1.6, 1, 2; 1.16, 4, 5; 2.21, 8, 9, 21; 3.24, 16; 3.25, 6; 3.27, 1.

²² Подушкин 2000, 66–67.

²³ Мершиев 1970, 89, 90, рис. 7, 7.

²⁴ Засецкая 1983, 82; Левина 1996, 199; Любчанский, Таиров 1999, 23; Боталов, Таиров, Любчанский 2006, 110–111; Боталов 2008, 223.

²⁵ Кубарев 2005, 92–98; Vona 1991, 21, abb. 5.

²⁶ Засецкая 1994, 188, табл. 37, 21; Нефедов 1899, табл. 3, 15.

²⁷ Засецкая 1994 табл. 5, 12; 46, 19.

²⁸ Байпаков, Смагулов, Ержигитова 2005, 124, рис. 3.20, 20.

²⁹ Максимова, Мершиев, Вайнберг, Левина 1968, 75–76, рис. 32, 13.

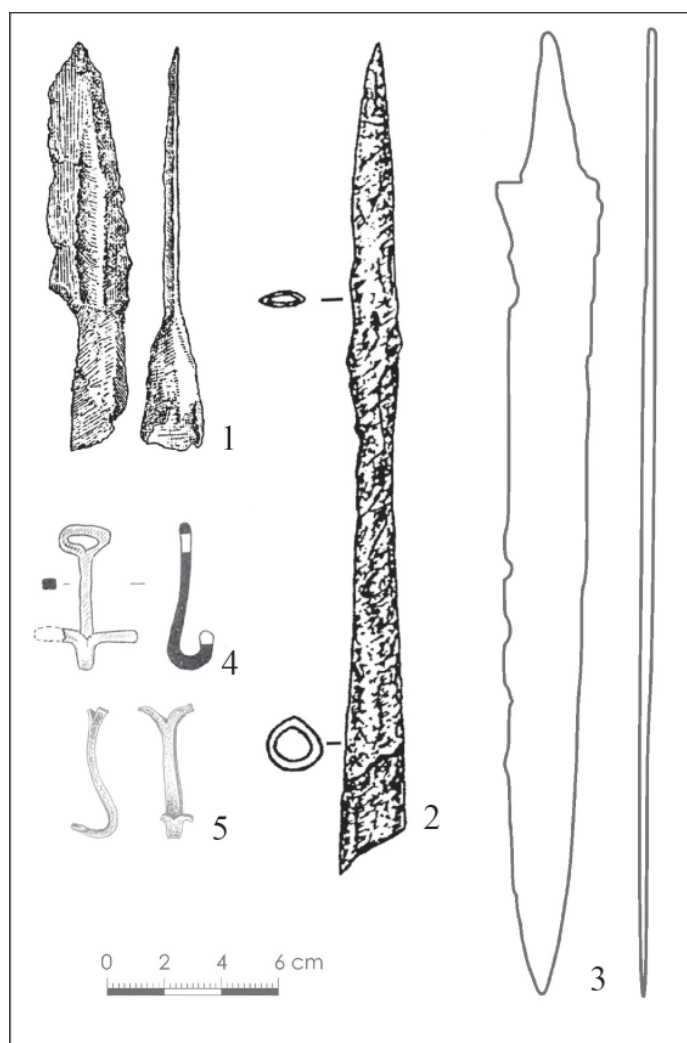

Рис. 2. Предметы вооружения из курганов с «усами». 1 – Коктал; 2 – Нижнедавлетовский; 3 – Назар; 4 – Султантемировский; 5 – Унирек

Fig. 2. Weapons from the kurgans with “mustache”. 1 – Koktal; 2 – Nizhnedavletovskiy; 3 – Nazar; 4 – Sultantemirovskiy; 5 – Unirek

В большинстве же такие крюки обнаружены на востоке, в некрополях булан-кобинской культуры Алтая (Кок-Паш, Верх-Уймон, Булан-Кобы IV, Дялян), в козельском ритуальном комплексе из Бай-Тайги в Туве, в дуройских и бурхотуйских погребениях Восточного Забайкалья, в кенкольских комплексах Тянь-Шаня³⁰. При этом существует два региона их наибольшего распространения – Алтай и Восточное Забайкалье. По данным С.С. Матренина, среди колчанных крюков с планкой количественно преобладают экземпляры со щитком в виде замкнутой петли.

³⁰ Грач 1966, 104, рис. 30, 1; Сорокин 1977, 63, рис. 6, 5; Васютин, Елин 1987, 87, 88, рис. 1, 25; 2, 42; Кожомбердиев, Худяков 1987, 80, рис. 2, 10, 11; Матренин 2011, 146.

Период их бытования приходится на 2-ю четверть I тыс. н.э., а период активного использования – IV–V вв.³¹ Именно эта форма в V в. проникает на запад в Приуралье (Кызыл-Адыр, Султантемировский, Мертвые Соли) вплоть до Северного Причерноморья (Кубей, Новогригорьевка). А.А. Тишкин и С.С. Матренин предлагают следующую схему их распространения: из Центральной Азии эта форма проникла в Семиречье и Нижнюю Сырдарью, а затем, в конце IV в., распространилась в Зауралье, Приуралье и Восточной Европе. По их мнению, появление таких колчаных крюков связано «с влиянием материальной культуры позднесаянбийского конгломерата на волне “великого переселения народов”»³². Поздние экземпляры обнаружены в кургане Крохалевка-23 (ранний этап верхнеобской культуры, 2-я половина V – VI в. н.э.) и раннетюркской оградке № 104 комплекса Кудэргэ, относящегося к кызыл-ташскому этапу тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.)³³. Впоследствии поперечная планка вовсе исчезает, что наблюдается, например, в памятниках Среднего Поволжья VII–VIII вв.³⁴

Несмотря всего на два случая находок колчаных крюков из курганов с «усами», они являются весьма показательным хронологическим маркером. Распространившись в степи примерно с конца IV в., эта форма исчезает где-то с VI в. н.э.

Костяные накладки сложносоставного лука обнаружены в комплексах Солончанка I (рис. 3, 9–14) и Зевакино (рис. 3, 1–8).

В Солончанке I накладки представлены большим количеством обожженных фрагментов. Авторы исследования указывают, что достоверно восстанавливается две концевых и две срединных накладки. Другие фрагменты позволяют предположить наличие еще как минимум двух концевых, одной срединной и одной продольной накладок. Концевые накладки прямые, со слегка закругленными краями на конце, с округлой прорезью для тетивы. Лицевая сторона отполирована, по заостренному краю лицевой стороны нанесены насечки в виде елочки. Обратная сторона обработана для крепления к основанию лука на какую-то клеевую основу. Размеры первой накладки – 22,5 x 1,7 см, сохранившейся части второй – 16,5 x 1,5 см. Лишь одна срединная накладка позволяет говорить о форме и размерах. Она имела трапецевидную форму, по длинному краю нанесен ряд насечек. Общая длина, как предполагают авторы исследования, могла составлять 14,5–15 см³⁵.

В кургане 1 комплекса Зевакино комплекса обнаружено 10 накладок. Конструктивно они распределялись следующим образом. На одном конце лука были четыре накладки, две из них короткие с вырезами накладывались на две длинные изогнутые. На противоположном конце две пластины меньшей длины без вырезов, возможно, обломанные. Между ними находилась короткая тыльная пластинка клиновидной формы. Две срединные трапецевидные накладки длинными концами были обращены внутрь, а третья, узкая, прямая, располагалась вдоль короткой стороны парных. Длина зевакинского лука достигала 130 см³⁶.

³¹ Матренин 2011, 148.

³² Тишкин, Матренин 2012, 132.

³³ Матренин 2011, 146; Тишкин, Серегин 2011, 24, 25, рис. 4, 7; Илюшин 2000, 166, рис. II, 6.

³⁴ Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998, 119, 120, рис. 26, 20–25.

³⁵ Любчанский, Таиров 1999, 24

³⁶ Арсланова 1975, 124.

Накладки из Зевакино имели нанесенные параллельные надрезы или ромбические штриховки с внутренней и внешней сторон для лучшего крепления (склеивания) с деревянной основой лука. Срединные накладки имели трапециевидную форму с заостренными длинными концами. Общая длина срединной накладки составляет около 14 см, концевых с вырезами – около 4 см, длинных концевых, на которые накладывались предыдущие, – около 16 см³⁷.

Аналогией деталям лука из комплекса Солончанка I является комплект накладок из пещерного погребения Кызыл-Адыр. Еще несколько накладок плохой сохранности происходят из курганов 17, 18 у г. Покровска³⁸. Комплект из семи накладок открыт во впускном погребении Халвай III³⁹.

Отличительной чертой луков гуннского времени является комплектность, включающая семь накладок: две пары концевых боковых и три срединных (две боковые и тыльная)⁴⁰. Концевые накладки по форме прямые или слегка дуговидные. Е.В. Круглов выделяет среди них две группы. Для первой характерно то, что большая часть лицевой поверхности накладок (боковых концевых и срединных) покрывалась мелкими хаотичными нарезками. Кроме того, наблюдается отсутствие достоверных свидетельств использования срединных тыльных пластин для рукоятей. Такие луки известны по памятникам Кызыл-Адыр, Покровск (курган 18 и менее выразительные фрагменты из кургана 17) и Царев. Е.В. Круглов предлагает назвать их «гунно-сарматским» типом. Рукояти второй группы луков, в отличие от первой, более значительны по размерам и снабжены тыльной пластиной. Боковые пластины строго трапециевидной формы. Насечки покрывают боковые грани пластин. Эту группу, экземпляры которой происходят из Усть-Альмы, Вены и др. и имеют аналогии в джетыясарских комплексах, в катакомбе 10 Кенкольского могильника⁴¹, Е.В. Круглов именует «огуро-савирской». Таким образом, материалы Солончанки I и Зевакино могут демонстрировать две линии развития сложносоставных луков, которые, по определению Е.В. Круглова, можно назвать «гунно-сарматской» и «огуро-савирской». Конструкция луков второй группы обладает технологическими новшествами, неизвестными в предыдущее время⁴². Одним из таковых является наличие клиновидной концевой тыльной пластины на зевакинском луке. Судя по сопроводительному инвентарю, он относится ко второй половине IV–V вв.

Наконечники копий (2 экз.) происходят из комплексов Коктал (северный курган) и Нижне-Давлетовский (рис. 2, 1, 2). Они изготовлены из железа и имеют конусовидную втулку.

Наконечник копья из Коктала имеет длину 16 см при длине пера 11 см. Перо ланцетовидной формы, наибольшая ширина которого составляет 3 см⁴³. Общая длина наконечника копья из Нижнедавлетово составляет 30 см с длиной пера 14 см. Перо уже втулки, наибольшая ширина составляет 2 см.

³⁷ замеры проведены по рисунку публикации: Арсланова 1975, 123, табл. I.

³⁸ Любчанский, Таиров 1999, 25; Засецкая 1994, 187, табл. 36, 2–11.

³⁹ Шевнина, Логвин 2015, 155, рис. 111, 2–5.

⁴⁰ Хазанов 1971, 30; Круглов 2005, 77.

⁴¹ Бернштам 1940, 21, 22, табл. XXVII; Левина 1996, 197, 282–286, рис. 87–91.

⁴² Круглов 2005, 78.

⁴³ Кадырбаев 1959, 90, рис. 3.

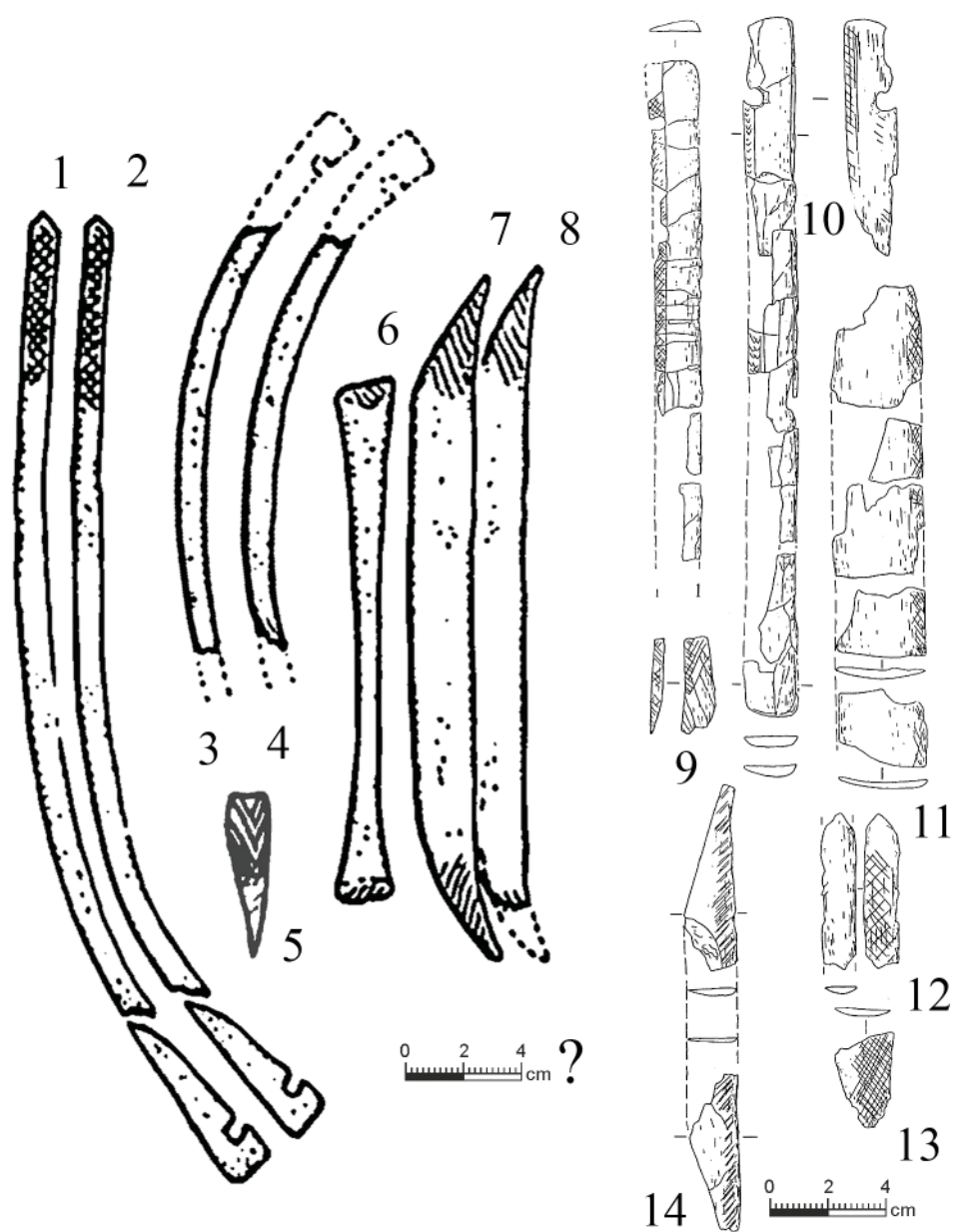

Рис. 3. Костяные накладки сложносоставного лука. 1-8 – Зевакино; 9-13 – Солончанка I
 Fig. 3. Bone details of composite bow. 1-8 – Zevakino; 9-13 – Solonchanka I

Находки наконечников копий довольно редки в степных памятниках вплоть до середины I тыс. н.э. В степных памятниках гуннского времени И.П. Засецкая приводит лишь одно копьё из погребения «Восход»⁴⁴. Еще один фрагмент копья (линзовидной в сечении формы) происходит из коллекции предметов у оз. Боровое⁴⁵. Приведенные экземпляры похожи на наконечник из Коктала. Второе копьё из нижнедавлетовского комплекса тяготеет к кокзельскому комплексу вооружения⁴⁶. Позже, в древнетюркских погребениях, они также редки, тем не менее на их широкое использование во второй половине I тыс. н. э. указывают изобразительные и письменные памятники⁴⁷. В VII–VIII вв. такие копья известны западней, в новинковских памятниках Самарской Луки⁴⁸.

Клиновое оружие включает находку кинжала (1 экз.) и меча (1 экз.).

Кинжал обнаружен в комплексе Назар (рис. 2, 3). Он изготовлен из железа. Общая длина – 32 см. Треугольный черенок рукояти с незначительным уступом плавно переходит в рукоять. В памятниках гуннского времени известно четыре находки похожих кинжалов: Новогригорьевка (могила VIII), Ровное (курган 42), Кубей (курган 8, погребение 2), Шипово (курган 3)⁴⁹. На Среднем Таласе кинжал аналогичной формы сопровождал богатое воинское захоронение Кызыл-Кайнар-Тобе второй половины IV–V вв.⁵⁰ Подобная форма кинжалов получает распространение не ранее V в. и хорошо прослеживается по памятникам гуннской эпохи⁵¹. Ранее, в гунно-сарматское время, бытовали кинжалы других форм: с прямым перекрестием и круглым навершием, а также биметаллические – без навершия с накладными ручками⁵².

Фрагмент **железного однолезвийного меча** сопровождал погребение из кургана 1 комплекса Зевакино. Имел плоскую рукоятку с плавно переходящим к лезвию уступом. Конец клинка обломан, сохранившаяся часть составляет 34 см. От ножен и рукояти сохранились остатки дерева⁵³.

Однолезвийные мечи, в отличие от ранее известных двулезвийных, получают развитие только в середине I тыс. н.э. Они прослежены по нескольким находкам памятников гуннского круга: Покровск (курган 17), Нижняя Добринка, совхоз Калинин⁵⁴. В Центральном Казахстане однолезвийный меч (с ромбовидным перекрестием) обнаружен в кургане 2 могильника Назар-2⁵⁵. На Алтае однолезвийный меч известен в составе инвентаря богатого захоронения у с. Тугозвонново второй половины IV–V в.⁵⁶

Таким образом, комплекс вооружения представлен стандартными для кочевников категориями: лук, стрелы, оружие ближнего боя. Представленный оружейный

⁴⁴ Засецкая 1994, 35, табл. 32, 2.

⁴⁵ Бернштам 1951, 222, рис. 10.

⁴⁶ Худяков 1986, 81, 82, рис. 32.

⁴⁷ Худяков 1986, 157; Кубарев 2005, 98, 99, 108, рис. 32.

⁴⁸ Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998, 113–115, рис. 24, 1–4.

⁴⁹ Засецкая 1994, 34, 35, 165, 181, 193, табл. 5, 2; 29, 1; 41, 1; 46, 18.

⁵⁰ Мерциев 1970, 89, 90, рис. 6.

⁵¹ Засецкая 1994, 35.

⁵² Боталов 2009, 185.

⁵³ Арсланова 1975, 118, 123, табл. I, 13; Bona 1991, 16, 235, abb. 4.

⁵⁴ Засецкая 1994, 33, 34, 177, 182–184, табл. 23, 12; 30, 10; 31, 1.

⁵⁵ Бейсенов, Китов 2013, 463, рис. 1.

⁵⁶ Уманский 1978, 134.

комплекс датируется в основном второй половиной IV–VI вв. н.э. Наиболее многочисленны находки наконечников стрел. Круг аналогий очерчен в основном памятниками гуннского времени Восточной Европы, предтюркского и раннетюркского времени Алтая. Для всех категорий вооружения характерны технологические новации, произошедшие в середине I тыс. н.э. (трехлопастные ромбические наконечники стрел, стрелковые пояса, однолезвийное оружие ближнего боя). Многие элементы вряд ли являются продолжением развития оружейного комплекса предшествующей гунно-сарматской и позднесарматской культуры. Судя по приведенным аналогиям, более вероятно центральноазиатское происхождение данного вооружения, которое было перенесено на запад вместе с мигрантами с востока.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсланова, Ф.Х. 1975: Курганы «с усами» Восточного Казахстана. В сб.: А.К. Акишев (ред.), *Древности Казахстана*. Алма-Ата, 116–129.
- Багаутдинов, Р.С., Богачев, А.В., Zubov, C.Э. 1998: *Правоболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья)*. Самара.
- Байпаков, К.М., Смагулов, Е.А., Ержигитова, А.А. 2005: *Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана*. Алматы.
- Бейсенов, А.З., Китов, Е.П. 2013: Впускное погребение гуннского времени из могильника Назар-2 (Центральный Казахстан). В сб.: С.Г. Боталов (ред.), *Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сборник научных трудов*. Челябинск, 462–467.
- Бейсенов, А.З., Торгоев, А.И., Дуйсенбай, Д.Б., Ахияров, И.К. 2018: Курганы с «усами» Ата-су-2. *Поволжская археология* 3(25), 103–117.
- Бернштам, А.Н. 1940: *Кенкольский могильник* (Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа. II). Л.
- Бернштам, А.Н. 1951: Находки у оз. Борового в Казахстане. *Сборник музея антропологии и этнографии* XIII, 216–229.
- Боталов, С.Г. 2008: *Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция)*. Челябинск.
- Боталов, С.Г., Таиров, А.Д., Любчанский, И.Э. 2006: *Курганы с «усами» урало-казахстанских степей*. Челябинск.
- Васютин, А.С. 1987: О хронологических границах Кок-Пашского археологического комплекса из Восточного Алтая. В сб.: А.С. Васютин (ред.), *Проблемы археологических культур степей Евразии*. Кемерово, 85–90.
- Грач, А.Д. 1966: Раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге. В сб.: Л.Т. Потапов (ред.), *ТТКАЭЭ II*, М.–Л., 81–107.
- Засецкая, И.П. 1983: Классификация наконечников стрел гуннской эпохи (конец IV–V вв. н. э.). В сб.: А.С. Скрипкин (ред.), *История и культура сарматов*. Саратов, 70–84.
- Засецкая, И.П. 1994: *Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху*. СПб.
- Илюшин, А.М. 2000: Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая. В сб.: В.И. Молодин, Ю.С. Худяков, С.Г. Скобелев (ред.), *Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии*. Новосибирск, 157–169.
- Кадырбаев, М.К. 1959: Исследования кургана с каменными грядами в Джамбульской области. *Вестник Академии наук Казахской ССР* 7(172), 89–97.
- Кожомбердиев, И.К., Худяков, Ю.С. 1987: Комплекс вооружения кенкольского воина. В сб.: В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков (ред.), *Военное дело древнего населения Северной Азии*. Новосибирск, 75–106.

- Комар, А.В. 2013: Комплекс из Макартета и ритуальные памятники гуннского времени. В сб.: С.Г. Боталов (ред.), *Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сб. науч. тр.* Челябинск, 88–109.
- Круглов, Е.В. 2005: Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья. В сб.: А.В. Евглевский (ред.), *Степи Европы в эпоху средневековья 4*. Донецк, 73–142.
- Кубарев, Г.В. 2005: *Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников)*. Новосибирск.
- Левина, Л.М. 1996: *Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э.* М.
- Любчанский, И.Э., Таиров, А.Д. 1999: Археологические исследования комплекса Курган с «усами» Солончанка I. В. сб.: А.Д. Таиров (ред.), *Курган с «усами» Солончанка I*. Челябинск, 5–62.
- Максимова, А.Г., Мерциев, М.С., Вайнберг, Б.И., Левина, Л.М. 1968: *Древности Чардары (археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища)*. Алма-Ата.
- Матренин, С.С. 2011: Колчанные крюки кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.): классификация и типология. *Известия Алтайского государственного университета* 4-2, 141–149.
- Мерциев, М.С. 1970: Поселение Кызыл-Кайнар-Тобе I–IV веков и захоронение на нем воина IV–V века. В сб.: М.К. Кадырбаев (ред.), *По следам древних культур Казахстана*. Алма-Ата, 79–92.
- Подушкин, А.Н. 2000: *Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н. э. – VI в. н. э.* Туркестан.
- Пуздровский, А.Е., Зайцев, Ю.П., Неневоля, И.И. 1999: Погребение воина гуннского времени на Усть-Альминском могильнике *Херсонесский сборник* X, 194–207.
- Сорокин, С.С. 1977: Погребения эпохи Великого переселения народов в районе Пазырыка. В сб.: Б.Б. Пиотровский (ред.), *Археологический сборник* 18, 57–67.
- Сунгатов, Ф.А. 2003: Султантемировский I курган с «усами». *Уфимский археологический вестник* 4, 216–224.
- Тишкин, А.А., Матренин, С.С. 2012: Колчанные крюки булан-кобинской культуры из памятника Яломан II (Центральный Алтай). *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 7(11), 125–133.
- Уманский, А.П. 1978: Погребение эпохи «великого переселения народов» на Чарыше. В сб.: В.И. Молодин (ред.), *Древние культуры Алтая и Западной Сибири*. Новосибирск, 129–163.
- Хазанов, А.М. 1971: *Очерки военного дела сарматов*. М.
- Худяков, Ю.С. 1986: *Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии*. Новосибирск.
- Шевнина, И.В., Логвин, А.В. 2015: *Могильник эпохи бронзы Халвай III в Северном Казахстане*. Астана.
- Bona, I. 1991: *Das Hunnen-reich*. Budapest.

REFERENCES

- Arslanova, F.H. 1975: Kurgany «s usami» Vostochnogo Kazakhstana [Kurgans “with mustache” in East Kazakhstan]. In: A.K. Akishev (ed.), *Drevnosti Kazakhstana [Antiquities of Kazakhstan]*. Alma-Ata, 116–129.
- Bagautdinov, R.S., Bogachev, A.V., Zubov, S.E. 1998: *Prabolgary na Sredney Volge (u istokov istorii tatar Volgo-Kam’ya)* [The Bulgarians of the Middle Volga (at the origins of the history of the Tatars of Volga-Kama)]. Samara.

- Baypakov, K.M., Smagulov, E.A., Erzhigitova, A.A. 2005: *Rannesrednevekovyye nekropoli Yuzhnogo Kazakhstana* [Early medieval necropolis of southern Kazakhstan]. Almaty.
- Bernshtam, A.N. 1940: Kenkol'skiy mogil'nik [Kenkol burial ground]. (*Arkheologicheskie ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Missions of the State Hermitage]. II). Leningrad.
- Bernshtam, A.N. 1951: Nakhodki u oz. Borovogo v Kazakhstane [Finds near lake Borovoe in Kazakhstan]. *Sbornik muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography] XIII, 216–229.
- Beysenov, A.Z., Torgoev, A.I., Duysenbay, D.B., Akhiyarov, I.K. 2018: Kurgan s «usami» Atasu-2 [Mound with “mustache” Atasu-2]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology] 3(25), 103–117.
- Beysenov, A.Z., Kitov, E.P. 2013: Vpusknoe pogrebenie gunnskogo vremeni iz mogil'nika Nazar-2 (Tsentral'nyy Kazakhstan) [Intake Hun burial time of burial Nazar-2 (Central Kazakhstan)]. In: S.G. Botalov (ed.), *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury evraziyskikh gunnov: sbornik nauchnykh trutov* [The Huns forum. The problem of origin and identification of the culture of the Eurasian Huns: collection of proceedings]. Chelyabinsk, 462–467.
- Bona, I. 1991: *Das Hunnen-reich*. Budapest.
- Botalov, S.G. 2008: *Gunny i tyurki (istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya)* [Huns and Turks (historical and archaeological reconstruction)]. Chelyabinsk.
- Botalov, S.G., Tairov, A.D., Lyubchanskiy, I.Eh. 2006: *Kurgany s «usami» uralo-kazakhstanskih stepey* [Kurgans with “mustache” of the Ural-Kazakhstan steppes]. Chelyabinsk.
- Grach, A.D. 1966: Raskopki v Sut-Hole i Bay-Tayge [Excavations in the Soot-Hal and Buy-Taig]. In: L.T. Potapov (ed.), *Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii* [Proceedings of Tuva complex archeological-ethnographic expedition] II, Moscow–Leningrad, 81–107.
- Ilyushin, A.M. 2000: Mogil'nik Kudyrgekh i voprosy drevnetyurkskoy istorii Sayano-Altaya [The burial ground Kudyrgeh and questions of ancient Turkic history of Sayano-Altai]. In: V.I. Molodin, Yu.S. Khudyakov, S.G. Skobelev (eds.), *Pamyatniki drevnetyurkskoy kul'tury v Sayano-Altai i Tsentral'noy Azii* [Archaeological sites of ancient Turkic culture in Sayano-Altai and Central Asia]. Novosibirsk, 157–169.
- Kadyrbaev, M.K. 1959: Issledovaniya kurgana s kamennymi gryadami v Dzhambul'skoy oblasti [The investigation of the mound with stone ridges in the Zhambyl oblast]. *Vestnik Akademii nauk Kazakhskoy Sovetskoy sotsialisticheskoy respubliki* [Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh Soviet socialist Republic] 7(172), 89–97.
- Khazanov, A.M. 1971: *Ocherki voennogo dela sarmatov* [Essays on the military art of the Sarmatians]. Moscow.
- Khudyakov, Yu.S. 1986: *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii* [Armament of medieval nomads of Southern Siberia and Central Asia]. Novosibirsk.
- Komar, A.V. 2013: Kompleks iz Makarteta i ritual'nye pamyatniki gunnskogo vremeni [Complex from the Macartet and ritual monuments of the Hun time]. In: S.G. Botalov (ed.), *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury evraziyskikh gunnov: sbornik nauchnykh trudov* [The Huns forum. The problem of origin and identification of the culture of the Eurasian Huns: collection of proceedings]. Chelyabinsk, 88–109.
- Kozhombardiev, I.K., Khudyakov, Yu.S. 1987: Kompleks vooruzheniya kenkol'skogo voina [The complex weapons of Kenkol warrior]. In: V.E. Medvedev, Yu.S. Hudyakov (eds.), *Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoy Azii* [Military Affairs of the ancient population of North Asia]. Novosibirsk, 75–106.
- Kruglov, E.V. 2005: Slozhnosostavnye luki Vostochnoy Evropy rannego srednevekov'ya [Compound bows of Eastern Europe of the early middle ages]. In: A.V. Evglevskiy (ed.),

- Stepi Evropy v ehposu srednevekov'ya* [Steppes of Europe in the Middle Ages] 4. Donetsk, 73–142.
- Kubarev, G.V. 2005: *Kul'tura drevnikh tyurok Altaya (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov)* [The culture of the ancient Turks of Altai (based on the materials of funerary monuments)]. Novosibirsk.
- Levina, L.M. 1996: *Ehtnokul'turnaya istoriya Vostochnogo Priaral'ya. I tysyacheletie do n.e. – I tysyacheletie n.e.* [Ethnic and cultural history of Eastern Aral Sea region. I Millennium BC to the I Millennium AD]. Moscow.
- Lyubchanskiy, I.E., Tairov, A.D. 1999: Arkheologicheskie issledovaniya kompleksa Kurgan s «usami» Solonchanka I [Archaeological studies of complex Kurgan with “mustache” Solonchanka I]. In: A.D. Tairov (ed.), *Kurgan s «usami» Solonchanka I* [Kurgan with “mustache” Solonchanka I]. Chelyabinsk, 5–62.
- Maksimova, A.G., Mershchiev, M.S., Vaynberg, B.I., Levina, L.M. 1968: *Drevnosti Chardary (arkheologicheskie issledovaniya v zone Chardarinskogo vodokhranilishcha)* [Antiquities of Chardara (archaeological research in the area of Chardara reservoir)]. Alma-Ata.
- Matrenin, S.S. 2011: Kolchannye kryuki kочевnikov Altaya hunnisko-syan'biysko-zhuzhanskogo vremeni (II v. do n.e. – V v. n.e.): klassifikatsiya i tipologiya [Quiver hooks of nomads of the Altai from the Hun-Xianbei-Rouran time (the 2nd Century BC to the 5th Century AD)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Altai state University] 4-2, 141–149.
- Mershchiev, M.S. 1970: Poselenie Kyzyl-Kaynar-Tobe I–IV vekov i zahoronenie na nem voyna IV–V veka [Settlement of Kyzyl-Kainar-Tobe of the 1st – 4th Centuries AD and the burial of a warrior 4th – 5th Century AD]. In: M.K. Kadyrbaev (ed.), *Po sledam drevnikh kul'tur Kazakhstana* [In the footsteps of ancient cultures of Kazakhstan]. Alma-Ata, 79–92.
- Podushkin, A.N. 2000: *Arysskaya kul'tura Yuzhnogo Kazakhstana IV v. do n. e. – VI v. n. e.* [Arys culture of southern Kazakhstan 4th Century BC – 6th Century AD]. Turkestan.
- Puzdrovskiy, A.E., Zaytsev, Yu.P., Nenevolya, I.I. 1999: Pogrebenie voyna gunnskogo vremeni na Ust'-Al'minskom mogil'nike [The warrior burial Hun time from the Ust' -Al'ma necropolis]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersoneses Collection] X, 194–207.
- Shevnina, I.V., Logvin, A.V. 2015: *Mogil'nik epokhi bronzy Khalvay III v Severnom Kazakhstane* [Halvai III Necropolis of the Bronze Age in Northern Kazakhstan]. Astana.
- Sorokin, S.S. 1977: Pogrebeniya epokhi Velikogo pereseleniya narodov v rayone Pazyryka [Burial of the era of the Great migration of peoples in the area Pazyryk]. In: B.B. Piotrovskiy (ed.), *Arkheologicheskiy sbornik* [Archaeological Collection] 18, 57–67.
- Sungatov, F.A. 2003: Sultantemirovskiy i kurgan s «usami» [Sultantemirov I Kurgan with “mustache”]. *Ufmskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Bulletin] 4, 216–224.
- Tishkin, A.A., Matrenin, S.S. 2012: Kolchannye kryuki bulan-kobinskoy kul'tury iz pamyatnika Yaloman II (Central'nyy Altay) [Quiver hooks of the Bulan-Kobin culture of the Yaloman II Site (Tsentrallyy Altay)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology] 7(11), 125–133.
- Umanskiy, A.P. 1978: Pogrebenie epokhi «velikogo pereseleniya narodov» na Charyshe [Burial of the era of “great migration” on Charysh]. In: V.I. Molodin (ed.), *Drevnie kul'tury Altaya i Zapadnoy Sibiri* [Ancient cultures of Altai and Western Siberia]. Novosibirsk, 129–163.
- Vasyutin, A.S. 1987: O khronologicheskikh granitsakh Kok-Pashskogo arkheologicheskogo kompleksa iz Vostochnogo Altaya [On the chronological boundaries of the Kok-Pash archaeological complex from the Eastern Altai]. In: A.S. Vasyutin (ed.), *Problemy arkheologicheskikh kul'tur stepey Evrazii* [Problems of archaeological cultures of the steppes of Eurasia]. Kemerovo, 85–90.

- Zasetskaya, I.P. 1983: Klassifikatsiya nakonechnikov strel gunnskoj epokhi (konets IV–V vv. n. e.) [Classification of arrowheads of the Huns era (end of 4th – 5th Centuries AD)]. In: A.S. Skripkin (ed.), *Istoriya i kul'tura sarmatov* [*Sarmatian history and culture*]. Saratov, 70–84.
- Zasetskaya, I.P. 1994: *Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepey v gunnskuyu epokhu* [*Culture of the nomads of the Southern Russian steppes in the Hun era*]. Saint Petersburg.

ARMAMENT OF THE NOMADS IN THE URAL-KAZAKHSTAN STEPPES
DURING FOURTH TO SIXTH CENTURIES
(based on the kurgans with “moustache” data)

Ivan V. Grudochko

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
grudochkoivan@mail.ru

Abstract. The paper concerns an armament of the Nomads during the Great Migration period (the 4th – 6th centuries AD) in the Ural-Kazakhstan steppes. There were ethnic and cultural changes in this period, which were related to the disappearance of the Hunnic-Sarmatian Culture (Late Sarmatian) and arrival of a new type of sites - the kurgans with “moustache”. It can be clearly seen through spreading new forms of armament that were discovered in the kurgans with “moustache” – Solonchanka I, Sultantemirovskiy, Gorodishenskoe IX, Izhevskiy-2, Atasu-2, Koktal, Zevakino.

The armament of this time is represented by long-distance weaponry (arrowheads, composite bows, archery belts with quiver hooks) and weaponry for close combat (spearheads, daggers and swords). The arrowheads – mostly three-blade stemmed rhombus-shaped – were widely spread since the Hunnic epoch in Eurasia. A composite bow and archery belts with a buckle in the form of a quiver hook can be considered as innovation. Along with them, bladed weapons: a dagger and a sword (a broadsword?) were in use. The most of the artefacts has analogies in the Southern Siberia and Central Asia sites in the first half of the first millennium AD (Kokel, Bulan-Kobinskaya cultures). Spreading this complex of armament towards the West took place in the end of the 4th – 5th centuries AD as a result of the nomads migration from the East and it can be traced in some of Hunnic sites (Mertvyje Soli, Kyzyl-Adyr, Ust'-Alma, Novogrigor'evka, Makartet, Kubey and so on), and, in the Ural-Kazakhstan steppes – in the kurgans with “moustache”. The initial place of new migrants was, most probably, Dzungarian plain.

Keywords: archaeology, Middle Ages, Great Migration, kurgan with “moustache”, armament, arrowheads, quiver hook, migrations

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2020), 21–32
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2020), 21–32
©Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-1-67-21–32

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ И ТОРГОВЛЯ В АНТИЧНОМ МИРЕ

(Восточное Средиземноморье, Причерноморье и
варварская северо-восточная периферия)

А.В. Безруков¹, В.В. Улитин²

¹ *Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова,
Магнитогорск, Россия
buonogiorno@mail.ru*

² *Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
ulitin_vladislav@yahoo.com*

Аннотация. В статье предпринята попытка обозначить (в основном на примере античных государств Восточного Средиземноморья и Причерноморья и варварских племен северо-восточной ближней и дальней периферии ойкумены) основные теоретические аспекты и проблемы изучения влияния военно-политических факторов на торговлю античной эпохи. Рассмотрены отраженные в различных категориях источников данные о влиянии военно-политических факторов на торговлю, механизмы и степень воздействия этих факторов.

Авторы отмечают необходимость комплексного анализа различных видов источников для выявления влияния тех или иных военно-политических событий на развитие торговли. Этот анализ предполагает выявление сочетания данных письменных источников, свидетельств военных конфликтов на археологических объектах, а также монетных кладов (если таковые имеются) и свидетельств изменений в торговле, фиксируемых по категориям импортных предметов, поступавших торговым способом. При этом данные должны относиться к достаточно узкому хронологическому отрезку и одной территории либо к разным территориям, но тесно контактировавшим друг с другом.

В большей степени влияние войн на развитие торговых связей было негативным и могло проявляться через принятие официальных постановлений и создание специальных органов (при условии подкрепления их военной силой), воздействие на торговые пути, города, поселения и торговые пункты, сельское хозяйство, финансы и людские ресурсы. Однако в некоторых сферах и случаях (прежде всего, работорговля и торговля оружием) военные конфликты стимулировали развитие торговли. Отмечено, что степень воздействия военно-политических факторов на торговлю могла быть различной: незначитель-

Данные об авторах: Безруков Андрей Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова;

Улитин Владислав Всеволодович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета.

Основные положения статьи были отражены в нашем докладе на конференции «Историк и текст», проходившей в Москве в Институте всеобщей истории РАН 19–20 декабря 2019 г.

ной, ограниченной (касающейся только стратегических товаров), высокой в течение длительного времени или короткого промежутка, но достаточной, чтобы при определенных условиях вызвать катастрофические последствия.

Ключевые слова: античность, Восточное Средиземноморье, Причерноморье, военные конфликты, миграции, торговля, античный импорт, греки, варварская периферия.

Война в античную эпоху оказывала влияние на самые различные сферы жизни как античного общества, так и варварских племен¹. Торговля, имевшая большое значение не только для греков и римлян, но также и для населения обширных территорий варварского мира, не была в этом отношении исключением. Интерес исследователей, особенно археологов, к проблемам воздействия военно-политических конфликтов на развитие торговли прежде всего вызван необходимостью сопоставить выявленные изменения в динамике экспорта и импорта с влиянием военно-политических факторов. При этом в качестве последних необходимо рассматривать не только военно-политические конфликты, но и миграции варварских племен.

На наш взгляд, анализу конкретного материала способно оказать существенную помощь изучение теоретических аспектов проблемы с обозначением круга связанных с ней вопросов и трудностей. В статье предпринята попытка обозначить (в основном на примере античных государств Восточного Средиземноморья и Причерноморья и варварских племен северо-восточной ближней и дальней периферии античного мира) основные теоретические аспекты и проблемы изучения влияния военно-политических факторов на торговые связи античной эпохи. Основными аспектами, на наш взгляд, являются следующие: отражение в различных категориях источников данных о влиянии военно-политических факторов на торговлю, механизмы и степень воздействия этих факторов.

Прямые сведения о воздействии тех или иных конкретных военно-политических событий на торговлю единичны, что делает необходимым выявление в источниках прямой и косвенной информации о военных конфликтах и миграциях, с одной стороны, и о развитии торговых связей, с другой, и дальнейшее ее сопоставление.

Проблема, связанная с информативностью разных видов источников, заключается в непропорциональном отражении в них сведений о военных конфликтах и торговых связях, а также о различных территориях древнего мира. В письменных источниках преобладает информация о конкретных военных событиях, что позволяет судить о динамике военно-политической обстановки. Динамика торговли, напротив, выявляется главным образом благодаря конкретным категориям античного импорта, находимым в процессе археологических раскопок. Основной объем информации в письменных источниках относится к античным государствам Средиземноморья и Причерноморья и варварам ближней периферии античного мира, в то время как информация о варварах дальней периферии является скудной. Кроме того, для дальней варварской периферии изменения в торговле могут быть зафиксированы по очень ограниченному количеству категорий хорошо дати-

¹ См., например: Ханиотис 2013; Першиц 1994; Вдовченков 2016.

руемого массового импорта, ввиду чего возникает больше проблем с соотношением материала с конкретными событиями.

Античные письменные источники представлены данными нарративной традиции и эпиграфическими памятниками, чрезвычайно редко содержат прямые сведения о воздействии тех или иных военно-политических событий на торговлю. Однако они характеризуют военные конфликты различных видов и позволяют выделить различные компоненты античной торговли, дают важные сведения об ее организации. А. Ханиотис среди военных конфликтов эллинистической эпохи называет «великие войны», региональные и локальные конфликты, территориальные споры, гражданские войны, восстания местного населения или наемников, вторжения варварских племен². А.И. Першиц применительно к кочевым обществам выделяет такие коллективные вооруженные конфликты, как родовая месть, грабительский набег и «настоящая война», или просто война³. Применительно к конкретному античному государству или варварскому обществу может быть предложена своя классификация военных конфликтов.

Данные нарративной традиции и эпиграфические памятники слабо освещают события на варварской периферии античного мира (особенно на дальней) и миграционные процессы. Они не дают достаточных сведений о динамике торговли; не позволяют на должном уровне дать количественную оценку экспорта–импорта, содержат отрывочные сведения о составе импорта и слабо освещают торговлю греков с варварскими племенами

Археологические источники представляют интерес в двух аспектах, отраженных соответственно в двух группах археологического материала.

Первая группа – импортные предметы, прежде всего, найденные в слое поселений или в погребальных комплексах и являющиеся базой для реконструкции динамики античной торговли. Изучение импортных предметов в интересующем нас ключе сопряжено с рядом проблем. Они должны быть дифференцированы по способам их поступления, поскольку не все из них связаны с торговлей, а могли проникать также в качестве трофеев, подарков, выплат наемникам и иными путями⁴. Следует учесть, что четкая дифференциация возможна не во всех случаях: некоторые категории импорта могли поступать как торговым путем, так и иными способами. Кроме того, для выявления динамики торговли должны быть использованы, прежде всего, категории массового и одновременно узко датированного импорта. Проблемы хронологии для варварских территорий связаны с отсутствием узких датировок для ряда категорий предметов и в силу запаздывания ряда категорий импорта.

Вторая группа – археологические объекты, которые в основном позволяют выделить следы дестабилизации военно-политической обстановки, самих военных конфликтов и их последствий⁵. К ним относятся поселения и торговые пун-

² Ханиотис 2013, 31.

³ Першиц 1994, 187.

⁴ См., например: Брашинский 1984, 22–23; Simonenko, Marcenko, Limberis 2008, 329–330; Кошеленко, Малышев, Улитин 2010, 263–264.

⁵ Для изучения теоретических аспектов этой темы представляет интерес статья Сл. Венкла (Vencel 1984).

кты, фортификационные сооружения, погребальные комплексы. В отдельную группу при этом можно выделить свидетельства миграций.

Изучение археологических объектов в интересующем нас ключе связано с несколькими проблемами. Во-первых, это проблема хронологии, поскольку во многих случаях имеется возможность соотнесения разрушений на поселениях с серией событий, а не с каждым из них отдельно. Так, некоторые разрушения в боспорских городах датируются широко – временем от восстания Савмака до гибели Митридата Евпатора⁶. Во-вторых, существует проблема интерпретации разрушений – выявления их виновников и определения масштабов и значимости событий. В-третьих, это проблема локализации мест сражений, ряда античных и варварских поселений, племен.

Особую сложность вызывает четвертая проблема – выявление в археологическом материале миграций. В частности, это объясняется тем, что период «завоевания» или «обретения родины» номадами почти не находит отражения в археологических источниках, за исключением следов пожаров и разрушений на поселениях земледельцев, запустения территорий, появления в степи отдельных погребений кочевников⁷. Исследователи обычно фиксируют миграции по изменениям в погребальном обряде и материальной культуре, увеличению количества погребений, а также на основе антропологического материала⁸.

Нумизматический материал дает возможность проследить изменения в денежном обращении, связанные также с развитием торговли в целом, может отражать не только состояние финансов и достаточно точно датировать комплексы, но и свидетельствовать о напряженной военно-политической обстановке. Так, массовая тазаврация монетных кладов на Боспоре в период его подчинения Митридату Евпатору убедительно связывается исследователями с ухудшением экономического положения Боспора под воздействием Митридатовых войн, в том числе выплатой тяжелого фороса (Strab. VII. 4. 6)⁹.

Проблемы изучения нумизматического материала в контексте интересующих нас аспектов связаны с интерпретацией кладов (финансовые / военно-политические причины / те и другие) и индивидуальных находок монет, с их функциями на различных территориях¹⁰, датировкой, трактовками изображений триумфального характера на монетах.

Для определения влияния тех или иных военно-политических событий на развитие торговли необходим комплексный анализ различных видов источников. Он предполагает выявление сочетания данных письменных источников, свидетельств военных конфликтов на археологических объектах, а также монетных кладов, если таковые имеются, и свидетельств изменений в торговле, фиксируемых по категориям импортных предметов, поступавших торговым способом. При этом данные должны относиться к достаточно узкому хронологическому отрез-

⁶ Сапрыкин 1996, 270.

⁷ Виноградов 2009, 27.

⁸ Скрипкин 2017, 18, 129–130, 151–164.

⁹ Абрамзон, Новичихин 2014, 343–344.

¹⁰ Например, монетные находки на территориях обитания кочевых сарматских племен не связаны с денежным обращением и торговлей, осуществлявшейся у сарматов исключительно в форме натурального обмена (Безуглов 2001, 60; Mielczarek 1989, 118–119).

ку и одной территории либо к разным территориям, но тесно контактировавшим друг с другом.

Особую сложность вызывает изучение возможных механизмов влияния военно-политических факторов на торговлю, то есть того, как именно, через какие сферы жизни война оказывала воздействие на развитие торговых связей. В основном механизмы могут быть прослежены по достаточно хорошо освещенным письменными источниками греко-персидским войнам и Пелопоннесской войне. Подобных данных практически нет, например, для государств Северного Причерноморья.

Важным является вопрос о влиянии на развитии торговли официальных постановлений античных государств и органов, созданных в военной обстановке, либо при подготовке к войне или по ее завершении, для контроля над торговлей или целенаправленного воздействия на нее. В качестве ярких примеров постановлений и органов подобного рода можно назвать мегарскую псефизму, декрет афинян в честь жителей Метоны, коллегия геллеспонтофилаков, учреждение таможни в проливах в завершающий период Пелопоннесской войны Алкивиадом, предоставление римлянами Делосу статуса свободного порта. По мнению Б.Р. Макдональда, мегарская псефизма не повлияла на контакты мегарян с большинством заморских или сухопутных рынков, преследуя цель ослабить внешне-политические связи Мегар, но не их торговлю¹¹. Считается, что предоставление римлянами после их победы в Третьей Македонской войне Делосу статуса свободного порта нанесло мощный удар по торговле Родоса. Однако активизация с середины II в. до н.э. импорта родосского вина в Прикубанье, а также динамика родосского импорта на ряде других территорий античного мира служат одним из свидетельств против столь однозначной оценки влияния этой меры на развитие родосской торговли¹². Вероятно, появление официальных постановлений и органов оказывало заметное влияние на развитие торговли только в том случае, если оно сопровождалось и подкреплялось солидной военной силой¹³.

Разнообразным было воздействие военно-политических конфликтов и шире – военно-политической обстановки – на торговые пути. Для самих греков до эллинистической эпохи основными торговыми путями были морские. Среди конкретных действий военного характера, влиявших на функционирование торговых путей, следует отметить, во-первых, установление военного контроля над проливами и стратегическими пунктами¹⁴ и морскую блокаду, которая в определенных условиях могла быть очень эффективной (блокада по приказу Помпея Босфора в 63 г. до н.э.)¹⁵. Во-вторых, необходимо назвать захват вражеских торговых судов с грузами и пиратскую деятельность, которая могла быть и явлением постоянным (деятельность в Черном море ахейцев, зихов и гениохов¹⁶). В-третьих, можно от-

¹¹ MacDonald 1982, 122–123.

¹² Улитин 2013, 141; Беликов 2003, 36–37; Garlan 2000, 186.

¹³ В этом отношении интересна мысль Брашинского, который примерно в том же смысле писал о мегарской псефизме, считая, правда, ее действие в отношении внешней торговли Мегар реальным: «Изгнание мегарян со всех афинских рынков могло быть действительным <...> если афиняне <...> осуществляли строгий контроль и над черноморскими проливами» (Брашинский 1984, 94).

¹⁴ См., например, Брашинский 1963, 89–102.

¹⁵ Plut. Pomp. 39; Молев 1995, 132, 134.

¹⁶ Брашинский 1973, 124.

метить необходимость организации конвоирования торговых судов во избежание их захвата¹⁷. В-четвертых, следует упомянуть о контроле над караванными торговыми путями, имевшем особое значение для варваров дальней периферии античного мира, например, верхних сираков и алан¹⁸.

Действия на торговых путях могли дестабилизировать торговлю, препятствовать ее более активному развитию или даже вызвать временное ее прекращение, прежде всего мешая торговле стратегически важными продуктами. Так, захват черноморских проливов Лисандром привел к временному прекращению получения Афинами понтийского зерна¹⁹.

Военные конфликты оказывали влияние на города и поселения, а также на торговые пункты на варварских территориях (например, на Елизаветовском городище на Дону²⁰), вызывая разрушения, пожары, опустошения, уход населения²¹. Разрушение портовых сооружений и складских помещений могло вызвать дезорганизацию торговли.

Механизмы, связанные с влиянием войны на сельское хозяйство, были одними из важнейших и могли проявляться либо через воздействие на сельскохозяйственное производство или его продукты непосредственно самих военных действий, либо путем перераспределения части сельскохозяйственных ресурсов на иные цели. Военные действия были способны препятствовать обработке земли, урожай мог быть уничтожен или захвачен²². Пример перераспределения части ресурсов – обеспечение Боспором нужд Митридата Евпатора в зерне, поставляемом понтийскому царю в качестве дани. При установлении даннических отношений между земледельцами и кочевниками часть зерна шла на фураж кочевникам²³. И непосредственное влияние военных действий, и перераспределение ресурсов могли привести к снижению экспортного потенциала как хоры античных полисов, так и территорий варваров-земледельцев, касавшегося ряда важных продуктов (зерна, вина, оливкового масла). Влияние войны на кочевое хозяйство могло проявляться в потере столь важных для кочевников²⁴ пастбищ и части скота проигравшей стороной.

Война также оказывала воздействие на финансы античных государств и их населения, вызывая необходимость введения чрезвычайных налогов, выплаты жалования наемникам, расхода средств на флот и фортификационные сооружения²⁵. Все это вело к снижению покупательной способности населения, с которым могла быть связана, например, невозможность для купца Формиона сбыта на Боспоре парфюмерной продукции во время войны Перисада со скифами²⁶.

¹⁷ Брашинский 1963, 105–109.

¹⁸ Скрипкин 2010, 82, 97, 115, 330–331.

¹⁹ Брашинский 1963, 102.

²⁰ Марченко, Житников, Копылов 2000, 252, 258.

²¹ См., например: Ханиотис 2013, 191.

²² Thorne 2001; Foxhall 2003; Ханиотис 2013, 193–200.

²³ И.И. Марченко предполагает поступление части зерна на фураж сарматам от меотов и сираков, но связывает его с интеграцией меотов в сиракский союз (Марченко 1996, 120).

²⁴ Виноградов 2009, 19, 24.

²⁵ Ханиотис 2013, 184–192.

²⁶ Dem. XXXIV, 8. В оценке масштабов степени влияния этой войны на боспорскую торговлю, видимо, прав Е.А. Молев (Молев 2009, 160–164).

Военные конфликты и деятельность пиратов оказывали влияние на людские ресурсы, приводя к недостатку рабочей силы, требовавшейся для обработки земли и, соответственно, получения необходимых для экспорта продуктов, и вместе с тем стимулировали развитие работорговли²⁷. Показательно, например, что сообщение Полибия о вывозе рабов из Понта совпадает по времени с известными надписями, упоминающими рабов-сарматов и рабов-меотов, и временем начала активного проникновения сарматов в Прикубанье и другие районы Северного Причерноморья (Polyb. IV. 38, 4)²⁸.

Сложным является вопрос о степени воздействия военных конфликтов на торговлю, которая могла быть различной. Не случайно И. Гарлан, кратко остановившийся на данной проблеме, отмечает, что влияние войн на торговлю нельзя назвать очевидным²⁹. Материалы археологических раскопок Аль-Мины, показали, что Афины и Персия активно торговали даже в период наибольшего развития военных действий между ними в эпоху греко-персидских войн. Л. Вулли сделал даже вывод о том, что в древности международная торговля не прерывалась международными войнами и торговые суда разгружались беспрепятственно во вражеских гаванях³⁰. И.Б. Брашинский отметил, что это справедливо по отношению к греко-персидским войнам, но не может быть принято для Пелопоннесской войны, влияние которой на развитие торговли хорошо прослеживается³¹. Торговля Гераклеи Понтийской с Азиатским Боспором и меотскими племенами, как показывает амфорный импорт, как ни странно, была более активна в период войны за Феодосию, когда Гераклея активно поддерживала последнюю против экспансии Спартокидов военной силой³². Между Коринфом и Афинами в течение Пелопоннесской войны продолжалась торговля керамическими изделиями, что, по мнению Б.Р. Макдональда, было связано с тем, что керамика не была стратегическим продуктом или материалом и не было причин препятствовать ее экспорту³³. В 480 г. до н.э. персы не делали попыток задержать корабли со стратегически необходимым грекам зерном, шедшие из Понта (Her. VII. 147), однако это могло объясняться высокой степенью уверенности персов в своей победе³⁴.

Судя по всему, гораздо большее воздействие война оказывала на торговлю тех полисов, хора которых производила продукты, шедшие на экспорт (зерно, вино, оливковое масло), и подвергалась целенаправленному, длительному и масштабному вражескому воздействию. Именно таким было влияние военных действий на хору Клазомен и Милета, прекративших после подавления персами Ионийского восстания экспорт своей продукции в амфорах³⁵. Другой пример – длительные войны с привлечением всех видов ресурсов, выведения их большей части из торговой сферы (например, Митридатовы войны). Возможно, было также быстрое и

²⁷ Ханиотис 2013, 197, 209–215.

²⁸ См., например, о захвате и продаже рабов сарматами: Вдовченков 2016, 231.

²⁹ Garlan 2000, 185–186.

³⁰ Wooley 1938, 22.

³¹ Брашинский 1963, 51–52.

³² Кошеленко, Малышев, Улитин 2010, 273–274, рис. 6; Кузнецова 2013, 21.

³³ MacDonald 1982, 118–123.

³⁴ Брашинский 1963, 37.

³⁵ Monakhov, Kuznetsova 2017, 67–68.

целенаправленное пресечение подвоза продовольствия врагу (действия Лисандра в проливах в конце Пелопоннесской войны).

Намного сложнее проследить степень воздействия на торговлю миграций. Передвижения кочевников на запад происходили по «принципу падающего domino» и почти всегда сопровождались войнами³⁶. Ярким примером стали повлиявшие на судьбы сарматов миграционные процессы во II в. до н.э.³⁷. Миграции могли повлиять на кардинальные перемены в этнической и военно-политической обстановке в степях, вызвать ее дестабилизацию³⁸, которая, в частности, оказывала негативное воздействие на греко-варварскую торговлю. Важную роль могли иметь нарушения прежних коммуникаций, по которым раньше поступал товар, поскольку лишь на втором этапе, этапе стабилизации, кочевники вырабатывают стабильные маршруты сезонных передвижений³⁹. Возможности земледельческого населения в отношении торговли могли быть ограничены уменьшением у них необходимых для нее ресурсов, поскольку земледельцы подвергались открытому грабежу со стороны кочевников, который опять же на втором этапе сменяется фиксированной данью⁴⁰.

Таким образом, в большей степени влияние войн на развитие торговых связей было негативным и могло проявляться через принятие официальных постановлений и создание специальных органов (при условии подкрепления их военной силой), воздействие на торговые пути, города, поселения и торговые пункты, сельское хозяйство, финансы и людские ресурсы. Однако в некоторых сферах и случаях (прежде всего, работорговля и торговля оружием) военные конфликты стимулировали развитие торговли.

Степень воздействия военно-политических факторов на торговлю могла быть различной: незначительной, ограниченной (касающейся только стратегических товаров), высокой в течение длительного времени или короткого промежутка, но достаточной, чтобы при определенных условиях вызвать катастрофические последствия.

Данную статью следует рассматривать лишь в качестве первой попытки ее авторов приблизиться к подробному изучению проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г., Новичихин, А.М. 2014: Два монетных клада Митридатовского времени с юго-восточной окраины Боспора (2014 г.). *ВДИ* 78/2, 333–348.
- Безуглов, С.И. 2001: Находки античных монет в погребениях кочевников на Нижнем Дону. *Донская археология* 1–2, 57–61.
- Беликов, А.П. 2003: Торговля Родоса с Северным Причерноморьем после 168 г. до н.э. В сб.: В.П. Копылов (ред.), *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века*. Ростов-на-Дону, 36–37.
- Брашинский, И.Б. 1963: *Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н.э.* М.
- Брашинский, И.Б. 1973: Понтийское пиратство. *ВДИ* 3, 124–133.

³⁶ Виноградов 2009, 25.

³⁷ Скрипкин 2017, 158–161.

³⁸ Виноградов 2009, 6, 17.

³⁹ Виноградов 2009, 28.

⁴⁰ Виноградов 2009, 27.

- Брашинский, И.Б. 1984: *Методы исследования античной торговли*. Л.
- Вдовченко, Е.В. 2016: Война как форма экономики у сарматов: постановка проблемы. *Преподаватель XXI век* 3, 229–237.
- Виноградов, Ю.А. 2009: Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского. *БИ* XXII, 5–90.
- Кошеленко, Г.А., Малышев, А.А., Улитин, В.В.: Торговля. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани*. Т.2. М., 256–289.
- Кузнецова, Е.В. 2013: *Экономические связи античных поселений Азиатского Боспора в VI – III вв. до н.э. (по данным керамической тары)*: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж.
- Марченко, И.И. 1996: *Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани)*. Краснодар.
- Марченко, К.К., Житников, В.Г., Копылов, В.П. 2000: *Елизаветовское городище на Дону*. М.
- Молев, Е.А. 1995: *Властитель Понта*. Нижний Новгород.
- Молев, Е.А. 2009: Скифы в политической истории Боспора VI–II вв. до н.э. *ВДИ* 3, 155–165.
- Першиц, А.И. 1994: Война и мир на пороге цивилизации: кочевые скотоводы. В кн.: А.И. Першиц (ред.), *Война и мир в ранней истории человечества*. Т. 2. М.
- Сапрыкин, С.Ю. 1996: Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье. М.
- Скрипкин, А.С. 2010: *Сарматы и Восток*. Волгоград.
- Скрипкин, А.С. 2017: Сарматы. Волгоград.
- Улитин, В.В. 2013: Торговые связи меотских племен Прикубанья с античным миром в середине III – первой половине I в. до н.э. (на основе амфорного материала). В сб.: Т.А. Павленко, Р.Б. Схатум, В.В. Улитин (ред.), *III «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Памятники раннего христианства на Западном Кавказе. К 1025-летию крещения Руси*. Краснодар, 140–145.
- Ханиотис, А. 2013: *Война в эллинистическом мире. Социальная и культурная история*. Санкт-Петербург.
- Garlan, Y. 2000: *Amphores et timbres amphoriques grecs: entre erudition et ideologie. (Memoires de l'Academie des inscriptions et belles-lettres XXI)*. Paris.
- Foxhall, L. 2003: Farming and fighting in ancient Greece. In: J. Rich., G. Shipley (ed.), *War and society in The Greek World*. London–New York, 134–145.
- MacDonald, B.R. 1982: The import of Attic pottery to Corinth and the question of trade during the Peloponnesian war. *Journal of Hellenistic studies* 102, 113–123.
- Mielczarek, M. 1989: *Ancient Greek Coins Found in Central, Eastern and Northern Europe*. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź.
- Monachov, S.Ju., Kuznetsova, E.V. 2017: Overseas trade in the Black Sea region from the Archaic to the Hellenistic period. In: V. Kozlovskaya (ed.), *The Northern Black Sea in Antiquity. Networks, connectivity and cultural interactions*. Cambridge, 59–99.
- Simonenko, A.V., Marčenko, I.I., Limberis, N.Ju. 2008: *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban (Archäologie in Eurasien 25)*. Mainz–Berlin.
- Thorne, J.A. 2001: Warfare and Agriculture: The Economic impact of Devastation in Classical Greece. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 42, 225–253.
- Vencl, Sl. 1984: War and Warfare in Archaeology. *Journal of Anthropological Archaeology* 3, 116–132.
- Wooley, C.L. 1938: Excavations et Al Mina, Suedia. I. The Archaeological Report. *Journal of Hellenistic Studies* 58, 1–30.

REFERENCES

- Abramzon, M.G., Novichikhin A.M. 2014: Dva monetnykh klada Mitridatovskogo vremeni s yugo-vostochnoy okrainy Bospora [Two Hoards of the Mithridatic Period from the Southeastern Outlying Districts of the Bosphorus]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 78/2, 333–348.
- Bezuglov, S.I. 2001: Nakhodki antichnykh monet v pogrebeniyakh kochevnikov na Nizhnem Donu [Finds of Ancient Coins in the Nomadic Burials of the Lower Don Reaches]. *Donskaya arkheologiya* [Donskaya arkheologiya] 1–2, 57–61.
- Belikov, A.P. 2003: Торговля Родоса с Северным Причерноморьем после 168 г. до н.э. [Rhodian trade with the North Black Sea region after 168 BC]. In: V.P. Kopylov (ed.), *Mezhdunarodnye otnosheniya v bassejne Chyernogo morya v drevnosti i srednevekov'e* [International relations in the Black Sea Region in ancient and medieval times]. Rostov-on-Don, 36–37.
- Brashinskiy, I.B. 1963: *Afiny i Severnoe Prichernomor'e v VI–II vv. do n.e.* [Athens and the North Black Sea region in the 6th to 2nd centuries BC.]. Moscow.
- Brashinskiy, I.B. 1973: Pontiyskoe piratstvo [Pontic Piracy]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 124–133.
- Brashinskiy, I.B. 1984: *Metody issledovaniya antichnoy trgovli* [Research Methods of Ancient Trade]. Leningrad.
- Chaniotis, A. 2013: *Voyna v ellinisticheskom mire: sotsial'naya i kulturnaya istoriya* [War in the Hellenistic World: A social and cultural history]. Saint Petersburg.
- Garlan, Y. 2000: *Amphores et timbres amphoriques grecs: entre erudition et ideologie* (Memoires de l'Academie des inscriptions et belles-lettres XXI). Paris.
- Foxhall, L. 2003: Farming and fighting in ancient Greece. In: J. Rich, G. Shipley (ed.), *War and society in The Greek World*. London–New York, 134–145.
- Koshelenko, G.A., Malyshev, A.A., Ulitin, V.V. 2010: Torgovlya [Trade]. In: G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov (ed.), *Antichnoe nasledie Kubani* [Ancient Heritage of Kuban] 2. Moscow, 256–289.
- Kuznetsova, E.V. 2013: *Ekonomicheskie svyazi antichnykh poseleniy Aziatskogo Bospora v VI–III vv. do n.e. (po dannym keramicheskoy tary)* [Economic links of the Asian Bosphorus in the 4th–3rd cc. BC (based on evidence of pottery containers)]. PhD thesis. Voronezh.
- MacDonald, B.R. 1982: The import of Attic pottery to Corinth and the question of trade during the Peloponnesian war. *Journal of Hellenistic studies* 102, 113–123.
- Mielczarek, M. 1989: *Ancient Greek Coins Found in Central, Eastern and Northern Europe*. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź.
- Marchenko, I.I. 1996: *Siraki Kubani (Po materialam kurgannykh pogrebenii Nizhnei Kubani)* [Kuban Siraces (Basing on the Materials from the Barrow Burials from Lower Kuban Region)]. Krasnodar.
- Marchenko, K.K., Zhitnikov, V.G., Kopylov, V.P. 2000: *Elizavetovskoe gorodishche na Donu* [Elizavetovskoe settlement on the Don]. Moscow.
- Molev, E.A. 1995: *Vlastitel' Ponta* [The sovereign of Pontus]. Nizhniy Novgorod.
- Molev, E.A. 2009: Skify v politicheskoy istorii Bospora VI–II vv. do n.e. [The Scythians in the Political History of Bosphorus of the 6th–2nd Centuries BC]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 155–165.
- Monakhov, S.Ju., Kuznetsova, E.V. 2017: Overseas trade in the Black Sea region from the Archaic to the Hellenistic period. In: V. Kozlovskaya (ed.), *The Northern Black Sea in Antiquity. Networks, connectivity and cultural interactions*. Cambridge, 59–99.
- Pershits, A.I. 1994: Voyna i mir na poroge tsivilizatsii: kochevye skotovody [War and peace on the threshold of civilization: nomadic herders]. In: A.I. Pershits (ed.), *Voyna i mir v ranney istorii chelovechestva* [War and peace in early history of mankind]. Vol. 2. Moscow.

- Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea]. Moscow.
- Skripkin, A.S. 2010: *Sarmaty i Vostok* [Sarmatians and the East]. Volgograd.
- Skripkin, A.S. 2017: *Sarmaty* [The Sarmatians]. Volgograd.
- Ulitin, V.V. 2013: Torgovye svyazi meotskikh plemey Prikuban'ya s antichnym mirom v seredine III – pervoy polovine I v. do n.e. (na osnove amfornogo materiala) [Trade relations between the Maeotian tribes of the Kuban and the ancient world from the middle of the 3rd to the first half of the 1st century BC (based on the evidence of amphorae). In: T.A. Pavlenko, R.B. Skhatum, V.V. Ulitin (eds.). III «Anfimovskiye chteniya» po arkheologii Zapadnogo Kavkaza. Pamyatniki rannego khristianstva na Zapadnom Kavkaze. K 1025-letiyu kreshcheniya Rusi [The Third «Anfimov Readings» on the Archaeology of the Western Caucasus. Monuments of the early Christianity in the Western Caucasus. To the 1025th anniversary of Christianization of Rus] Krasnodar, 140–145.
- Simonenko, A.V., Marčenko, I.I., Limberis, N.Ju. 2008: *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban (Archäologie in Eurasien 25)*. Mainz–Berlin.
- Thorne, J.A. 2001: Warfare and Agriculture: The Economic impact of Devastation in Classical Greece. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 42, 225–253.
- Vdovchenkov, E.V., 2016: Voyna kak forma ekonomiki u sarmatov: postanovka problem [War as a form of economy of the Sarmatians: the problem statement]. *Prepodavatel' XXI vek* [Professor 21st Century] 3, 229–237.
- Vencl, Sl. 1984: War and Warfare in Archaeology. *Journal of Anthropological Archaeology* 3, 116–132.
- Vinogradov, Yu.A. 2009: Migratsii kochevnikov Evrazii i nekotorye osobennosti istoricheskogo razvitiya Bospora Kimmeriyskogo [Migrations of nomads in Eurasia and some peculiar features in the historical development of the Cimmerian Bosphorus]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies] XXII, 5–90.
- Wooley, C.L. 1938: Excavations et Al Mina, Suedia. I. The Archaeological Report. *Journal of Hellenistic Studies* 58, 1–30.

MILITARY-POLITICAL CONFLICTS AND TRADE IN THE CLASSICAL WORLD (EASTERN MEDITERRANEAN, BLACK SEA AND THE BARBAROUS NORTH-EASTERN PERIPHERY)

Andrey V. Bezrukov¹, Vladislav V. Ulitin²

¹ Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia
buonogiorno@mail.ru

² Kuban State University, Krasnodar, Russia
ulitin_vladislav@yahoo.com

Abstract. The papers attempts to identify (mainly on the example of the ancient states of the Eastern Mediterranean and the Black Sea region and the barbarian tribes of the north-eastern near and far periphery of the ancient world) the main theoretical aspects and problems of studying the influence of military-political factors on the trade of the ancient era. The following main aspects are considered: reflection in various categories of data sources concerning the military-political influence on trade, the mechanisms and the degree of their impact as well.

The need for a comprehensive analysis of various types of sources to identify the impact of certain military-political events on the development of trade is noted. It involves the identification of a combination of data from written sources, evidence of military conflicts at archaeological sites, as well as coin hoards (if any), and evidence of changes in trade recorded by categories of imported items that arrived in a commercial way. In this case, the data should relate to a rather narrow chronological segment and one territory, or to different territories, that were in close contact with each other.

It is shown that to a greater extent the effect of wars on the development of trade relations was negative and could be manifested through the adoption of official decisions and the creation of special bodies (subject to reinforcement by military force), the impact on trade routes, cities, settlements and trading points, agriculture, finance and human resources. However, in some areas and cases (primarily the slave trade and arms trade), military conflicts stimulated the development of trade. It is noted that the degree of influence of military-political factors on trade could be different: insignificant, limited (relating only to strategic goods), high for a long time or a short period, but sufficient to cause catastrophic consequences under certain conditions.

Keywords: Eastern Mediterranean, Black Sea, military conflicts, migration, trade, antique import, Greeks, barbarian periphery of the Classical world

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-1-67-33–52

КОНТУРЫ ЭВОЛЮЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ АФИН: ОТ МИКЕНСКОЙ КАТАСТРОФЫ ДО СИНОЙКИЗМА ТЕЗЕЯ

В.Р. Гущин

*Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Пермь,
Россия
valerii2012@yandex.ru*

Аннотация. В статье предпринята попытка воссоздать основные направления и стимулы эволюции социальной организации Афин, которые привели к возникновению полиса. Микенская катастрофа вызвала не только запустение Аттики, но и длительную концентрацию населения в Афинах. Это, на наш взгляд, наложило отпечаток на процесс возникновения и эволюции социальных институтов. В работе поддерживается ранее высказанное предположение, что афинские (ионийские) филы существовали уже в Микенский период. В процессе последующей ионийской миграции они получили распространение и в малоазийских (ионийских) полисах. Трудно сказать, существовали ли фратрии в микенский период, однако можно предположить, что они возникли или начали складываться в период миграций. Примерно с IX в. до н.э. (Геометрический период) начинается процесс, называемый нередко внутренней колонизацией. В его ходе население, прежде сконцентрированное в Афинах, начинает заселять Аттику. Итогом этого процесса становится децентрализация формирующегося государства (полиса) или разрыв связей центра и периферии. Естественно, это создает стимул для восстановления (или обретения) единства. Это происходит в результате того, что мы называем синойкизмом Тезея. Итогом становится формирование архаического (аристократического) полиса.

Хотя хронологически рассматриваемые нами проблемы укладываются в промежуток между XI и VIII вв. до н.э., в заголовке работы выносятся упоминание о синойкизме Тезея – события, вне всякого сомнения, легендарном. Отдавая себе отчет в этом, мы, тем не менее, полагаем, что формирование афинского полиса стало результатом того, что хотя бы условно можно назвать синойкизмом Тезея.

Ключевые слова: Древняя Греция, Афины, Постмикенский регресс, депопуляция, период Темных веков, ионийские филы, фратрии, синойкизм, Тезей

Крушение Микенской цивилизации, как известно, привело к затяжному и всестороннему кризису, политической, экономической и социальной деградации общества¹. Последняя выразилась, в частности, в значительном сокращении на-

Данные об авторе: Гущин Валерий Рафаилович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин НИУ ВШЭ Пермь.

¹ См., например: Андреев 1985, 11 и сл.; Андреев 2002, 666 и сл. Автор даже говорит о возвращении к первобытнообщинному строю в его новом варианте (Андреев 1985, 19; критика: Блаватская 2003, 93; Фролов 2004, 59 и сл.).

селения и депопуляции². Помимо того, определенно можно говорить об исчезновении господствующего класса (элиты) – верхнего социального слоя микенского общества. «С концом эпохи дворцов, – замечает Р. Осборн, – рухнуло не только политическое единство, но и социальная и экономическая организация в целом; добывание средств существования стало зависеть исключительно от усилий индивидов, при этом отсутствовала какая-либо господствующая личность или группа, изымавшая с остального населения произведенные излишки»³.

Затронул кризис и Аттику, население которой заметно сократилось. Существовавшие здесь ранее поселения пустеют⁴. К XI в. до н.э. там насчитывается всего четыре поселения, самым крупным из которых были, конечно же, Афины⁵. Именно там, а еще точнее – на Акрополе оказалась сконцентрирована немалая, если не подавляющая, часть населения не только Афин, но и Аттики⁶. Об этом, кстати, говорит и Фукидид. «Ранее (т.е. до Тезея – В.Г.), – замечает он, – этот город составлял Акрополь в его теперешнем объеме и значительно к югу обращенная часть его склона» (Thuc. II.15.3, здесь и далее пер. Ф. Мищенко)⁷. Причиной тому могла быть внешняя угроза, заставившая население Аттики (и не только Аттики) искать более надежное укрытие. Дело в том, что в Афинах находили спасение и жители других областей Греции. Мифологическая традиция сохранила сведения о переселении в Афины выходцев из Пилоса (Нелеидов) и ахейских ионийцев, спасавшихся от дорийцев (Thuc. I. 2. 7; Strab. IX. 1. 7)⁸. Предполагается, что это переселение не было одномоментным процессом. Судя по данным археологии, переселенцы прибывали в течение целого столетия (ок. 1100–1000 гг. до н.э.)⁹. Можно только догадываться, что представляли собой Афины в этот период. Прежние политические структуры рухнули или были существенно деформированы, а сам город стал местом скопления разношерстного населения, объединенного, пожалуй, лишь местом проживания.

Возможно, внешняя угроза исходила со стороны дорийцев, переселение которых нашло отражение в мифологии как «возвращение Гераклидов»¹⁰. Нападению дорийцев, согласно мифологической информации, подверглись и Афины. «... Так как теперь благодаря притоку изгнанников население Аттики стало многочисленным, – сообщает Страбон, – Гераклиды из страха перед ними пошли войной на Аттику» (Strab. IX. 1. 7). Мифологическая традиция сохранила свидетельства о столкновении афинян, возглавляемых Кодром, с дорийцами, основавшими перед

² Snodgrass 1971, 365–367; Snodgrass 1980, 20 ff.; Snodgrass 1983, 80; Андреев 2002, 648 и сл.

³ Osborne 2009, 46. Иного мнения придерживается И. Моррис, который считает, что иерархические социальные структуры все же уцелели (Morris 1991, 42). Ниже мы еще коснемся этого вопроса.

⁴ Osborne 1987, 128.

⁵ Desborough 1972, 20; Андреев 1985, 15.

⁶ Desborough 1972, 113; Coldstream 1977, 51; Van Gelder 1991, 61–62.

⁷ С Фукидидом согласны и современные комментаторы (Hornblower 1991, 265–266).

⁸ Roebuck 1959, 26; Хаммонд 2003, 96. О наличии пришлого населения свидетельствуют данные археологических раскопок (Хаммонд 2003, 98; Vanschoonwinkel 2006, 125).

⁹ Хаммонд 2003, 98.

¹⁰ Историчность дорийского переселения активно обсуждается в литературе. Из сравнительно недавних обзоров см.: Hall 2014, 44–56 (раздел посвящен рассмотрению проблемы дорийского вторжения и возможных альтернативных теорий крушения микенской цивилизации). См. также: Андреев 2002, 648–649; Лаптева 2009, 66 и сл.

этим, по словам Геродота, Мегары (Herod. V. 76; см. также: Paus. VII. 25. 2, Strab. IX. 1. 7)¹¹.

Неудивительно, что какая-то часть переселенцев и жителей Афин видела спасение в переселении на новое место. Согласно традиции именно отсюда переселенцы, возглавляемые детьми упомянутого выше Кодра, двинутся в Малую Азию, положив начало ионийской колонизации (Strab. XIV. 632–633, Paus. VII. 2–4, ср.: Thuc. I. 2. 7; 12. 3–4). Ниже мы еще обратимся к этой проблеме.

В контексте упомянутых выше процессов следует, по-видимому, вести речь о появлении небезызвестных ионийских фил, составной частью которых были фратрии (и/или тритии) (Arist. Ath. Pol. fr. 3)¹². Начнем с фил. Вопрос об их возникновении в настоящее время далек от разрешения. Традиция сообщает, что четыре афинские филы были названы именами сыновей Иона, переселившегося в Аттику. Вот, например, что говорит об этом Еврипид устами Афины в трагедии «Ион»:

«...От корня одного
Пойдут четыре сына – эпонимы
Для четырех племен того народа,
Что на моем теперь живет холме.
Гелеон будет первый, дальше племя
Гоплетское, Аргады, Эгикоры
(Так от моей Эгиды названы).
Со временем, назначенным заранее,
Их сыновья Киклады заселят
И побережье моря...»

(Euripid. Ion, 1575–1581, пер. И. Анненского)¹³.

До того, как филы стали ионийскими, т.е. были названы именами сыновей Иона, они несколько раз меняли свое наименование (Poll. VIII. 109). Вот как это выглядит, если сказанное Поллуком выразить в виде таблицы¹⁴:

Афинские цари	Наименования фил			
Кекроп	Кекропида	Автохтон	Актея	Паралия
Кранай	Кранаида	Аттида	Месогея	Диакрида
Эрихтоний	Диада	Атенаида	Посидонида	Гефестиада
Эрехтей	Гелеонты	Гоплеты	Эгикореи	Аргадеи

¹¹ Н. Хаммонд с доверием относится к данным традиции и датирует это событие 1050 г. до н.э. (Хаммонд 2003, 96; см. также: Broneer 1948, 113–114; Блаватская 2003, 44, 333). О. Бронир относит это нашествие ко второй волне дорийских переселений. Первая волна, возможно, не затронувшая Афины, датируется им периодом между серединой и концом XIII в. до н.э. (Broneer 1948, 113).

¹² О взаимосвязи фил и фратрий см.: Robertson 1992, 63 (критика: Humphreys 2018, 546, п. 29); Humphreys 2018, 565.

¹³ См. также: Rhodes 1993, 66 и сл.

¹⁴ Комментарий: Roussel 1976, 195f. Сведения Поллука определенно контрастируют с тем, что рассказывает Геродот: «Что до афинян, то они в то время, когда пеласги владели так называемой ныне Элладой, были пеласгами и назывались кранаями. А при царе Кекропе их называли кекропидами. Когда же затем царем стал Эрехфей, они получили имя афинян и, наконец, по имени их предводителя Иона, сына Ксуфа, – ионян» (Her. VIII. 44, здесь и далее пер. Г. Стратановского; см. также Connor 1993, 194 и сл.).

Ионийские филы были известны и в малоазийских полисах, хотя и не во всех (e.g. Her. V. 69)¹⁵. В афинской традиции это объяснялось тем, что именно Афины стали центром, из которого происходила колонизация Малой Азии¹⁶. Страбон говорит о том, что сын Кодра Андрокл основал Эфес, который он называет царской столицей ионийцев (Strab. XIV. 632–633). Милет, по его словам, был основан Нестором – выходцем из Пилоса (Strab. XIV. 633). Геродот и Павсаний основателем Милета считают Нелея, сына Кодра, которого Павсаний называет потомком пилосских мессенцев (Her. IX. 97; Paus. VII. 3)¹⁷.

В исследовательской литературе высказывается и альтернативная точка зрения, согласно которой филы не были заимствованы из Афин, а, наоборот, пришли в Афины из Ионии¹⁸. Мы в данном случае присоединяемся к критическим замечаниям К. Ребака, который считает, что для такого заключения надо предположить миграцию ионийцев в обратном направлении – из Ионии на Балканы¹⁹.

Реальность ионийской миграции (или миграций) подтверждается и археологическим материалом. В частности, в Малой Азии получает распространение афинская протогеометрическая керамика и ионийский диалект²⁰. Тем не менее далеко не все современные исследователи доверяют исторической традиции, считая ее позднейшим изобретением²¹. Р. Осборн, например, признает, что к концу периода архаики (а, может быть, уже в VII в. до н.э.) Афины (а шире – Аттика) были тесно связаны и имели много общего с Ионией²². Это проявлялось, в частности, в общности языка (ионийский диалект), календаря, социальных и религиозных институтов. Однако все это, по его мнению, вряд ли можно связывать с периодом Темных веков, о котором греки практически ничего не знали. А разрозненные сообщения о миграциях ионийцев есть не что иное, как позднейшая реконструкция²³.

Действительно, греки не имели достоверных представлений о предшествующих исторических периодах и, в частности, о Темных веках. Можно также согласиться с тем, что существующая историческая традиция мифологизирована, что она подверглась существенной переработке или является позднейшей реконструкцией. Не вызывает возражений и то, что роль Афин в ней преувеличена. Но в этом случае неизбежно возникает вопрос: неужели упомянутое автором сходство характерно только для периода архаики? Ведь ионийские колонии стали ионий-

¹⁵ См., например: Roebuck 1961; Crielaard 2009.

¹⁶ См., например: Хаммонд 2003, 96 сл.; Roebuck 1961, 497–499; Cook 1975, 783 ff.; сомнения: Crielaard 2009, 51. Ж. Ваншоонвинкел допускает такой вариант развития событий, но без явного лидерства Афин (Vanschoonwinkel 2006, 124–125). Он отмечает, что присутствие пилосцев на восточном побережье Аттики подтверждается археологически (Vanschoonwinkel 2009, 125).

¹⁷ Анализ исторической традиции см.: Huxley 1966, 23 ff.; Crielaard 2009, 51–54; Vanschoonwinkel 2006, 115–119; Лаптева 2009, 101 сл. Исследователи обращают внимание на аттические черты ионийской Субмикенской и Протогеометрической керамики (e.g. Desborough 1972, 179–180).

¹⁸ Библиографию см.: Crielaard 2009, 54–55, n. 123.

¹⁹ Roebuck 1961, 498.

²⁰ Хаммонд 2003, 97–98, 100.

²¹ Hornblower 1991, 40–41; Hall 1997, 51 ff.; Crielaard 2009; Osborne 2009, 49–50; Greaves 2010, 222 ff. В отечественной историографии скептическое отношение к традиции характерно для Ю.В. Андреева (Андреев 2002, 710–712).

²² Osborne 2009, 49–50.

²³ Osborne 2009, 50–51.

скими именно в результате колонизации²⁴. И произошло это не в архаический период, подтверждением чего помимо названных фактов служит археологический материал²⁵. На наш взгляд, заслуживает внимания предположение Ю.В. Андреева о том, что ионийская миграция вряд ли была планомерной и организованной, скорее наоборот – хаотичной и беспорядочной²⁶.

Возвращаясь к разговору об ионийских переселениях, вновь обратимся к Геродоту. Он сообщает о том, что малоазийские ионийцы были объединены в Двенадцатиградие, религиозным центром которого был Панионий (Her. I. 143). Речь идет о тех ионийцах, кто населял западную часть Малой Азии, а именно о Самосе, Милете, Эфесе, Колофоне, Миunte, Приене и ряд других полисов²⁷. Кстати, именно в полисах, относящихся к Двенадцатиградию, зафиксировано существование ионийских фил.

Заселение этой части малоазийского побережья происходит ранее других и датируется XI или X вв. до н.э.²⁸. Геродот говорит о том, что Двенадцатиградие основали ионийцы из Пелопоннеса: «ионяне, как я думаю, основали двенадцать городов и не пожелали больше никого допускать в свой союз вот по какой причине. Когда они жили еще в Пелопоннесе, у них, как и у ахейцев, которые их изгнали, было двенадцать городов» (Her. I. 145)²⁹. Их, кстати, Геродот называет более чистокровными ионийцами в отличие от тех, кто отправился в Ионию из Афин (Her. I. 146)³⁰. Дело, по-видимому, в том, что ахейцы (эгиалеи), согласно традиции, одними из первых стали называться ионийцами. «Пока ионяне жили в Пелопоннесе в теперешней Ахее, – рассказывает Геродот, – т.е. до прихода Данае и Ксуфа в Пелопоннес, они назывались, по эллинскому преданию, пеласгами и эгиалеями. Затем от Иона, сына Ксуфа, они получили имя ионян» (Her. VII. 94; ср.: Paus. VII. I. 3-4). По словам Павсания, именно оттуда пришел в Аттику Ион, чтобы помочь воевавшим с Элевсином афинянам (Paus. VII. I. 5).

В этой связи можно предположить, что ионийские филы возникают вскоре после микенской катастрофы, либо существовали до нее, но претерпели какие-то изменения на рубеже эпох. Последнее, думается, более вероятно, если принять во внимание информацию Геродота об ионийцах на Пелопоннесе³¹. М. Сакеллариу полагал, что ионийские филы существовали уже в микенский период и были рас-

²⁴ E.g. Tsatskhelidze 2006, xxiii.

²⁵ Те, кто с доверием относятся к исторической традиции, считает Я.П. Криелаард, используют данные археологии лишь для того, чтобы подкрепить ее доказательствами (Crielaard 2009, 38).

²⁶ Андреев 2002, 712.

²⁷ Roebuck 1961 496; Crielaard 2009, 37; Лаптева 2009, 102.

²⁸ XI в. до н.э. (Roebuck 1961, 496) или около 1000 г. до н.э., а Милет и Эфес даже ранее (Cook 1975, 785; Vanschoonwinkel 2006, 127).

²⁹ До того, как стать ионийцами, они были, по словам Геродота, пеласгами или эгиалеями (Her. VII. 94; Лаптева 2009, 102).

³⁰ Crielaard 2009, 37. Для Геродота, кстати, ахейские корни малоазийских ионийцев обосновывались именно существованием ахейского Двенадцатиградия (Vanschoonwinkel 2006, 122). В этой связи можно напомнить о негативном отношении Геродота к ионийцам (e.g. Connor 1993, 202). К тому же и в Афинах существовало подобное образование – Кекропово Двенадцатиградие, о котором мы поговорим отдельно (Strab. IX. 1. 20).

³¹ При этом следует принять во внимание сообщение Страбона о вытеснении жителей Пелопоннеса в Аттику вернувшимися Гераклидами (Strab. IX. 1. 7). Если допустить историчность подобной информации, можно предположить, что у пришедших в Афины ахейцев уже существовали ионийские филы, либо они были заимствованы от афинян.

пространены по всей Греции³². К. Ребак, высказывая резонные возражения на сей счет, замечает, что, если филы и существовали в микенский период, то, скорее всего, только в Афинах³³. Э. Снодграсс также полагает, что система фил могла возникнуть тогда, когда ионийские греки еще проживали на территории Балканской Греции³⁴. Быть может, дополнительным, хотя и косвенным аргументом в пользу подобных предположений может служить то, что мигрировавшие ионийцы чаще всего селились в тех местах, где уже существовали микенские поселения³⁵.

Если сказанное нами верно, можно полагать, что возникавшие (или существовавшие ранее) социальные образования (в данном случае – филы) вряд ли имели (или сохранили) родоплеменной характер. По мнению Д. Русселя, афинские (ионийские) филы едва ли могли быть социальными институтами, унаследованными от первобытности³⁶. Основанием для разделения на филы он считает синойкизм Тезея, рассматриваемого им как объединение Аттики в некое политическое целое, заменившее прежнее рыхлое объединение, которое неизбежно повлекло за собой новое социальное деление³⁷.

Заметим, впрочем, что значительно раньше в родовом характере аттических фил усомнился И.А. Лециус. Он высказал идею о возникновении полиса не посредством объединения некоторого количества социальных ячеек, а о создании их в процессе эволюции общественных структур. На этом основании И.А. Лециус предположил, что афинские филы – «не столько “естественно” сложившиеся “родовые” общности, сколько искусственные, созданные одной волею деления, родовой характер которых сказывался лишь в наследственной к ним принадлежности каждого гражданина»³⁸. Подобного рода суждения можно условно назвать антиэволюционистскими. Если эволюционистская теория, по мнению Дж. Халла, предполагает переход от родственных структур к территориальным, ранняя греческая история демонстрирует обратное: переход от территориальных к родственным структурам³⁹.

Наряду с филами существовали и фратрии. Аристотель в «Афинской политии» говорит о том, что каждая фила делилась на три фратрии, т.е. их общее число равнялось двенадцати (Arist. Ath. Pol. fr. 3). Однако мы не можем быть уверены, что подобная взаимосвязь фил и фратрий существовала изначально. К тому же исследователи с большой осторожностью относятся к подобным цифрам. Есть основания сомневаться в том, что их было именно столько. В классический и, возможно, архаический периоды их могло быть больше⁴⁰.

³² Sakellariou 1958, 47, 255.

³³ Roebuck 1961 498.

³⁴ Snodgrass 1980, 25.

³⁵ Например, Милет, Эфес, Самос, Хиос и, возможно, Колофон (Vanschoonwinkel 2006, 127).

³⁶ Roussel 1976, 193–208; критику см.: Яйленко 1990, 9–10. См. также: Donlan 1985, 298. Дж. Витли считает, что археологический материал свидетельствует скорее о земледельческом (peasant), нежели родоплеменном (tribal) характере общества (Whitley 1991b, 362).

³⁷ Roussel 1976, 194–195.

³⁸ Лециус 1905, 5.

³⁹ Hall 2014, 132.

⁴⁰ См., например: Ferguson 1936, 152–154, 157; Robertson 1992, 64; Lambert 1993, 379; Humphreys 2018, 547. В классический период число фратрий могло быть равным количеству демов (Lambert 1993, 18–19). Что касается названий, то в настоящее время известны наименования лишь нескольких фратрий (6 наименований: Robertson 1992, 64; Hedrick 1991; 9 наименований: Jones 1999, 200).

Что касается возникновения фратрий, то и этот вопрос далек от разрешения. С. Хэмфриз полагает, что фратрии существовали еще в Микенский период, но в дальнейшем претерпели существенные изменения⁴¹. На наш взгляд, это происходит уже в послемикенский период. Их возникновение было каким-то образом связано с упоминавшимся выше ионийским переселением. На это указывает, на наш взгляд, общность религиозной практики. Дело в том, что афинские фратрии имели свой общий праздник – Апатурии, который был известен и в некоторых (хотя и не во всех) ионийских полисах⁴². По словам Геродота, ионийцы, за исключением эфесцев и колофонян, справляли Апатурии, поскольку происходили из Афин (Нер. I. 147). Он, впрочем, объясняет отсутствие Апатурий в этих полисах совершенным некогда убийством, намекая, быть может, на то, что в прошлом они там все же отмечались.

Любопытно в этом отношении, что социальные группы, имевшие наименования ионийских фил, встречаются в Эфесе (и, возможно, в Колофоне), а вот фратрии и связанные с ними Апатурии не зафиксированы⁴³. Быть может, все это еще не успело возникнуть. Следовательно, если филы, как мы предположили выше, существовали в Микенский период, то фратрии могли возникнуть несколько позднее – в период переселений⁴⁴.

Итак, если предположить, что появление ионийских фил в Малой Азии как-то связано с Афинами, можно думать, что и фратрии имели к ним отношение. Впоследствии, впрочем, они претерпевали существенные изменения, утрачивая даже свои прежние наименования⁴⁵. Этим, по-видимому, объясняется, что Апатурии отмечались даже там, где фратрии не существовали. Фратрии сохранили свое название в Милете, на островах Делос, Тенос и, возможно, на Хиосе⁴⁶.

На основании сказанного выше можно предположить два варианта возникновения фратрий в Афинах. Если они не существовали в Микенский период, то могли появиться в процессе переселения жителей Аттики (и не только) в Афины, либо уже после концентрации там основной массы переселенцев. Поскольку в Афины стекались жители Аттики, а также представители других областей Греции, можно предположить, что итогом такого переселения стало возникновение меньших в сравнении с филами сообществ – фратрий – своего рода «землячеств», объединявших связанных прежним (или новым) местом жительства переселенцев. Некоторыми исследователями высказывается предположение, что фратрии появились одновременно. Основанием для такого предположения служат жертвоприношения, которые во время Апатурий приносились Зевсу Фратрию и Афине Фратрии всеми фратриями⁴⁷.

С. Хэмфриз говорит об установленных наименованиях 7 фратрий, а также о существовании как минимум шести фратрий, названия которых не установлены (Humphreys 2018, 570).

⁴¹ Humphreys 2018, 570.

⁴² E.g. Parke 1977, 88–92; Roussel 1976, 156, n. 2; Hedrick 1991, 251.

⁴³ В Эфесе, например, Гелеонты, Эгикоры и Аргадеи упоминаются как подразделения («тысячи») одной из фил (Roebuck 1961, 497, n. 4; Engelmann 1996, 96). В Колофоне в эллинистический период существовало какое-то объединение (koinon) (а, по мнению Б. Меритта – фила), называвшееся Гелеонты (Meritt 1935, 381–382; Roussel 2014, 64–65).

⁴⁴ Н. Робертсон полагает, что филы возникли раньше фратрий (Robertson 1992, 63).

⁴⁵ Roussel 1976, 153.

⁴⁶ Roussel 1976, 153.

⁴⁷ Roussel 1976, 135, n. 1, Robertson 1992, 40; см. также: Humphreys 2018, 558, n. 77.

Не исключено, что итогом внутренней колонизации, о которой пойдет речь ниже, могло стать увеличение количества фратрий. С. Хэмфриз, впрочем, полагает, что представители элиты сохраняли связь со своими фратриями вне зависимости от места проживания⁴⁸. Более определенно то, что фратрии, как и филы, не могли быть элементом родоплеменной структуры. Ч. Хедрик называет их локальными (т.е. территориальными) образованиями, расположенными вокруг определенных центров (phratry centers)⁴⁹. Он считает их предшественниками будущих демов⁵⁰. Каждая фратрия имела свое святилище, посвященное почитаемому герою⁵¹.

Можно предположить, что фратрии (в сравнении с филами) играли несколько большую роль в общественной жизни Афин и Аттики в период Темных веков (сегодня, впрочем, чаще говорят о Железном веке – Iron Age)⁵². Филы же окажутся отодвинутыми на второй план, уступив фратриям роль первоначальной социальной ячейки. Во всяком случае, вплоть до реформ Солона роль фил в возникающем государственном устройстве окажется менее значимой. Подтверждением тому служит, например, отсутствие святилищ, посвященных героям-эпонимам ионийских фил⁵³.

* * *

Запустение Аттики, о котором шла речь выше, продлится до середины X в. до н.э. Все это время Афины остаются единственным длительно существовавшим поселением в Аттике⁵⁴. Судя по археологическим данным, Афины в это время представляли собой довольно крупное – площадью около 200 га – поселение, хотя и заселенное, с невысокой плотностью населения⁵⁵. Если вспомнить приведенное выше высказывание Фукидида о том, что город ограничивался Акрополем, можно предположить, что территориально Афины разрослись, выйдя за свои первоначальные границы. Что касается общей характеристики данного поселения, то здесь мнения исследователей несколько расходятся. Дж. Пападопулос, например, считает, что Афины сохраняли облик городского (или протогородского) поселения, центром которого был Акрополь⁵⁶. А. Александриду характеризует Афины как комплекс, составленный *kata komas*, т.е. состоящий из отдельных деревень, разбросанных между реками Эридан и Илисс⁵⁷. В этом случае неудивительно, что агора вплоть до конца VIII в. до н.э. использовалась как место для захоронений⁵⁸.

Что касается возможных социальных характеристик, то и здесь мнения исследователей расходятся. Одни считают афинское общество более или менее эгалитарным, хотя и не лишенным имущественного неравенства, еще не получившим

⁴⁸ Humphreys 2018, 569.

⁴⁹ Hedrick 1991, 267; см. также: Donlan 1985, 305–308.

⁵⁰ Hedrick 1991, 267.

⁵¹ Hedrick 1991.

⁵² Humphreys 2018, 566, n. 107.

⁵³ На это обращает внимание Д. Руссель (Roussel 1976, 201).

⁵⁴ Alexandridou 2017, 155–156. Мы оставляем в стороне поселение на о. Саламин, которое Дж. Витли связывает с Афинами (Whitley 1991a, 54–55).

⁵⁵ Morris 1987, 63.

⁵⁶ Papadopoulos and Smithson 2017, 981, см. также Morris 1991, 30–31.

⁵⁷ Whitley 1991a, 61; Demetriadou 2017, 985.

⁵⁸ Snodgrass 1991, 11. Лишь с конца VIII в. до н.э. агора перестает использоваться как место для захоронений (Camp 1985, 28, 34).

идеологического обоснования⁵⁹. При этом более определенными проявления социальной диверсификации становятся лишь в X в. до н.э.⁶⁰. Другим исследователям афинское общество представляется социально стратифицированным уже на рубеже XI–X вв. до н.э.⁶¹. По мнению И. Морриса, постмикенский упадок не разрушил существовавшие ранее иерархические структуры⁶². Деление общества на *agathoi* и *kakoi*, полагает он, существовало примерно с 1050 г. до н.э.⁶³. При этом только первые (*agathoi*) обладали правом на общественные захоронения⁶⁴.

В X в. до н.э. афиняне начинают постепенно осваивать Аттику. Причинами этого, по-видимому, являются ослабление внешней угрозы и рост населения. Первые незначительные поселения на Форики, Марафоне, Элевсине и ряде других мест появляются уже в Протогеометрический период⁶⁵. А с 850 г. до н.э. явно обнаруживаются признаки постепенного заселения пустующих территорий⁶⁶. В VIII в. до н.э. демографические сдвиги, выражающиеся в увеличении кладбищ и росте количества погребений как в Греции в целом, так и в Афинах становятся наиболее ощутимыми. Э. Снодграсс полагает, что в период с 780 по 720 гг. до н.э. население Греции выросло в семь раз⁶⁷. И этот рост продолжался вплоть до начала VI в. до н.э.⁶⁸. Нечто подобное переживала и Аттика, рост населения которой оказался сопоставим с ростом населения Афин⁶⁹.

Иного мнения придерживается И. Моррис. Он считает, что дело не столько в демографических сдвигах, которые представляются ему более умеренными, сколько в расширении круга тех, кто получил право на официальное захоронение⁷⁰. К таковым он относит детей и социально ущемленные категории населения (*kakoi* в его терминологии)⁷¹. Выводы И. Морриса показали Э. Снодграссу убедительными. В последующих своих работах он признает, что демографические сдвиги, скорее всего, были более умеренными⁷². Принимает он и основной тезис И. Морриса о том, что далеко не все категории населения имели право на погребения⁷³.

На наш взгляд, афинское общество XI–IX вв. до н.э., судя по имеющемуся археологическому материалу, все же не выглядит настолько стратифицированным. Даже появление аристократии, о чем мы скажем ниже, будет определенно ощущаться лишь в VIII в. до н.э. Недостаточно, на наш взгляд, оснований и для постулируемой И. Моррисом дискриминации социально ущемленных слоев и возрастных групп.

⁵⁹ Whitley 1991a, 181.

⁶⁰ Whitley 1991a, 182.

⁶¹ Morris 1991, 42; Papadopoulos and Smithson 2017, 981.

⁶² Morris 1991, 42.

⁶³ Morris 1987, 173.

⁶⁴ Morris 1987, 173.

⁶⁵ Whitley 1991a, 55.

⁶⁶ Первоначально осваивается побережье – район будущего Пирея (Coldstream 1977, 71; см. также: Whitley 1991a, 57; Van Gelder 1991, 62; Morris 2009, 68).

⁶⁷ Snodgrass 1980, 20, 22 Fig.3; см. также: Андреев 2002, 747.

⁶⁸ Snodgrass 1980, 93.

⁶⁹ Snodgrass 1980, 23 Fig.4.

⁷⁰ Morris 1987; 2009.

⁷¹ Критический анализ концепции И. Морриса: Суриков 2013.

⁷² Snodgrass 1991, 16.

⁷³ Snodgrass 1991, 17.

Как бы то ни было, упомянутый выше рост населения все же имел место и сопровождался заселением ранее пустовавших или слабо освоенных районов. А это исследователи определяют как внутреннюю колонизацию⁷⁴. В Аттике появляются небольшие поселения (деревни), в которых теперь уже проживает немалая часть афинян⁷⁵. И такой тип расселения сохранится вплоть до середины V в. до н.э., о чем, собственно, и говорит Фукидид (Thuc. II. 15). Наряду с небольшими деревнями получают распространение изолированные домохозяйства, которые И. Моррис определяет как ойкосы⁷⁶.

Другой особенностью данного периода становится появление богатых захоронений – как в Афинах, так и в Аттике⁷⁷. В начале и середине VIII в. до н.э. появляются погребения, которые можно назвать аристократическими (например, кладбище Керамика и Дипилонские захоронения)⁷⁸. Отмечается, что немалая часть захоронений, находящихся за пределами города (будем называть их аристократическими), были богаче афинских⁷⁹. Мало того, И. Моррис отмечает, что каждое сколько-нибудь крупное поселение имело свой собственный стиль погребений⁸⁰. Это наводит его на мысль об упоминаемых в мифологии независимых «городах» (полисах), некогда существовавших в Аттике.

В середине VIII в. до н.э. можно говорить о появлении культа героев (или *tomb cults*), возникшего вблизи древних микенских захоронений⁸¹. Н. Колдстрим полагал, что это было связано с распространением гомеровского эпоса⁸². Заметна связь изображений живых и погибших воинов, получивших распространение в вазописи, с героическими культами⁸³. А это, в свою очередь, указывает на связь культов с процессом формирования аристократии.

Э. Снодграсс считает появление культа героев результатом освоения территорий в процессе внутренней колонизации⁸⁴. Таким способом земледельческим населением устанавливалась связь с осваиваемой им территорией. Ему возражает Дж. Витли, который видит в этом не столько результат освоения территории, сколько заявку местной знати на автохтонию в противовес Афинам⁸⁵. Другими словами, усматривает в появлении героических культов политический подтекст⁸⁶.

Безусловно, внутренняя колонизация, сопровождавшаяся появлением новых поселений, прежде всего, вела к возникновению и упрочению социальных

⁷⁴ Snodgrass 1980, 23, 35–36; Coldstream 1977, 133–135; Osborne 1987, 128; Cavanagh 2009, 406; Morris 2009, 68. Это, по мнению некоторых исследователей, противоречит тому, что античная традиция сообщает о синойкизме Тезея, если относить его к эпохе Темных веков (Whitley 1991a, 58; Van Gelder 1991, 61–62; Hall 2014, 245). Ниже мы еще обратимся к этому вопросу.

⁷⁵ Osborne 1987, 37, 128.

⁷⁶ Morris 1987, 91.

⁷⁷ Whitley 1991a, 56–57.

⁷⁸ Whitley 1991a, 182.

⁷⁹ Coldstream 1977, 133–134. Любопытно, что так называемые Дипилонские вазы были найдены не только в Афинах, но и в Аттике (Coldstream 1994, 86).

⁸⁰ Morris 1987, 195.

⁸¹ E.g.: Polignac 1995, 128 ff.

⁸² Coldstream 1976; возражения см.: Morris 1987, 193; Whitley 1988, 174.

⁸³ Polignac 1995, 129.

⁸⁴ Snodgrass 1982; Snodgrass 1991, 18.

⁸⁵ Whitley 1988, 178, 1991a, 60–61.

⁸⁶ Whitley 1988, 181.

связей между ними⁸⁷. А это, в свою очередь, отодвигало на второй план связи с центром, т.е. с Афинами. Поселения, состоящие из больших и малых семейных групп, должны были каким-то образом быть связаны с центром, но эта связь, по мнению Дж. Витли, вряд ли была институализирована⁸⁸. Э. Снодграсс идет еще дальше. Он даже постулирует утрату существовавшего ранее рыхлого политического единства, считая это неизбежным следствием демографических сдвигов. Когда численность населения возрастает более чем вдвое в рамках одного поколения, полагает он, прежние социально-политические структуры становятся нерботоспособными⁸⁹. Ослабление связей центра и периферии можно предположить даже с учетом корректировки темпов демографического роста. Поэтому мы допускаем, что результатом этих процессов стало складывание того, что сопоставимо с так называемым «Кекроповым Двенадцатиградием», о котором пойдет речь ниже.

Итак, внутренняя колонизация и возникновение новых поселений, по мнению исследователей, не могли не ослабить ранее существовавшие социальные и политические связи и даже привести к децентрализации. Формально городской и политический центр, каковым были Афины, существовал, но связи между центром и периферией могли быть ослаблены. И в этом случае сошлемся на Фукидиду, который, завершая разговор о синойкизме Тезея, замечает, что «... афиняне в течение долгого времени жили, пользуясь автономией, в разных частях своей страны» (Thuc. II. 16. 1). Сложившаяся ситуация, а также возможные внешние стимулы должны были поставить вопрос о централизации, подчинении отдельных поселений (или территорий) «мегаполису» (в терминологии Дж. Бинтлиффа)⁹⁰. Фукидид, впрочем, говорит о внутренних стимулах для так называемого синойкизма Тезея, рассказывая о вспыхивавших в Аттике конфликтах, например, между Элевсином и Афинами (Thuc. II. 15. 1).

Синойкизм Тезея в таком случае становится закономерным результатом описанных процессов. Античная традиция, впрочем, вносит некоторую путаницу в данную проблему. Остается неясным: что же все-таки Тезей объединил? Начнем с того, что Филохор, на которого ссылается Страбон, рассказывает о существовании на территории Аттики независимых полисов (так называемого Кекропова Двенадцатиградия), которые Тезей впоследствии объединил в один город. «Кекроп, – пишет Страбон, – впервые поселил народ вместе в двенадцати городах; имена этих городов были: Кекропия, Тетраполь, Эпакрия, Декелея, Элевсин, Афидна (также употребляется Афидны – во множественном числе), Форик, Браврон, Кифер, Сфетт, Кефисия» (Strab. IX. 1. 20 = FGtHist 328 F94)⁹¹. Нетрудно заметить, что вместо двенадцати Филохор говорит об одиннадцати поселениях, перечень которых к тому же порождает немало вопросов⁹².

Что касается Фукидида, то он не дает прямого ответа на поставленный выше вопрос, хотя замечает, что при Кекропе и первых царях афиняне жили отдельно-

⁸⁷ Snodgrass 1989, 24.

⁸⁸ Whitley 1991a, 57; Lang 2007, 183.

⁸⁹ Snodgrass 1980, 24.

⁹⁰ См. также: Hall 2014, 245; Bintliff 2012, 217.

⁹¹ Humphreys 2018, 550 ff. Н. Робертсон обращает внимание на то, что Филохор рассказывает об объединении Кекропом жителей Аттики в двенадцать «городов» (Robertson 1992, 67).

⁹² E.g. Robertson 1992, 68–70. С. Хэмфриз связывает эти «полисы» с теми частями, на которые Пандион разделил Аттику (Humphreys 2018, 551–552).

ми городами (селениями), которые и объединяет Тезей (Thuc. II. 15. 1). «Жителей отдельных селений, – замечает Фукидид, – возделывавших свои земли, как и прежде, Тезей принудил иметь один этот город...» (Thuc. II. 15. 2, пер. Ф. Мищенко). Итогом подобного объединения становится учреждение праздника Синойкий (Thuc. II. 15. 2, Steph. Byz. s.v. Athenai). Бросается в глаза совпадение количества упоминаемых «городов» и афинских фратрий⁹³.

Помимо того, известно, что Пандион поделил Аттику между своими сыновьями. «У Пандиона, – рассказывает Страбон, – было четыре сына: Эгей, Лик, Паллант и четвертый Нис; после раздела Аттики на четыре части Нис получил в удел Мегариду и основал Нисею. Таким образом, по словам Филохора, его власть простиралась от Истма до Пифии и, согласно Андрону, только до Элевсина и Фриасийской долины (Strab. IX. 1. 6 = FGrHist 328 F107-108, пер. Г. Стратановского)⁹⁴. Эгею – отцу Тезея – достались Афины и верховная (царская) власть (Arist. Ath. Pol. fr. 2, ср.: Apoll. III. 15. 6). Следовательно, Тезей должен был объединить не столько существовавшие с глубокой древности независимые полисы, сколько те части Аттики, на которые она была поделена. Косвенное подтверждение тому, что Тезей объединял именно их, находим у Плутарха. Судя по его рассказу, Тезей объединил не только Аттику, но присоединил к ней и Мегариду – владение Ниса (Plut. Thes. 24–25).

Естественно, установить достоверность мифологической традиции вряд ли возможно. Поэтому обратим внимание на некоторые существенные, на наш взгляд, отличия в дошедших до нас сообщениях. Фукидид, судя по всему, с доверием относится к мифологической традиции, акцентируя внимание на политической централизации, т.е. восстановлении территориального единства Аттики. Плутарх же делает акцент на процессе образования сословий и, в частности, сословия евпатридов (Plut. Thes. 24–25). Вот что он по этому поводу пишет: «Он (Тезей – В.Г.) не хотел, чтобы его народ представлял беспорядочную, бесформенную, стекшуюся со всех сторон нестройную толпу, поэтому он первым разделил его на сословия благородных, землевладельцев и ремесленников. Благородным он поручил заведование религиозными обрядами, высшие правительственные места, сделал их блюстителями законов и толкователями тайн божеских и человеческих; но в остальном права их были те же, что и других граждан, – благородные имели преимущество в том, что им оказывалось больше почету» (Plut. Thes. 25, пер. В. Алексеева)⁹⁵.

Заметим, кстати, что синойкизм – весьма распространенное явление греческой истории архаического и классического периодов⁹⁶. Достаточно упомянуть о синойкизме Коринфа и Аргоса, которые, впрочем, имеют существенные различия. Что касается синойкизма Аргоса, датируемого V в. до н.э., то речь здесь идет о подчинении городов Арголиды, которое сопровождалось переселением части их

⁹³ Этот вопрос хотя и поднимается, но вряд ли может быть однозначно разрешен. Н. Робертсон объясняет это совпадение тем, что Синойкии имели в большей мере отношение к фратриям (Robertson 1992, 41, 74). С. Хэмфриз считает, что праздник имел отношение и к филам. Об этом свидетельствует, например, участие в нем филобасилеев (Pollux. VIII. 111; Humphreys 2018, 550, 558).

⁹⁴ См.: Humphreys 2018, 546, n. 28.

⁹⁵ О евпатридах см., например: Hignett 1952, 78; Sealey 1976, 116–119; Ober 1989, 56–57; Яйленко 1990, 18 и сл.

⁹⁶ Moggi 1976; Яйленко 1990, 23; Фролов 2004, 84 и сл.

жителей в Аргос (Paus. VIII. 27. 1, ср.: II. 25. 8)⁹⁷. А вот в Коринфе имело место происшедшее в период архаики объединение нескольких поселений (деревень) в один город⁹⁸. В этом смысле афинский вариант синойкизма имеет очевидное сходство с коринфским.

В исследовательской литературе предлагаются различные трактовки, а равно и датировка афинского синойкизма: от Микенской эпохи до реформ Клисфена⁹⁹. Некоторые исследователи датируют синойкизм VIII в. до н.э. и связывают с образованием полиса¹⁰⁰. По мнению Д. Русселя, итогом афинского синойкизма становится политическая унификация и разделение на филы¹⁰¹.

Еще раз напомним, что Филохор говорит об объединении Тезеем ранее независимых «полисов» – «Кекропова Двенадцатиградия». Существование последних вряд ли имело отношение к так называемым Темным векам, если учесть, что на протяжении длительного времени Афины оставались единственным поселением в Аттике¹⁰². Следовательно, если попытаться увидеть в этой мифологической истории исторические реалии, ее следует отнести к VIII в. до н.э. Именно тогда связи центра и периферии в силу рассмотренных выше причин могли ослабнуть или разорваться.

Фукидид же, напомним, рассказывает о политической унификации – подчинении Афинам относительно самостоятельных поселений – тех, что возникли в результате внутренней колонизации. В этих локальных центрах сформировалась своя аристократия, которую Тезей объединил со «столичной». Одним из последствий синойкизма становится, согласно афинской традиции, оформление аристократии в отдельную социальную группу, условное называемую сословием еваптридов. А в целом итогом подобного объединения и политической унификации становится формирование *аристократического (архаического) полиса*.

И. Моррис, впрочем, считает, что возникший в VIII в. до н.э. полис был эгалитаристским¹⁰³. Археологический материал, по его мнению, свидетельствует о том, что около 750 г. до н.э. *kakoi* получают право на захоронения, т.е. обретают, можно сказать, гражданские права¹⁰⁴. Археологи замечают еще одну любопытную деталь. В конце VIII в. до н.э. из захоронений исчезает то, что можно назвать социальными маркерами, а именно оружие, а кроме того, значительно уменьшается количество золотых и серебряных предметов¹⁰⁵. Опираясь на предположения

⁹⁷ Рунг, Венидиктова 2010, 22 и сл.

⁹⁸ E.g. Roebuck 1972, 114 ff.

⁹⁹ Комментарий и некоторую литературу вопроса см.: Hornblower 1991, 262 ff. Скажем несколько слов и о российских исследователях. Т.В. Блаватская датирует синойкизм Тезея XIII в. до н.э. (Блаватская 2003б 195 и сл., 214), В.П. Яйленко считает его длительным процессом, охватывающим период от X до VIII вв. до н.э. (Яйленко 1990, 23), Э.Д. Фролов относит его к X в. до н.э. (Фролов 2004, 90). Из относительно недавних работ отметим исследование Г. Андерсона, который связывает появление данной традиции с реформами Клисфена (Anderson 2003, 139 ff., критику см.: Hall 2014, 247–248).

¹⁰⁰ E.g. Андреев 2002, 780 и сл.; Hall 2014, 245.

¹⁰¹ Roussel 1976, 194–195. Филы, как мы предположили выше, существовали (или возникли) в период миграций.

¹⁰² Whitley 1991a, 59; Van Gelder 1991.

¹⁰³ Morris 2009, 73 ff. При этом эгалитаристская или «средняя» (“middling” – связанная с средним классом или слоем) идеология противостояла элитистской (Morris 2009, 76).

¹⁰⁴ Morris 1987, 183.

¹⁰⁵ Morris 1987, 190; Whitley 1991a, 183, Table 11; Snodgrass 1991, 20.

И. Морриса, Дж. Витли считает эти изменения результатом складывания полиса и утверждения *исономии*¹⁰⁶.

На наш взгляд, оскудение аристократических захоронений возможно объяснить несколько иначе. Определенно, что это связано с распространением в VIII в. до н.э. святилищ, а в конечном счете – с изменениями религиозных представлений¹⁰⁷. То, что ранее было традиционным атрибутом погребений, становится приношениями в святилища и храмы¹⁰⁸. Приношением могло стать и оружие¹⁰⁹. Правда, в Аттике оружия и предметов вооружения среди приношений не обнаружено.

Как бы то ни было, можно говорить о двух вариантах (моделях) возникшего полиса: эгалитаристском и, условно говоря, элитистском, или аристократическом. Прежде чем высказаться по этому поводу, продолжим рассмотрение концепции И. Морриса. По его мнению, возникший в VIII в. до н.э. полис прекратил свое существование в VII до н.э.¹¹⁰. Сформировавшийся полис превратился в «реакционное» (проще говоря, аристократическое) государство, каковым и оставался вплоть до реформ Солона¹¹¹. Дело в том, что в этом столетии в Афинах (и не только) вновь возникает разделение на *agathoi* и *kakoi*, о которых говорят, например, Солон и Феогнид (e.g. Sol. fr. 4. 9–12; 24. 15–20 Diehl; Theogn. 53–56, 1109–1110).

Впрочем, И. Моррис принимает во внимание факты, которые могут противоречить его положениям. Речь идет о появлении в VII в. до н.э. (между 675 и 625 гг. до н.э. в его датировке) фаланги гоплитов, что нередко трактуется как демократизирующий фактор¹¹². Но в данном случае он высказывает не вызывающее возражений предположение, что фаланга гоплитов, хотя и открывала дорогу для проникновения *kakoi*, главным образом была связана со слоем *agathoi*¹¹³.

На наш взгляд, предложенная И. Моррисом концепция не может не вызывать возражений. Мы допускаем, что элементы *исономии* (равенства для аристократии, а, возможно, и не только) могли иметь место при формировании в процессе синоклизма аристократического полиса. Отзвук этого можно услышать в словах Аристотеля о том, что при Тезее строй отклонился от монархии (Arist. Ath. pol. 41. 2). Однако вряд ли это можно назвать *исономией*. Плутарх, ссылаясь на Аристотеля, заявляет, что «Тесей, по словам Аристотеля, первым проявил благосклонность к простому люду и отказался от единовластия...» (Plut. Thes. 25, пер. С.И. Соболевского). Правда, о «благосклонности» Тезея к простому люду Аристотель ничего не говорит.

Сказанное выше позволяет предположить, что в VIII в. до н.э. сложилась весьма любопытная ситуация, проявлявшаяся в разрыве или ослаблении связей Афин

¹⁰⁶ Whitley 1991a, 182–183. Э. Снодграсс обращает внимание на то, что захоронения с оружием исчезают там, где происходит формирование полиса. На Локриде, в Фессалии и Ахайе они сохраняются (Snodgrass 1991, 20).

¹⁰⁷ Polignac 1995, 14.

¹⁰⁸ Coldstream 1977, 333–334; Polignac 1995, 14. И. Моррис также допускает, что изменение количества погребального инвентаря связано с распространением святилищ и увеличением приношений в них (Morris 1987, 190).

¹⁰⁹ Polignac 1995, 14–15.

¹¹⁰ Критика этой позиции: Суриков 2013, 32 и сл.

¹¹¹ Morris 1987, 205.

¹¹² Анализ см.: Morris 1987, 196 ff., 198.

¹¹³ Morris 1987, 197.

и локальных центров, в которых формировалась своя «провинциальная» аристократия. Это означало, что процесс образования полиса, прежде всего, должен был предполагать объединение в некое целое Афин и Аттики, а также афинской и периферийной аристократии. И этого, пожалуй, удалось достигнуть¹¹⁴. Тогда же могла возникнуть социальная структура, упоминаемая Аристотелем, включавшая в себя возникшие ранее, а может быть, и в разное время филы и фратрии (Arist. Ath. Pol. fr.3). А в следующем столетии ситуация несколько изменяется. Сформировавшемуся слою аристократии противостоит оказавшийся в зависимости афинский демос, что приведет к кризису рубежа VII–VI вв. до н.э. и к реформам Солона.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев, Ю.В. 1985: К проблеме постмикенского регресса. *ВДИ* 3, 9-29.
- Андреев, Ю.В. 2002: *От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III – начало I тыс. до н.э.)*. СПб.
- Блаватская, Т.В. 2003: *Черты истории государственности Эллады*. СПб.
- Лециус, И.А. 1905: Заметки об аттических филах. *Известия Киевского университета* 12, 1–15.
- Лаптева, М.Ю. 2009: *У истоков греческой цивилизации. Иония XI–VI вв. до н.э.* СПб.
- Рунг, Э.В., Венидиктова, Е.А. 2010: Синойкизм и возникновение демократии в Аргосе. *ВДИ* 1 (272), 13–30.
- Суриков, И.Е. 2013: Афины в VIII–VII вв. до н.э.: становление архаического полиса (к вопросу о степени специфичности «аттического варианта»). *ВДИ* 4 (287), 23–43.
- Фролов, Э.Д. 2004: *Рождение греческого полиса*. СПб. (2-е изд.).
- Хаммонд, Н. 2003: *История Древней Греции*. М.
- Яйленко, В.П. 1990: *Архаическая Греция и Ближний Восток*. М.
- Alexandridou, A. 2017: Some insights into the Early Attic Society (10th – 7th Century B.C.). In: A. Mazarakis Ainian, A. Alexandridou and X. Charalambidou (eds.), *Regional Stories. Towards a New Perception of the Early Greek World*. Volos, 155–176.
- Anderson, G. 2003: *The Athenian Experiment. Building an imagined Political Community in Ancient Attica, 508–490 B.C.* Ann Arbor.
- Bintliff, J. 2012: *The Complete Archaeology of Greece. From Hunter-Gatherers to the 20 Century A.D.* Wiley–Blackwell.
- Broneer, O. 1948: What happened at Athens. *AJA* 52, 111–114.
- Camp, J.M. 1985: *The Athenian Agora. Excavations in the Heart of Classical Athens*. London.
- Cavanagh, W. 2009: Settlement Structure in Laconia and Attica at the End of the Archaic Period: The Fractal Dimension. *AJA* 113, 405–421.
- Coldstream, J.N. 1976: Hero Cults in the Age of Homer. *JHS* 96, 8–17.
- Coldstream J.N. 1977: *Geometric Greece*. London.
- Coldstream, J.N. 1994: Warriors, chariots, dogs and lions: a new Attic Geometric Amphora. *BICS* 39, 85–94.
- Connor, W.R. 1993: The Ionian Era of Athenian Civic Identity. *Proceedings of the American Philosophical Society* 137, 194–206.
- Cook, J.M. 1975: Greek Settlement in the Eastern Aegean and Asia Minor. In: I.E.S. Edwards, C.J. Gadd, N.G.L. Hammond, E. Sollinger (eds.), *The Cambridge Ancient History*. Vol. 2. Pt. 2, Cambridge, 773–804.

¹¹⁴ Хотя элементы прежнего состояния могли сохраниться, если принять точку зрения Р. Сили (Sealey 1960).

- Crielaard, J.P. 2009: The Ionians in the Archaic Period. Shifting identities in a changing world. In: T. Derks, N. Roymans (eds.), *Ethnic Constructs in Antiquity. The Role of Power and Tradition*. Amsterdam, 37–84.
- Demetriadou, E. 2017: The Development of Early Athens from ca. 1125 B.C. to the End of the 8th Century B.C. In: J.K. Papadopoulos, E. Lord Smithson. *The Athenian Agora 36. The Early Iron Age. The Cemeteries*. Princeton, 985–989.
- Desborough, V.R.d'A. 1972: *The Greek Dark Ages*. London.
- Donlan, W. 1985: The Social Groups of Dark Age Greece. *Classical Philology* 80, 293–308.
- Engelmann, H. 1996: Phylon und Chyliastryen von Ephesos, *ZPE* 113, 94–100.
- Ferguson, W.S. 1936: The Athenian Law Code and the Old Attic Trittyes. In: *Classical Studies Presented to E. Capps*. Princeton, 144–158.
- Greaves, A.M. 2010. *The Land of Ionia. Society and Economy in the Archaic Period*. Wiley-Blackwell.
- Hall, J.M. 1997: *Ethnic Identity in Greek Antiquity*. Cambridge.
- Hall, J.M. 2014: *A History of the Archaic Greek World. Ca 1200–479 BCE*. Wiley-Blackwell.
- Hedrick, C.W. 1991: Phratry Shrines of Attica and Athens, *Hesperia* 60, 241–268.
- Hignett, C. 1952: *A History of the Athenian Constitution to the end of the 5th Century B.C.* Oxford.
- Hornblower, S, 1991: *A Commentary on Thucydides*. Vol. 1. Oxford.
- Humphreys, S.C. 2018: *Kinship in Ancient Athens. An Anthropological Analysis*. Vol. 1–2. Oxford.
- Huxley, G.L. 1966: *The Early Ionians*. London.
- Jones, N.F. 1999: *The Associations of Classical Athens. Response to Democracy*. Oxford.
- Lambert, S.D. 1993: *The Phratries of Attica*. Ann Arbor.
- Lang, F. 2007: House-community-settlement: the new concept of living in Archaic Greece. *Building Communities. House, Settlement and Society in the Aegean and Beyond. British School of Athens. Studies* 15, 183–193.
- Meritt, B.D. 1935: Inscriptions of Colophon. *AJPh* 56, 358–397.
- Moggi, M. 1976: *I sinecismi interstatali greci*. Vol. 1. *Dalle origini al 338 a.C.* Pisa.
- Morris, I. 1987: *Burial and Ancient Society. The rise of the Greek city-state*. Cambridge.
- Morris, I. 1998: Archaeology and Archaic Greek History. In: N. Fisher, H. van Wees (eds.), *Archaic Greece. New Approaches and New Evidence*. London, 1–91.
- Morris, I. 2009: The Eight-century Revolution. In: K.A. Raaflaub, H. van Wees (eds.), *Companion to Archaic Greece*. Wiley-Blackwell, 64–80.
- Ober, J. 1989: *Mass and Elite in Democratic Athens*. Princeton.
- Osborne, R. 1985: *Demos. The Discovery of Classical Attika*. Cambridge.
- Osborne, R. 1987: *Classical Landscape with Figures. The Ancient Greek City and its Countryside*. London.
- Osborne, R. 2009: *Greece in the Making. 1200–479 BC*. London.
- Papadopoulos, J.K. and Smithson, E.L. 2017: *The Athenian Agora 36. The Early Iron Age. The Cemeteries*. Princeton.
- Parke, H.W. 1977: *Festivals of the Athenians*. London.
- Polignac, de F. 1995: *Cults, Territory and the Origins of the Greek City-State*. Chicago.
- Rhodes, P.J. 1993: *A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia*. Oxford.
- Robertson, N. 1992: *Festivals and Legends*. Toronto.
- Roebuck, C. 1959: *Ionian Trade and Colonization*. New York.
- Roebuck, C. 1961: Tribal Organization in Ionia. *TAPA* 92, 495–507.
- Roebuck, C. 1972: Some Aspects of Urbanization in Corinth. *Hesperia* 41, 96–127.
- Roussel, D. 1976: *Tribu et Cité. Études sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux époques archaïque et classique*. Besançon.

- Rousset, D. 2014: La stèle des Géléontes au sanctuaire de Claros. La souscription et les acquisitions immobilières d'une subdivision civique de Colophon. *Journal des Savants* 1, 3–98.
- Sakellariou, M.B. 1958: *La Migration grecque en Ionie*. Athènes.
- Sealey, R. 1960: Regionalism in Archaic Athens. *Historia* 9, 155–180.
- Sealey, R. 1976: *A History of the Greek City-States. 700–338 B.C.* Berkeley– Los Angeles.
- Snodgrass, A.M. 1971: *The Dark Age of Greece. An Archaeological survey of the eleven to the eighth centuries B.C.* Edinburgh.
- Snodgrass, A.M. 1980: *Archaic Greece. The Age of Experiment*. Berkeley and Los Angeles.
- Snodgrass, A.M. 1982: Les origines du Cult de héros dans la Grèce antique. In: G. Gnoli, J.-P. Vernant (eds.), *La mort, les morts dans les sociétés anciennes*. Cambridge, 107–119.
- Snodgrass, A.M. 1983: The Early Iron Age: a reappraisal. *DHA* 9, 73–86.
- Snodgrass, A.M. 1991: Archaeology and the study of the Greek city. In: J. Rich, A. Wallace-Hadrill (eds.), *City and Country in the Ancient World*. London, 1–24.
- Tsetskhladze, G.R. 2006: Revisiting Ancient Greek Colonization. In: G.R. Tsetskhladze (ed.), *Greek Colonization. An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas* 1. Leiden–Boston, XXIII–LXXXIII.
- Van Gelder, K. 1991: The Iron-Age Hiatus in Attica and the “Synoikismos” of Theseus. *Mediterranean Archaeology* 4, 55–64.
- Vanschoonwinkel, J. 2006: Greek Migrations to Aegean Anatolia in the Early Dark Age. In: G.R. Tsetskhladze (ed.), *Greek Colonization. An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas* 1. Leiden–Boston, 115–141.
- Whitley, J. 1988: Early States and Hero Cults: A Re-Appraisal. *JHS* 108, 173–182.
- Whitley, J. 1991a: *Style and Society in Dark Age Greece*. Cambridge.
- Whitley, J. 1991b: Social Diversity in Dark Age Greece. *ABSA* 86, 341–365.

REFERENCES

- Alexandridou, A. 2017: Some insights into the Early Attic Society (10th – 7th Century B.C.). In: A. Mazarakis Ainian, A. Alexandridou and X. Charalambidou (eds.), *Regional Stories. Towards a New Perception of the Early Greek World*. Volos, 155–176.
- Anderson, G. 2003: *The Athenian Experiment. Building an imagined Political Community in Ancient Attica, 508–490 B.C.* Ann Arbor.
- Andreev, Ju.V. 1985: K probleme postmikenskogo regressa [The problem of the Post-Mycenean Regress]. *Vestnik Drevney Istorii* [Journal of Ancient History] 3, 9–29.
- Andreev, Ju.V. 2002: *Ot Evrazii k Evrope. Krit i Egeiskiy mir v epokhu bronzy i rannego zheleza (III - nachalo I tys. do n.e. [From Eurasia to Europe. Crete and Aegean World in the Bronze and Early Iron Ages (Third to the Early First Millennium BC)]*. Saint Petersburg.
- Bintliff, J. 2012: *The Complete Archaeology of Greece. From Hunter-Gatherers to the 20 Century A.D.* Wiley–Blackwell.
- Blavatskaya, T.V. 2003: *Cherty istorii gosudarstvennosti Ellady* [The Features of Statehood of the Hellas]. Saint Petersburg.
- Broneer, O. 1948: What happened at Athens. *AJA* 52, 111–114.
- Camp, J.M. 1985: *The Athenian Agora. Excavations in the Heart of Classical Athens*. London.
- Cavanagh, W. 2009: Settlement Structure in Laconia and Attica at the End of the Archaic Period: The Fractal Dimension. *AJA* 113, 405–421.
- Coldstream J.N. 1977: *Geometric Greece*. London.
- Coldstream, J.N. 1976: Hero Cults in the Age of Homer. *JHS* 96, 8–17.
- Coldstream, J.N. 1994: Warriors, chariots, dogs and lions: a new Attic Geometric Amphora. *BICS* 39, 85–94.
- Connor, W.R. 1993: The Ionian Era of Athenian Civic Identity. *Proceedings of the American Philosophical Society* 137, 194–206.

- Cook, J.M. 1975: Greek Settlement in the Eastern Aegean and Asia Minor. In: I.E.S. Edwards, C.J. Gadd, N.G.L. Hammond, E. Sollinger (eds.), *The Cambridge Ancient History*. Vol. 2. Pt. 2, Cambridge, 773–804.
- Crielaard, J.P. 2009: The Ionians in the Archaic Period. Shifting identities in a changing world. In: T. Derks, N. Roymans (eds.), *Ethnic Constructs in Antiquity. The Role of Power and Tradition*. Amsterdam, 37–84.
- Demetriadou, E. 2017: The Development of Early Athens from ca. 1125 B.C. to the End of the 8th Century B.C. In: J.K. Papadopoulos, E. Lord Smithson. *The Athenian Agora 36. The Early Iron Age. The Cemeteries*. Princeton, 985–989.
- Desborough, V.R.d'A. 1972: *The Greek Dark Ages*. London.
- Donlan, W. 1985: The Social Groups of Dark Age Greece. *Classical Philology* 80, 293–308.
- Engelmann, H. 1996: Phylon und Chyliastyen von Ephesos, *ZPE* 113, 94–100.
- Ferguson, W.S. 1936: The Athenian Law Code and the Old Attic Trittyes. In: *Classical Studies Presented to E. Capps*. Princeton, 144–158.
- Frolov, E.D. 2004: *Rozhdenie grecheskogo polisa [Emergence of the Greek Polis]*. Saint Petersburg.
- Greaves, A.M. 2010. *The Land of Ionia. Society and Economy in the Archaic Period*. Wiley-Blackwell.
- Hall, J.M. 1997: *Ethnic Identity in Greek Antiquity*. Cambridge.
- Hall, J.M. 2014: *A History of the Archaic Greek World. Ca 1200–479 BCE*. Wiley-Blackwell.
- Hammond, N. 2003: *Istoriya Drevney Gretsii [A History of Greece]*. Moscow.
- Hedrick, C.W. 1991: Phratry Shrines of Attica and Athens, *Hesperia* 60, 241–268.
- Hignett, C. 1952: *A History of the Athenian Constitution to the end of the 5th Century B.C.* Oxford.
- Hornblower, S. 1991: *A Commentary on Thucydides*. Vol. 1. Oxford.
- Humphreys, S.C. 2018: *Kinship in Ancient Athens. An Anthropological Analysis*. Vol. 1–2. Oxford.
- Huxley, G.L. 1966: *The Early Ionians*. London.
- Jones, N.F. 1999: *The Associations of Classical Athens. Response to Democracy*. Oxford.
- Lambert, S.D. 1993: *The Phratries of Attica*. Ann Arbor.
- Lang, F. 2007: House-community-settlement: the new concept of living in Archaic Greece. *Building Communities. House, Settlement and Society in the Aegean and Beyond. British School of Athens. Studies* 15, 183–193.
- Lapteva, M.Ju. 2009: *U istokov grecheskoy tsivilizatsii. Ionia XI–VI vv. do n.e. [At the Origins of the Greek Civilization. Ionia in the 11th–6th Centuries B.C.]*. Saint Petersburg.
- Letsius, I.A. 1905: Zametki ob atticheskikh filakh [Notices on the tribes of Attica]. *Izvestiya Kievskogo uniuersiteta [The Reports of Kiev University]* 12, 1–15.
- Meritt, B.D. 1935: Inscriptions of Colophon. *AJPh* 56, 358–397.
- Moggi, M. 1976: *I sinecismi interstatali greci*. Vol. 1. *Dalle origini al 338 a.C.* Pisa.
- Morris, I. 1987: *Burial and Ancient Society. The rise of the Greek city-state*. Cambridge.
- Morris, I. 1998: Archaeology and Archaic Greek History. In: N. Fisher, H. van Wees (eds.), *Archaic Greece. New Approaches and New Evidence*. London, 1–91.
- Morris, I. 2009: The Eight-century Revolution. In: K.A. Raaflaub, H. van Wees (eds.), *Companion to Archaic Greece*. Wiley–Blackwell, 64–80.
- Ober, J. 1989: *Mass and Elite in Democratic Athens*. Princeton.
- Osborne, R. 2009: *Greece in the Making. 1200–479 BC*. London.
- Osborne, R. 1985: *Demos. The Discovery of Classical Attika*. Cambridge.
- Osborne, R. 1987: *Classical Landscape with Figures. The Ancient Greek City and its Countryside*. London.
- Papadopoulos, J.K. and Smithson, E.L. 2017: *The Athenian Agora 36. The Early Iron Age. The Cemeteries*. Princeton.

- Parke, H.W. 1977: *Festivals of the Athenians*. London.
- Polignac, de F. 1995: *Cults, Territory and the Origins of the Greek City-State*. Chicago.
- Rhodes, P.J. 1993: *A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia*. Oxford.
- Robertson, N. 1992: *Festivals and Legends*. Toronto.
- Roebuck, C. 1961: Tribal Organization in Ionia. *TAPA* 92, 495–507.
- Roebuck, C. 1972: Some Aspects of Urbanization in Corinth. *Hesperia* 41, 96–127.
- Roebuck, C. 1959: *Ionian Trade and Colonization*. New York.
- Roussel, D. 1976: *Tribu et Cité. Études sur les groups sociaux dans les cités grecques aux époques archaïque et classique*. Besançon.
- Rousset, D. 2014: La stèle des Géléontes au sanctuaire de Claros. La souscription et les acquisitions immobilières d’une subdivision civique de Colophon. *Journal des Savants* 1, 3–98.
- Rung, E.V., Venidiktova, E.A. 2010: Synoikizm i vzniknovenie demokratii v Argose [Synoecism and the Establishment of the Democracy in Argos]. *Vestnik Drevnej Istorii [Journal of Ancient History]* 1, 13–30.
- Sakellariou, M.B. 1958: *La Migration grecque en Ionie*. Athènes.
- Sealey, R. 1976: *A History of the Greek City-States. 700–338 B.C.* Berkeley– Los Angeles.
- Sealey, R. 1960: Regionalism in Archaic Athens. *Historia* 9, 155–180.
- Snodgrass, A.M. 1980: *Archaic Greece. The Age of Experiment*. Berkeley and Los Angeles.
- Snodgrass, A.M. 1982: Les origines du Cult de héros dans la Grèce antique. In: G. Gnoli, J.-P. Vernant (eds), *La mort, les morts dans les sociétés anciennes*. Cambridge, 107–119.
- Snodgrass, A.M. 1971: *The Dark Age of Greece. An Archaeological survey of the eleven to the eighth centuries B.C.* Edinburgh.
- Snodgrass, A.M. 1983: The Early Iron Age: a reappraisal. *DHA* 9, 73–86.
- Snodgrass, A.M. 1991: Archaeology and the study of the Greek city. In: J. Rich, A. Wallace-Hadrill (eds.), *City and Country in the Ancient World*. London, 1–24.
- Surikov, I.E. 2013: Afiny v VIII–VII vv. do n.e.: stanovlenie arkhaicheskogo polisa (k voprosu o stepeni spetsifichnosti “atticheskogo varianta”). [Athens in the 8th and 7th Century BC: Emergence of an Archaic Polis (To the problem of the degree of Specificity of the “Attic way”). *Vestnik Drevnej Istorii [Journal of Ancient History]* 4, 23–43.
- Tsetskhladze, G.R. 2006: Revisiting Ancient Greek Colonization. In: G.R. Tsetskhladze (ed.), *Greek Colonization. An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas* 1. Leiden–Boston, XXIII–LXXXIII.
- Van Gelder, K. 1991: The Iron-Age Hiatus in Attica and the “Synoikismos” of Theseus. *Mediterranean Archaeology* 4, 55–64.
- Vanschoonwinkel, J. 2006: Greek Migrations to Aegean Anatolia in the Early Dark Age. In: G.R. Tsetskhladze (ed.), *Greek Colonization. An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas* 1. Leiden–Boston, 115–141.
- Whitley, J. 1988: Early States and Hero Cults: A Re-Appraisal. *JHS* 108, 173–182.
- Whitley, J. 1991a: *Style and Society in Dark Age Greece*. Cambridge.
- Whitley, J. 1991b: Social Diversity in Dark Age Greece. *ABSA* 86, 341–365.
- Yaylenko, V.P. 1990: *Arkhaicheskaya Gretsia i Blizniy Vostok [Archaic Greece and Near East]*. Moscow.

THE EVOLUTION OUTLINES OF ATHENIAN SOCIAL
ORGANIZATION: FROM MYCENAEAN CATASTROPHE TO THESEUS'
SYNOIKISM

Valeriy R. Goushchin

National Research University Higher School of Economic, Perm, Russia
valerii2012@yandex.ru

Abstract. The paper is aimed to outline the main directions and incentives for the evolution of the social organization of Athens, which led to the emergence of the Athenian polis. The Mycenaean catastrophe caused the desolation of Attica and prolonged concentration of the population in the town (Athens). This left its mark on the process of the emergence of social institutions. We think that the Athenian (or Ionian) tribes existed in the previous Mycenaean period. In the process of the Ionian migration, they became widespread in Asia Minor, i.e. in the Ionian poleis. It is difficult to say whether the phratries existed in the Mycenaean period, but it can be assumed that they arose or began to take shape during the Ionian migration. From the 9th century BC (Geometric period) the process that often labeled as an internal colonization of Attica begins. In its course, the population that was concentrated in Athens begins to resettle and inhabits Attica. The result was the decentralization of state (polis) or the breakdown of ties between the center and the periphery. Certainly, this creates an incentive to restore (or gain) unity. This process called as Theseus' synoikism followed by the formation of an archaic (aristocratic) polis.

Although the problems we are considering are within the period between the 11th and 8th centuries BC, but the title of the work mentions Theseus' synoecism – an event that is undoubtedly legendary. Taking this into consideration, the author nevertheless believes that the formation of the Athenian polis was the result of what, at least formally, can be named as Theseus' synoecism.

Keywords: Post-Mycenaean regresses, depopulation, the Dark Ages, Ionian tribes, phratries, synoecism, Theseus

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2020), 53–63
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2020), 53–63
©Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-1-67-53–63

ПАНЭЛЛИНИЗМ В ВОСТОЧНОЙ КАМПАНИИ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Ю.В. Корнилов

*Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Новосибирск, Россия
Pit2000@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуется идеология панэллинизма Александра во время его восточной кампании. Автор уделяет внимание историографическому состоянию проблемы с учетом отечественных и зарубежных достижений. Следует отметить, что как в советской, так и в зарубежной историографии идеология панэллинизма Александра рассматривается очень поверхностно и является частью обзора проблемы панэллинизма в целом. Прибегая к всестороннему анализу нарративной античной традиции, автор рассматривает идеологию панэллинизма с начала вторжения в Персию до 330 г. до н.э. Конечная дата обусловлена сожжением Персеполя, после чего случаи панэллинистической риторики в нарративных источниках становятся редки. Считая это событие главным в аспекте смены идеологий Александра Великого, автор тем не менее указывает на случаи панэллинистической пропаганды после смены идеологий. Демонстрация панэллинистических лозунгов являлась необходимостью после замены панэллинистической идеологии на ориентализм. Причиной использования «устаревших лозунгов» панэллинизма являлась необходимость оправдаться перед македоно-греческим окружением, демонстрация достижений в завоевании богатств Востока. Кроме того, теперь во время проведения ориенталистического курса греко-македонская оппозиция Александра стала использовать против нового «Царя Азии» панэллинистическую идеологию, таким способом стараясь препятствовать новому официальному курсу властителя.

В заключении делается вывод о закономерной эволюции панэллинизма: из официальной идеологии панэллинизм превращается в оппозиционную идеологию некоторых представителей греко-македонской элиты.

Ключевые слова: Александр Великий, историография, источники, идеология и политика, панэллинизм

В статье рассматривается идеология Александра и его политический курс в действии, т.е. пропаганда панэллинизма в ходе его восточной кампании в отечественной и зарубежной историографии. Идеология панэллинизма являлось одной из ключевых тем, рассматриваемых советскими историками. Но в аспекте про-

Данные об авторе: Корнилов Юрий Викторович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков НГУЭУ.

блемы панэллинизма Александра для представителей советской антиковедческой школы характерно неясное понимание этого явления: проблема еще не развивается, хотя появляются отдельные фрагментарные суждения. Отметим авторов и их труды, которые связаны с панэллинизмом Александра. Среди них А.Б. Ранович и его книга «Эллинизм и его историческая роль»¹, а также классик казанского антиковедения А.С. Шофман со своей фундаментальной работой «Восточная политика Александра Македонского»². Для обоих трудов характерно отсутствие проблемы панэллинизма Александра Великого, хотя некоторые высказывания в этом направлении все же присутствуют. Так, например, А.Б. Ранович отмечает: «Идея реванша была политической формой, в которой выразилось вызванное кризисом стремление к единству»³. В другом месте можно обнаружить еще более интересные выражения автора («пропаганда идеи панэллинского союза под гегемонией Македонии»⁴), при этом термин «панэллинизм» не употребляется отдельно.

В работах А.С. Шофмана также отсутствует анализ проблемы панэллинизма Александра, только упоминания «демагогических лозунгов» пропаганды Александра в войне освобождения малоазийских греков,⁵ далее перечисляются случаи подобной пропаганды, основанные на источниковедческих материалах. Этим автор и ограничивается.

В другую группу исследователей, касающихся панэллинизма Александра, можно отнести Б.Г. Гафурова, Э.Д. Фролова и Д.И. Цибукидиса. Для данных ученых значение панэллинизма Александра представляется главным образом в составе панэллинизма и является несамостоятельным. Д.И. Цибукидис определяет войны Александра Великого как «захватнические»⁶ и отмечает, что сама программа Исократа вполне согласовывалась со стремлением Александра установить гегемонию в Восточном Средиземноморье⁷. В совместной работе Д.И. Цибукидиса и Б.Г. Гафурова «Александр Македонский и Восток» авторы отмечают: «Поход (Александра) был совершен под лозунгом “отмщения персам”, а после сожжения Персеполя этот лозунг утратил свое значение»⁸. Целая глава указанной работы посвящена «идеям» панэллинизма⁹, где в основном рассматриваются развитие взглядов панэллинизма в классический период истории Греции и его трансформация, и адаптация Филиппом II, отцом Александра. Термин «панэллинизм» применительно к политике и идеологии Александра присутствует в том или ином виде. Например, употребляется такое выражение, как «пропаганда Александром панэллинского единства»¹⁰. В книге также присутствуют отсылки к источникам, большей частью посвященные панэллинской пропаганде Александра на первом этапе его походов.

¹ Ранович 1950.

² Шофман 1976.

³ Ранович 1950, 24.

⁴ Ранович 1950, 24.

⁵ Ранович 1950, 52.

⁶ Цибукидис 1981, 110.

⁷ Цибукидис 1981, 123.

⁸ Гафуров, Цибукидис 1980, 13.

⁹ Гафуров, Цибукидис 1980, 40–75.

¹⁰ Гафуров, Цибукидис 1980, 107.

Э.Д. Фролов в своей статье «Панэллинизм в политике IV в. до н.э.»¹¹ анализирует программу панэллинизма и процесс ее реализации, в некоторой степени рассматривая и панэллинизм Александра. Интересно отметить отношение ученого к пропаганде панэллинизма при Александре, исследователь обозначает его как «Панэллинистическое прикрытие»¹².

Историография советского периода вырабатывает некоторые подходы к развитию идей панэллинизма Александра Великого. В частности, показательно употребление словосочетания «пропаганда панэллинизма» или созвучных с ним формулировок («панэллинистическое прикрытие» или «демагогические лозунги»). Но ученые не прибегают к обороту «панэллинистическая идеология Александра», вероятно, не рассматривая отдельно друг от друга идеологию и пропаганду.

Другой период отечественной историографии, представляющий для нас наибольший интерес, охватывает рубеж 1980–1990-х гг., а также новейшую российскую историографию. Так, рубеж развития советской и российской историографии начала 1990-х гг. отмечен работой Л.П. Мариновича «Греки и Александр Македонский»¹³. В 1990 г. вышел сборник трудов, посвященный главным образом эллинизму, под названием «Эллинизм: экономика, политика культура»¹⁴. Из всех разделов отметим, по нашему мнению, наиболее важные. Это раздел Э.Д. Фролова¹⁵ «Исторические предпосылки эллинизма» и В.И. Исаевой «Идеологическая подготовка эллинизма»¹⁶. Авторы развивают проблему становления эллинизма, не выходя за пределы понимания панэллинизма Александра своих советских предшественников. Также в этом отношении показательна указанная нами работа Л.П. Мариновича. Исследователь главным образом изучает внутреннее положение полисов (проблема кризиса полиса) и внешнеполитические контакты греков с Александром¹⁷. Удивительно, что при такой интересной и актуальной постановке вопроса историк практически не обращается к панэллинистической проблеме во взаимоотношениях греков с Александром, изредка упоминая отдельные факты, связанные с панэллинизмом¹⁸. В следствие этого, можно заключить, что в отечественной историографии 1980–1990-х гг. качественно новых достижений не возникло.

В современной российской научной исторической литературе тема «Панэллинизм Александра» мало изучена. На проблему обращают внимание лишь преимущественно в контексте каких-либо других научных исследований, связанных с историей Древней Греции или с историей эллинизма¹⁹, продолжая таким образом традицию советской историографии.

Можно выделить монографию Э.В. Рунга «Греко-персидские отношения: политика, идеология, пропаганда»²⁰. Исследование автора представляется для нас

¹¹ Фролов 1983, 157–207.

¹² Фролов 1983, 203.

¹³ Маринович 1993, 287.

¹⁴ Кошленко, Фролова, Исаева 1990.

¹⁵ Фролов 1990, 14–58.

¹⁶ Исаева 1990, 63–66.

¹⁷ Маринович 1993, 5.

¹⁸ Маринович 1993, 159.

¹⁹ В частности, большой интерес по-прежнему вызывает панэллинизм Исократ. См. Алленова 2002; Меланченко 2002.

²⁰ Рунг 2009.

важным в контексте указанной темы. Автор не ставит перед собой задачу всестороннего изучения идеологии панэллинизма, хотя не обходит вниманием как становление классического панэллинизма²¹, так и отдельно проблему панэллинистической идеологии в практической деятельности Александра Великого. Остановимся на интересующей нас проблеме панэллинизма в контексте идеологии Александра. Э.В. Рунг выделяет отдельный пункт, посвященный идеологии панэллинизма Филиппа II и Александра Великого, – «Панэллинистические лозунги в политике Филиппа II и Александра Македонского»²², – где в контексте решения общей проблемы, представленной в монографии, рассматривает проблему и фактический материал, связанные с панэллинистическими лозунгами Александра. Делая вывод, ученый отмечает, что «политика панэллинизма была направлена на объединение Эллады с организацией последующего похода против персов и находила свое воплощение в деятельности Агесилая, Филиппа II и Александра Великого»²³. Закljučая, можно отметить, что в данном пункте формулируется проблема панэллинизма Александра.

Анализируя отечественную историографию, можно сделать вывод, что, несмотря на малоизученность заявленной темы, все же в совокупности результаты предыдущих исследователей позволяют обратиться к проблеме панэллинизма Александра.

В зарубежной историографии, так же, как и в отечественной антиковедческой традиции, можно выделить как общие труды, посвященные панэллинизму в целом, где есть некоторые разработки отдельных вопросов панэллинизма Александра, так и те работы, чей предмет исследования сужается, и панэллинизм Александра представляет отдельную проблему. В качестве примера для первой категории исследователей укажем следующих авторов: Л. Митчелл и А. Боржа. Так, Л. Митчелл дает обстоятельный обзор развития панэллинизма как идеологии единения греков²⁴. Что касается развития идей панэллинизма во время похода Александра, автор выделяет для этой проблемы небольшой подпункт пятой главы «Александр и его война против варваров»²⁵, где рассматривает древнегреческую идеологию в контексте панэллинистической пропаганды. Ученый описывает пропагандистские приемы Александра, одним из которых являлось сопоставление его с «героическими» предками Ахиллом и Гераклом.

Схожей по тематике представляется работа А.Б. Боржа «Гегемония и Панэллинизм: политические концепции в годы правления Филиппа и Александра»²⁶, где в центре внимания – взаимоотношения и действия между Филиппом и Александром, с одной стороны, и Грецией, с другой – мало затрагивается панэллинизм Александра в его восточных походах²⁷.

В значительной степени для исследования указанной проблемы важна статья М. Флауэра «Александр Великий и панэллинизм»²⁸, которая обращает на себя

²¹ Рунг 2009, 146–197.

²² Рунг 2009, 190–192.

²³ Рунг 2009, 191.

²⁴ Mitchell 2007.

²⁵ Mitchell 2007, 190–192.

²⁶ Borjia 2007.

²⁷ См. похожую по тематике статью: Seager 1981.

²⁸ Flower 2000.

внимание выбором предмета изучения и останавливается на исследовании панэллинизма Александра. В начале своей статьи автор дает краткое введение, описывая явление панэллинизма, и в общих чертах описывает исторические факты до воцарения Александра и усмирения им Греции. И уже во второй главе «Панэллинизм в действительности» (Panhellenism in practice)²⁹ автор рассматривает идеологию уже в практической реализации политической деятельности знаменитого полководца. Под практической реализацией панэллинизма исследователь понимает идеологические лозунги панэллинизма, применяемые Александром во время его Восточной кампании в Персии. В заключительной третьей главе М. Флауэр ставит вопрос об окончании панэллинизма в политике Александра: «Действительно ли панэллинизм перестал существовать с сожжением Персеполя?». На этот вопрос автор дает отрицательный ответ, обнаруживая панэллинизм и после поворотного сожжения столицы персов³⁰. В отличие от предыдущих классиков антиковедения, как отечественных и зарубежных, ученый ссылается на предысторию как вспомогательную вводную часть в качестве приложения исследования. Панэллинизм Александра и его идеология является главной темой работы М. Флауэра. Будет верным сказать, что для всеобщей историографии, посвященной панэллинизму и даже раннему эллинизму, данное исследование имеет прогрессивное значение, хотя и не дает исчерпывающего анализа проблемы.

Несмотря на большое количество работ, посвященных истории эллинизма и Александру Великому, в частности, идеология панэллинизма в контексте политики и идеологии Александра рассматривается в недостаточной степени, чтобы можно было утверждать об отсутствии постановки проблемы. Современное состояние вопроса заставляет нас обратиться к идеологии панэллинизма Александра с учетом достижений предшественников, еще раз рассмотреть и проанализировать панэллинизм Александра Великого³¹ в контексте «практической деятельности» полководца.

Теперь для достижения главной цели исследования следует рассмотреть действия Александра во время восточного похода, которые в той или иной степени соотносятся с его панэллинистическим курсом.

В качестве источников информации о панэллинистической пропаганде Александра хорошо подходит античная нарративная традиция. Период походов Александра Великого известен главным образом благодаря трудам греко-римских историков, таких, как Арриан, Плутарх, Курций Руф, Диодор и Юстин. Их свидетельства вполне передают характер панэллинизма и осуществления этой идеологии на практике во время восточной кампании Александра Великого. В этом отношении нам представляются важными «лозунги» панэллинизма, которые можно встретить в античных нарративных источниках в разных формах и интерпретациях. Немаловажными для нас остаются сохраненные нарративной античной традицией извлечения из переписки Александра с Дарием, а также речи, приписываемые Александру, в которых в изобилии демонстрируется панэллинистическая пропаганда, направленная на оправдание политических действий Александра.

²⁹ Flower 2000, 107–128.

³⁰ Flower 2000, 115. См. противоположную точку зрения: Корнилов 2015.

³¹ Далее автор рассматривает проблему также с учетом предыдущих опубликованных работ. См. Корнилов 2015; Корнилов 2017.

После изучения нарративных источников можно отметить, что наиболее демонстративные «лозунги», яркая идеологическая пропаганда содержатся в большей степени в Анабасисе Арриана (Arr. Anab. I. 16. 6; I. 16.7; II. 7. 4; II. 14. 4–9; II. 14. 14; II. 14. 16; VII. 19. 10). В то же время другие труды античных историков нередко повторяют эту интерпретацию, существенно ничего нового не добавив³². У других историков Александра – Диодора Сицилийского и Юстина – панэллинстическая идеология отражается в значительно меньшей степени.

Следы панэллинстической идеологии и ее пропаганды обнаруживаются уже с первых военных столкновений с персами. Так, Александр после битвы при Гранике отправил в Афины 300 комплектов воинского снаряжения, велел сделать надпись: «Александр, сын Филиппа, и все эллины, кроме лакедомонян, взяли от варваров, обитающих в Азии» (Arr. Anab. I. 16.7; Plut. Al. 16. 8). Характерное для панэллинизма противопоставление эллинов и варваров позволяет судить о патриотическом характере данной надписи, где себя македонянин упоминает впереди эллинов, подчеркивая главенство над ними и его общность с эллинским миром. В этом контексте будут и понятны действия Александра в отношении греческих наемников, которых царь захватил в плен в битве при Гранике, отправив их на тяжелые работы за предательство. Арриан поясняет это действие следующим высказыванием: «Ибо они, эллины, пошли наперекор общему решению эллинов и сражались за варваров против Эллады» (Arr. Anab. I. 16. 6). В оправдание своих действий в отношении эллинов, служащих у «варваров», в речи при Иссе, приписываемой Александру, есть оправдание его поступкам в отношении греческих наемников: «Что касается эллинов, которые тут встретятся с эллинами, то они ведь сражаются не за одно и то же: одни нанялись к Дарию за плату и притом небольшую; другие – те, что у них в войске, – добровольно стали на защиту Эллады» (Arr. Anab. II. 7. 4). Противопоставляя «своих эллинов», которые встали на защиту Эллады, и «чужих», которые нанялись к Дарию за плату, Александр искусно манипулирует все теми же панэллинстическими лозунгами единения греков под предводительством Македонии.

Кроме этого, нередко в нарративных греческих источниках Александр позиционирует себя в качестве предводителя эллинов, который мстит за нанесенные грекам обиды, вторгаясь в Персию. В этом контексте для нас представляет интерес выражение из Анабасиса Арриана, приписываемое Александру: «мир, который я водворил в Элладе» (Arr. Anab. II, 14, 6). Это выражение вполне соответствует духу программы Исократ, чья идея об объединении Греции под предводительством Македонии была весьма полезна³³. А уже в другом фрагменте от имени Александра формулируется «панэллинстическая программа» вторжения в Персию под предлогом войны отмщения: «Я, предводитель эллинов, желая наказать персов, вступил в Азию, вызванный на то вами» (Arr. Anab. II, 14, 4). Основной идеей в письме к Дарию (Arr. Anab. II, 14, 4–9; Curt. Hist. Al. IV, 1, 13)³⁴ Александра является обоснование вторжения в Персию. Используя панэллинстические

³² См., например, Curt. Hist. Al. IV, 1, 13; Pl. Al. 16. 8.

³³ Schmitz-Kahlmann 1939.

³⁴ См. также эту же переписку Александра с Дарием у других историков, где отсутствуют панэллинстические настроения (Diod. Bibl. Hist. XVII. LIV. 1–6; Iust. XI. 12. 1–16; Pl. 29. 4).

лозунги и манипулируя греческой пропагандой, македонянин представляет свое вторжение как вынужденную защиту.

В духе панэллинизма также предстает высказывание друга Филиппа II Демарата, который после завоевания Персиды Александром, увидев полководца на троне, заявил: «Какой великой радости лишились те из греков, которые умерли, не увидав Александра восседающим на троне Дария!» (Pl. Al. 37. 4; 56. 1). Сама фраза отражает патриотизм в равной степени македонян и греков, для которых одинаково приятно видеть персов поверженными.

Заключительным политическим актом Александра Великого представляется сожжение Персеполя (Curt. Hist. Al. V. 7.4; Diod. Bibl. Hist. XVII. 80. 1–6; Plut. Al. 38. 2). Это событие знаменует рубеж между старой идеологией панэллинизма и уже намеченной идеологией ориентализма. Используя лозунги панэллинизма, Персеполь как символ бывшей имперской мощи персов должен был быть уничтожен, а панэллинизм постепенно отойти на второстепенные позиции, исчерпав свои возможности.

Об окончании панэллинизма косвенно свидетельствует роспуск союзных контингентов (Arr. Anab. III, 19, 5). Официальная помощь союзников теперь была не нужна, но и от помощи греческих воинов полководец не отказывался. Сама служба теперь будет происходить на добровольных началах, вне зависимости от воли Коринфского союза, превратив союзные отряды в наемников.

Хотя в дальнейшем могут и просматриваться отдельные панэллинистические жесты и лозунги, но количество их менее значительно, а по идеологической нагрузке они менее выразительны, изредка напоминая о первоначальной цели похода. Так, по свидетельству источников, все статуи богов, в том числе статуи Гармония и Аристокитона, которые Ксеркс вывез из Эллады в Персию, а также другие ценные предметы, Александр отдал грекам (Arr. Anab. VII. 19. 1; Diod. Bibl. Hist. XVII. 9. 2).

С точки зрения идеологии панэллинизма также интересна речь, приписываемая Аррианом македонскому царю, к своему войску, которая по хронологии античных авторов была произнесена после 330 г. Для нас она важна тем, что представляет некое исключение, т.к. панэллинистические выступления и демонстрации в указанное время становятся редкостью. Отметим, что здесь сочетаются уже две тенденции – промакедонские настроения и панэллинистические мотивы, вспоминаются старые пропагандистские лозунги (Arr. Anab. VII. 9. 1–6)³⁵. Так, в речи Александр возвеличивает «дела» Филиппа II, своего отца, и в этом контексте говорит об унижении афинян и фиванцев: «афинян и фиванцев, которые вечно строили козни Македонии, он унижил до такой степени...» (Arr. Anab. VII. 9. 4), – а следующая фраза уже смягчает это утверждение: «Они (афиняне и фиванцы), до известной степени, трудятся для нашей безопасности» (Arr. Anab. VII. 9. 4). Вероятно, этот фрагмент можно интерпретировать как факт установления македонской гегемонии в Греции для выгоды и пользы македонян, на кого афиняне и фиванцы теперь «трудятся». В сочетании с вышесказанным парадоксальным кажется утверждение в этой же речи, что Филиппа II объявили «полновластным вождем всей Эллады в походе на Персию» (Arr. Anab. VII. 9. 4).

³⁵ См. также менее идеологически окрашенную речь к войску Александра у Квинта Курция Руфа (Curt. X. 2. 19–29).

С помощью панэллинизма македонское господство над Грецией становится легитимным. Обращение к «славным деяниям» Филиппа призвано еще раз оправдать свою политику. При этом во всей дальнейшей речи сообщается лишь о тех богатствах и землях, которые для македонян добыл и завоевал сам Александр (Arr. Anab. VII. 9. 6). В отношении завоеванных персов продолжают использоваться совсем нелицеприятные для последних выражения, например, «побежденные варвары» (Arr. Anab. VII. 10, 7), что также является данью традиции панэллинизма³⁶.

С 330 г. идеологическое содержание нарративных греко-римских источников резко меняется (Arr. Anab. IV. 7. 4; IV. 8. 2; IV. 10. 5; IV. 13. 1; VII. 11. 1; VII. 11. 7; Curt. Hist. Al. VIII. 5. 8; Plut. Al. 45, 54, 67; Diod. Bibl. Hist. XVII. 70. 1–6; Iust. Hist. Philip. XI. 10. 1–2; XII.3. 11)³⁷, происходит ориентализация политики царя. Нередко, панэллинистические лозунги теперь используют представители греческой и македонской оппозиции – в противоположность проперсидскому курсу Александра. Так, например, можно увидеть подобные «воззвания к Элладе» у Каллисфена, когда речь идет о введении земных поклонов при дворе Александра (Arr. Anab. IV. 11), либо античные источники повествуют в целом о недовольстве македонского войска ориенталистической политикой царя (Arr. Anab. VII. 8. 2; Iust. Hist. Philip. XII. 4. 1). Раздражение в адрес царя, в том числе и за его приверженность к ориентализму, присутствует и среди македонской аристократии (Pl. Al. 51. 1–6). Эти настроения ярко демонстрировал друг Александра Клит. Далее в повествовании источников панэллинистические лозунги затихают.

В заключении отметим, что панэллинизм с потерей статуса «официальной идеологии» не прекратил своего существования. К панэллинизму как идеологическому оружию теперь прибегает оппозиция Александра, а речь Александра, обращенная к войску, показывает готовность полководца при необходимости использовать «устаревшие» лозунги. Хотя, без сомнений, основой нового идеологического и политического курса Александра становится ориентализм.

Все это в должной мере демонстрирует конец государственного панэллинистического курса. Идеология перестает отвечать современной, на тот момент геополитической, ситуации, переходит на «неофициальный уровень» и выражается представителями панэллинистически настроенных греков и македонян.

Таким образом, рассмотрев деятельность Александра Великого в Восточной кампании, можно заключить, что восточная политика полководца была националистической и отражала интересы македонян, в меньшей степени греков. После покорения Персидской державы неизбежным стало трансформация идеологической политики в сторону ориентализма, так как прежняя опора царя потеряла интерес к дальнейшим завоеваниям. Новой опорой должны были стать представители местных элит Персии и других государств, покоренных царем. Это основание явилось причиной сменой курса идеологии, которая демонстрирует нам античная традиция.

³⁶ Панэллинистическая идеология греков не отличалась терпимостью к остальным народам, которых называли варварами. Некоторые исследователи называют такой феномен древнегреческой культуры современным термином «расизм». См. специальное исследование, посвященное этому вопросу: Isaac 2004.

³⁷ См.: Корнилов 2017.

ЛИТЕРАТУРА

- Алленова, И.В. 2002: Панэллинизм Исократа. *ТГУ* 2 (26), 63–66.
- Гафуров, Б.Г., Цибукидис, Д.И. 1980: *Александр Македонский и Восток*. М.
- Исаева, В.И. 1990: Идеологическая подготовка эллинизма. В кн.: Г.А. Кошеленко, Э.Д. Фролов, В.И. Исаева и др. (ред.), *Эллинизм: экономика, политика, культура*. М., 59–88.
- Корнилов, Ю.В. 2015: Идеология Александра Великого: от панэллинизма к ориентализму. *Патриотизм и коллаборационизм в мировой истории*. Казань, 37–42.
- Корнилов, Ю.В. 2017: *Ориентализм в идеологии и политике Александра Великого*. Казань.
- Кошеленко, Г.А., Фролова Э.Д., Исаева, В.И. (ред.): 1990 *Эллинизм: экономика, политика, культура*. М.
- Маринович, Л.П. 1993: *Греки и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса)*. М.
- Меланченко, И.В. 2002: Панэллинистические идеи в политическом мировоззрении Исократа. *Антиковедение и Мединистика* 4, 3–15.
- Ранович, А.Б. 1950: *Эллинизм и его историческая роль*. М.–Л.
- Рунг, Э.В. 2009. *Греко-персидские отношения: политика, идеология, пропаганда*. Казань.
- Фролов, Э.В. 1990: *Исторические предпосылки эллинизма*. В кн.: Г.А. Кошеленко, Э.Д. Фролов, В.И. Исаева и др. (ред.), *Эллинизм: экономика, политика, культура*. М., 59–88.
- Фролов, Э.Д. 1983: Панэллинизм в политике IV в. до н.э. В кн.: Е.С. Голубцова (ред.), *Античная Греция: Проблемы развития полиса*. Т. 2. М., 157–207.
- Цибукидис, Д.И. 1981: *Древняя Греция и Восток. Эллинистическая проблематика греческой историографии (1850–1971)*. М.
- Шофман, А.С. 1976: *Восточная политика Александра Македонского*. Казань.
- Antela-Bernárdez, B. 2007: Hegemony and Panhellenism: Political Concepts in the Age of Philip and Alexander. *Dialogues d'histoire ancienne* 2 (33/2), 69–89.
- Flower, M. 2000: *Alexander the Great and Panhellenism*. In: A.B. Bosworth, E.J. Baynham (ed.), *Alexander the Great in fact and fiction*. Oxford, 96–135.
- Isaac, B. 2004: *The invention of Racism in Classical Antiquity*. Princeton.
- Mitchell, L. 2007. *Panhellenism and the Barbarian in Archaic and Classical Greece*. Cambridge.
- Seager, R. 1981: The Freedom of the Greeks of Asia: From Alexander to Antiochus. *Classical Quarterly* 31.1, 106–112.

REFERENCES

- Allyenova, I.V. 2002: Panellinizm Isokrata [Panhellenism of Isocrat]. *Vestnik Tambovskogo Gosudarstvenogo Universiteta* [The Bulletin of Tambov State University] 2 (26), 63–66.
- Antela-Bernárdez, B. 2007: Hegemony and Panhellenism: Political Concepts in the Age of Philip and Alexander. *Dialogues d'histoire ancienne* 2, (33/2), 69–89.
- Flower, M. 2000: *Alexander the Great and Panhellenism*. In: A.B. Bosworth, E.J. Baynham (ed.), *Alexander the Great in fact and fiction*. Oxford, 96–135.
- Frolov, E.D. 1983: Panellinizm v politike IV v. do n. e. [Panhellenism in the policy of the Fourth century BC]. In: E.S. Golubtsova (ed.), *Antichnaya Gretsia: Problemy razvitiya polisa* [Ancient Greece. The problem of polis development]. Vol. 2. Moscow, 157–207.
- Frolov, E.V.: 1990. Istoricheskie predposylki ellinizma [The historical background of Hellenism]. In: G.A. Koshelenko, E.D. Frolova, V.I. Isaeva (ed.), *Ellinizm: ekonomika, politika, kul'tura* [Hellenism, economic, policy]. Moscow, 59–88.
- Gafurov, B. G., Tsibukidis D. I. 1980: *Aleksandr Makedonskiy i Vostok* [Alexander the Great and the East]. Moscow.

- Isaac, B. 2004: *The invention of Racism in Classical Antiquity*. Princeton.
- Isaeva, V.I. 1990: Ideologicheskaya podgotovka ellinizma [The ideological preparation of the Hellenism]. In: G.A. Koshelenko, E.D. Frolova, V.I. Isaeva (ed.), *Ellinizm: ekonomika, politika, kul'tura* [Hellenism, policy, culture]. Moscow, 59–88.
- Kornilov, Yu. V. 2015: Ideologiya Aleksandra Velikogo: ot panellinizma k orientalizmu [Ideology of Alexander the Great: from Panhellenism to orientalism]. *Patriotizm i kollaboratsionizm v mirovoy istorii* [The Patriotism and Collaboration in the Universal History]. Kazan, 37–42.
- Kornilov, Yu. V. 2017: *Orientalizm v ideologii i politike Aleksandra Velikogo* [Orientalism in the ideology in the policy of Alexander the Great]. Kazan.
- Koshelenko, G.A., Frolova, E.D., Isaeva, V.I. (ed.): 1990. *Ellinizm: ekonomika, politika, kul'tura* [Hellenism, economic, policy, culture]. Moscow.
- Marinovich, L.P. 1993: *Greki i Aleksandr Makedonskiy (K probleme krizisa polisa)* [The Greeks and Alexander the Great (To the issue of the crises of polis)]. Moscow.
- Melanchenko, I.V. 2002: Panellinisticheskie idei v politicheskom mirovozzrenii Isokrata [Political ideas in the political ideology of Isocrat]. *Antikovedenie i Medievistika* [The Study of Antiquity and Medieval] 4, 3–15.
- Mitchell, L. 2007. *Panhellenism and the Barbarian in Archaic and Classical Greece*. Cambridge.
- Ranovich, A.B. 1950. *Ellinizm i ego istoricheskaya rol'* [The Hellenism and its historical role]. Moscow–Leningrad.
- Rung, E.V. 2009. *Greko-persidskie otnosheniya: politika, ideologiya, propaganda* [Greek and Persian relationship: policy, ideology, propaganda]. Kazan.
- Seager, R. 1981: The Freedom of the Greeks of Asia: From Alexander to Antiochus. *Classical Quarterly* 31, 1, 106–112.
- Shofman, A.S. 1976: *Vostochnaya politika Aleksandra Makedonskogo* [The East policy of Alexander the Great]. Kazan.
- Tsibukidis, D.I. 1981: *Drevnyaya Gretsia i Vostok. Ellinisticheskaya problematika grecheskoj istoriografii (1850–1971)* [The Ancient Greece and the East. The Hellenistic issue of the Greek historiography]. Moscow.

PANHELLENISM AND THE EASTERN CAMPAIGN OF ALEXANDER THE GREAT: THE HISTORIOGRAPHIC REVIEW

Uriy V. Kornilov

Novosibirsk State University of economics and management, Novosibirsk, Russia
Pirr2000@yandex.ru

Abstract. The article deals with Alexander's the Great panhellenic ideology, during his Eastern campaign. The author pays attention to the historiographical situation of the problem taking into account domestic and foreign achievements to make conclusion that the problem of Alexander's Panhellenism hasn't been sufficiently researched.

It should be pointed out that both in Soviet historiography, and in some cases in the foreign historiography of panhellenism Alexander's the Great ideology is considered very superficially and is a part of the review of the problem of pan-hellenism in general. At the same time, little research has been devoted to Alexander's panhellism, especially in Russia. In addition, the author explores Alexander's panhellenism in the East. Using the comprehensive analysis of the ancient narrative tradition, the author regards the ideology of panhellenism since Persian invasion to 330 BC, indicating the burning of Persepolis as a key event. After the pointed

occasion, the panhellenic demonstration in the narrative sources became rare. Considering this event to be a key one in the aspect of changing the ideologies of Alexander the Great, the author nevertheless points to cases of panhellenistic propaganda after changing ideologies. After replacing, panhellenistic ideology with orientalism, the demonstration of panhellenistic slogans was a necessity. The need to justify themselves to their Macedonian-Greek environment, to demonstrate their achievements in the conquest of the wealth of the East was the reason for the use of “outdated slogans” of panhellenism. Later, when orientalism was used as a new course, the Greek-Macedonian opposition of Alexander began to use panhellenistic ideology against the new «King of Asia». The purpose of the attempt was to stop the political tendency of official political course.

The conclusion is that panellinism has evolved naturally: from the official ideology, panellinism turns into the opposition ideology of some representatives of the Greek-Macedonian elite.

Keywords: Alexander the Great, Persia, ideology and policy, panhellenism

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-1-67-64–75

СОВРЕМЕННЫЕ РАСКОПКИ И РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ В ЛАЦИИ В VIII–IV вв. до н.э.

Л.М. Шмелева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия
Ljudmila.Shmeleva@kpfu.ru

Аннотация. В статье анализируются данные современных археологических раскопок на территории древнего Лация и Рима, которые дают возможность восстановления некоторых аспектов развития поселений и городов в регионе Центральной Италии. Автор приходит к выводу, что в VIII–VI вв. до н.э. в Лации шел процесс формирования городов, что проявилось в масштабном каменном строительстве (Габии, Фидены, Рим). Особое внимание уделялось в этот период строительству общественных зданий и сооружений (храмы, дома правителей, стены, водопровод, канализация), что свидетельствовало о серьезных изменениях в социально-экономической и политической жизни города. В то же время автор отмечает, что формирование городов в Лации шло в контексте общеталлийского культурного койне и можно проследить влияние на градостроительство Лация его соседей, прежде всего греков и этрусков.

Ключевые слова: Древний Рим, Лаций, археологические раскопки, Фидены, Габии, Рим

История региона Центральной Италии в VIII–VI вв. до н.э. остается предметом историографических споров, касающихся урбанистических процессов. Особый интерес представляет сопоставление данных археологии и письменной античной традиции, что позволяет проследить развитие отдельных регионов Италии в древности, а также понять пути эволюции городов и какими процессами в общественной и политической сфере сопровождалось это развитие. В то же время необходимо с осторожностью подходить к интерпретации как археологических, так и письменных источников и их сопоставлению¹.

В настоящее время в Лации проводятся масштабные раскопки целых поселений (например, Фидены, Габии, Капуя). В Риме раскапываются отдельные памятники (например, дом на Квиринале) и отдельные кварталы этого древнего города. С 2001 г. ведутся раскопки в северо-восточной части Палатина и Piazza del Colosseo в Риме². Были сделаны интересные находки на Квиринале (остатки

Данные об авторе: Шмелева Людмила Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Института международных отношений Казанского федерального университета.

¹ Кармазина 2012; Мельничук 2012; Коптев 2015, 7; Cifani 2008, 38.

² Cifani 2008; Panella, Zeggio, Ferrandes 2014, 159–210.

жилого дома VI в. до н.э.)³, на Бычьем форуме (остатки храма Фортуны, который считается древнейшим каменным храмом на территории Рима, датируемым VI в. до н.э.)⁴, на Капитолии, в частности при раскопках храма Юпитера Капитолийского (остатки фундамента и подиума, фрагменты терракотового убранства раннего храма)⁵. На территории древнейшего Лация и шире Центральной Италии ведутся работы на месте бывшей римской колонии Фидены, в Габиях, в Капуе и других древних городах⁶. Интересные результаты дали раскопки древних святилищ (Дианы у озера Неми, Юпитера Лациарского в Альбанских горах) (остатки фундаментов разного времени, части алтарей, votivные предметы)⁷.

Археологические находки, сделанные в ходе этих раскопок, и их интерпретации дают возможность проанализировать некоторые процессы становления городов-государств в этом регионе (изменение территории города, ее структурированность, выделение сакрального и общественного центра), а также реконструировать, насколько это возможно, облик древнейших поселений региона.

В VIII–VI вв. до н.э. в Центральной Италии идет процесс формирования государств, а также переход к городскому уровню развития поселений⁸. В протогородских поселениях начала I тыс. до н.э. формируется городской центр с общественными зданиями, строятся каменные дома и храмы⁹, идет организация городского пространства¹⁰. В то же время эти сдвиги в развитии города, которые подтверждаются археологически, сопровождаются развитием общества (выделение сословий и имущественная дифференциация) и государства (полис, цивитас, гражданская община или иной тип), что подтверждается как свидетельствами античных авторов о политическом и социальном развитии региона, так и раскопками некрополей, демонстрирующих социальную дифференциацию общества¹¹.

В VIII–VI вв. до н.э. регион Центральной Италии выступал как единое культурное пространство, в котором шел процесс развития греческой, этрусской и италийской культуры, общества и государства, где заимствовались как конкретные достижения (например, приемы изготовления скульптуры, работа с камнем), так и идеи (например, концепция города)¹². Можно выделить несколько областей, в которых развитие шло более быстрыми темпами – например, Этрурия и Кампания, обладавшие полезными ископаемыми, в частности залежами железной руды (Этрурия), которые представляли интерес для греческих и финикийских купцов и переселенцев, и Лаций и другие территории, населенные италиками, которые не имели полезных ископаемых и потому на первых порах не интересовали греков и финикийцев¹³. Влияние греков на архитектуру в этот период было опосредован-

³ Дом VI в. до н.э. перекраивает карту архаического Рима 2015.

⁴ В Риме раскопан древнейший на сегодня римский храм 2014

⁵ Cifani 2008, 39, 80–109; Quinn, Wilson 2013; Cifani 2017, 113–122.

⁶ Cifani 2010, 53–69; Guidi 2010, 12–27.

⁷ Ghini, Diosono 2012, 269–276; Stassi 2014, 7–24.

⁸ Коптев 2015; Carandini 1997, 605; ср. Fulminante 2014, 230. Peroni 1996, 302–408; 409–507. См. также Guidi 2006, 66; ср. 2010, 13 и 21–23; Smith 2011, 219–221.

⁹ Cornell 2000, 212; Guidi 2006, 58.

¹⁰ Antognoli, Bianchi 2009.

¹¹ Guidi 2006, 66.

¹² Forsythe 2005, 58.

¹³ Коптев 2015, 6.

ным через этрусков¹⁴. Однако в Лации с VIII в. до н.э. начинается городской этап в развитии поселений, и отмечаются определенные заимствования из греческой культуры¹⁵.

1. ГОРОД В ЛАЦИИ И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ В VIII–VI ВВ. ДО Н.Э.

Изучение процесса развития городов в Центральной Италии является одной из основных тем в антиковедении. Результаты этих исследований дают возможность воссоздать как общий процесс развития региона, так и реконструировать историю отдельных городов-государств.

Особое внимание обращалось исследователями на соотнесение процесса урбанизации и появления государства. Существует несколько трактовок этого процесса: первая – сначала формируется раннее государство, а затем город¹⁶, вторая – сначала формируется протогород, а затем в нем идет процесс формирования раннего государства¹⁷. Такая постановка проблемы применительно к истории Рима и Лация ставит вопрос соотнесения археологических данных и данных античной традиции о политическом и социальном развитии региона, а также выявляет проблему достоверности источников о политическом развитии Рима и Лация в VIII–VI вв. до н.э. Согласно источникам, формирование государства в форме *civitas* в Риме можно отнести к IV–II вв. до н.э., тогда как начало процесса урбанизации относится к VII (VIII) – VI вв. до н.э., так как именно в этот период в Риме фиксируется каменное строительство, а также выделение сакрального и политического центра. В современной историографии по вопросу хронологии и признаков протогородского и городского этапов развития ведутся многолетние дискуссии. Например, Р. Перони считает период X–IX вв. до н.э. протогородским, а период VIII–VII вв. до н.э. – временем формирования города и города-государства¹⁸. А. Грандаци и Кр. Смит полагают, что VIII–VII вв. – это протогородский период в истории Рима и Лация¹⁹. При этом в современной итальянской историографии наблюдается тенденция к удревнению протогородского и городского этапа в развитии Лация²⁰. На основании письменных источников для этого периода мы можем говорить о формировании раннего государства, так как идет процесс выделения общественных слоев, политической власти, однако мы не можем говорить о том, складывается ли в это время гражданская община в Риме²¹.

Проблему представляет и выбор признаков, по которым исследователи считают поселение протогородом или городом: наличие общегородского сакрального и политического центра, наличие укреплений (стены), каменное строительство

¹⁴ См. подробнее Гаврилин 2015, 14–15, 75–76, 82.

¹⁵ Об ориентализирующем периоде в развитии Лация и Рима см. Cornell 1995, 81–97; Smith 2005, 91–111; Fulminante 2014, 80–101.

¹⁶ Cornell 1995, 102–103.

¹⁷ Более подробно см. текст и ссылки Коптев 2015, 3–15.

¹⁸ Peroni 1996, 302–408; 409–507.

¹⁹ Grandazzi 1997, 168–169; Smith 2005, 101–102.

²⁰ См. Carafa 1996, 10–12; Bettelli 1997, 135–153; Guidi 2006, 59.

²¹ Различные точки зрения на эту проблему см. Cornell 1995, 2000; Peroni 1996, 302–408; 409–507; Guidi 2006, 56; Коптев 2015, 9–10.

общественных и частных зданий, благоустройство города²². При этом возникает проблема: считать ли наличие всех этих критериев необходимым для города, или достаточно нескольких из них (каких именно?), чтобы считать поселение превратившимся в город. Однозначного ответа в современной историографии нет. В качестве примера можно привести дискуссию о строительстве укреплений (стен) вокруг городов. Относя формирование города в Этрурии и Лации к VIII–VI вв. до н.э., исследователи обращают внимание, что укрепления появляются в некоторых городах гораздо позже. Так, в Вейях самые ранние городские стены относятся к V в. до н.э., в Тарквиниях – к IV в. до н.э.²³, в латинских городах Ардея, Габии, Сатрик, Фидены и некоторых других – примерно к 600 г. до н.э.²⁴ Время строительства городской стены Рима относится к VI–IV вв. до н.э.²⁵ То же самое можно сказать и об оформлении сакрального и политического центра поселения²⁶.

Данные археологических раскопок позволяют в целом представить картину эволюции поселений Лация в X–VI вв. до н.э., а также пути развития этих поселений и их особенности. Так, А. Гвиди в своих работах выделяет несколько путей эволюции поселков в город, при этом он считает путь синойкизма характерным только для Рима, тогда как другие пути – рост протогородского центра, перемещение населения в конце бронзового века – начале железного века в больший по размерам центр, включение соседних территорий в большой центр, колонизация и завоевание – для всего региона Центральной Италии²⁷. В плане политического развития Рим также несколько отличается от своих соседей в регионе. Г. Чифани при этом считает, что Рим развивался как территориальное государство, в чем видятся параллели с этруским городами (например, Вейи, Цере, Тарквинии), тогда как остальные латинские общины представляли собой типичные города-государства²⁸. Это может говорить о сильном этруском влиянии на становление Рима как города и как государства, а также о возможности вхождения Рима в этруское двенадцатиградье в VI в. до н.э.

Археологические находки подтверждают изменения в планировке поселений в VII–VI вв. до н.э., а также особое внимание уделялось строительству общественных зданий (храмы, дома правителей, стены, водопровод, канализация)²⁹. Масштабное строительство в публичной сфере городов свидетельствует о серьезных изменениях в социально-экономической и политической жизни города³⁰. В частности, для Рима VII–VI вв. до н.э. можно говорить о совпадении периода каменного строительства общественных зданий и сооружений с усилением царской власти и формированием раннего государства³¹.

²² См. например, Cornell 2000, 212.

²³ Rassmussen 2005, 76.

²⁴ Smith 1996, 115; Attema 1997, 282.

²⁵ Так называемой Сервиевой стены. Хотя большинство исследователей считают, что она была построена в VI в. до н.э., часть ученых на основании исследования туфа, из которого сложена стена, относит ее строительство к IV в. до н.э.

²⁶ О выделении сакрального и политического центра в Риме см. Коптев 2015.

²⁷ Guidi 2010, 16–17.

²⁸ Cifani 2010, 53–60.

²⁹ Cifani 2014, 15–28.

³⁰ Коптев 2015, 9; Carandini 1997, 605; Fulminante 2014, 230. Peroni 1996, 302–408, 409–507; Guidi 2006, 66; 2010, 13 и 21–23; Smith 2011, 219–221 и др.

³¹ См. Cornell 2000; Коптев 2015.

В целом находки последних десятилетий позволяют говорить о превращении поселений Лация в VIII–VI вв. до н.э. в городские центры, в которых шло каменное строительство общественных и частных зданий, выделялся сакральный и политический центр города, формировалась жилая застройка, что, несомненно, сопровождалось развитием общественных отношений и формированием раннего государства.

2. СОВРЕМЕННЫЕ РАСКОПКИ И РИМЕ И ЛАЦИИ

Период превращения поселения в город относится для Лация к VIII–VI вв. до н.э.³² Данные археологических исследований и их сопоставление с данными письменных источников позволяют показать историю поселений Лация с бронзового века до становления городов-государств, а также понять причины эволюции и особенности путей развития отдельных поселений. Эти проблемы получили достаточно большое освещение как в зарубежной, так и в отечественной историографии³³. Однако некоторые данные раскопок последних десяти лет вновь ставят проблему путей и времени развития города в Лации, а также позволяют больше доверять античным, в частности римским, взглядам на раннюю историю Рима.

2.1. Рим

На территории Рима были сделаны находки, позволяющие реконструировать Domus Regia и первоначальный храм Весты³⁴, а также планировку улиц и жилищ, которые примыкали в Римскому форуму и via Sacra³⁵. В 2015 г. в ходе раскопок на Квиринальском холме были обнаружены остатки жилого дома, относящегося к VI в. до н.э., что расширяет территорию жилой застройки Рима, которую он занимал в тот период³⁶, так как до проведения этих раскопок ученые считали, что на Квиринале располагались только храмы и некрополи. В то же время эта находка ставит вопрос о соотношении жилой застройки Рима VI в. до н.э. и территории померия в этот период³⁷, а также вопросы о строительстве укреплений и какую именно территорию они окружали³⁸.

О масштабах строительства в Риме в VIII–VI вв. до н.э. свидетельствуют и исследования остатков храмов Юпитера Статора, который относят к середине VIII в. до н.э.³⁹, Фортуны на Бычьем форуме⁴⁰, Юпитера Капитолийского⁴¹, а также строительство укреплений и общественных сооружений. В целом можно считать, что в VIII–VI вв. до н.э. Рим как город прошел путь развития от небольшого поселения на Палатине к городскому поселению с четко выделенным сакральным

³² Guidi 2006, 66; ср. 2010, 13 и 21–23; Коптев 2015, 4–9.

³³ Bianchi 2010; Bietti Sestieri 2000; Cornell 1995, 2000; Grandazzi 1997; 2007; Guidi 2006; 2010; Smith 2005; Коптев 2015.

³⁴ Guidi 2010, 15, 20.

³⁵ Panella, Zeggio, Ferrandes 2014.

³⁶ Дом VI века до нашей эры перекраивает карту архаического Рима 2015.

³⁷ Некоторые рассуждения на этот счет см. Коптев 2015, 12–15.

³⁸ Smith 1996, 100–101; Antognoli, Bianchi 2009; Bietti Sestieri 2000; Bianchi 2010; Cifani 2014

³⁹ В Риме обнаружен храм Юпитера Статора 2013.

⁴⁰ В Риме раскопан древнейший на сегодня римский храм 2014.

⁴¹ Albertoni, Damiani 2008; Arata 2010; Mura Sommella 2009; Hopkins 2010, 2012; Jovino 2010; Quinn, Wilson 2013; Cifani 2017.

и общественным центром времени Тарквиниев. В то же время сложно сказать о том, какими именно процессами в общественной и политической жизни это сопровождалось (формированием с самого начала гражданской общины и затем государства или сначала складывается раннее государство, а затем, уже в период Республики, гражданская община)⁴².

В Риме VI в. до н.э. можно проследить влияние этрусков на развитие градостроительной концепции и архитектуры. Это влияние проявилось в масштабных работах по осушению территории вокруг холмов Палатина, Капитолия, Авентина и Квиринала, а также в проведении мелиоративных работ на территории Лация: канал от озера Неми и Альбанского озера к Тибру (Liv. V. 15–17), что поддерживало и уровень воды в озерах и позволяло орошать долину⁴³.

Также у этрусков был заимствован тип храма с тремя целлами – храм Юпитера Капитолийского в Риме, где почитались также Юнона и Минерва, культ которых также был заимствован из Этрурии. В результате масштабных раскопок исследователям удалось получить богатый материал о постройке храма и его декоре⁴⁴. Терракотовый декор, как и скульптурные украшения храма, были сделаны в Этрурии, скорее всего в Вейях (Plin. N.H. XXXIII. 7. 36)⁴⁵.

2.2. Лаций

Из исследований последних лет на территории Лация интерес представляют раскопки Габий и Фиден. В Габиях были найдены, как полагают, дом правителя, относящийся к VI в. до н.э., и общественное здание более позднего периода. В 2010 г. на территории Габий были найдены остатки дворца, как предполагают археологи, Секста Тарквиния, сына Тарквиния Гордого. Об этом свидетельствует изображение минотавра, найденное при проведении раскопок⁴⁶. Эта находка подтверждает данные Ливия о том, что Секст Тарквиний был правителем Габий (Liv. I. 53–55). В 2013 году был раскопан комплекс построек, который датируется 350–250 гг. до н.э. Он был сложен из гигантских каменных блоков⁴⁷. Исследователи считают, что это была общественная постройка. Причем для ее возведения, строители срыли часть холма и возвели подпорную стену. Находка такого сооружения позволяет пересмотреть наши взгляды на развитие архитектуры Лация в архаический период, а именно о возможности масштабных построек в более раннее время. Этот факт, а также находки более раннего времени (остатки дворца в Габиях, различные сооружения в латинских городах, в том числе и остатки городских укреплений) позволяют предположить, что в VII–VI вв. до н.э. в Лации и Риме осуществлялось масштабное каменное строительство.

Еще одним интересным примером влияния этрусков на градостроительство и архитектуру является город Фидены. Античные авторы передают, что город был колонией Рима со времен Ромула. Однако в источниках, описывающих ранний этап римской истории, мы встречаем периодические упоминания о восстаниях в

⁴² Некоторые соображения на этот счет см. Коптев 2015, 15–24.

⁴³ Grandazzi 1996, 281, 287, 289.

⁴⁴ Mura Sommella 2009; Quinn, Wilson 2013; Hopkins 2010, 2012; Jovino 2010; Cifani 2017.

⁴⁵ Гаврилин 2015, 31.

⁴⁶ «Tyrant king palace found» «House of Tarquins» unearthed near Rome 2010.

⁴⁷ Новые руины меняют наше представление о римлянах древнейших времен 2013; Johnston, Mogetta, Banducci, Opitz, Gallone, Farr, Casagrande Cicci, Terrenato 2018.

Фиденых против римского господства, а также о том, что в город постоянно переселяли римских граждан⁴⁸. Некоторое объяснение этому можно дать по результатам раскопок, проведенных на месте города. Планировка и облик Фиден были ближе к этруским образцам, чем к латинским. Это относится, в частности, к планировке храмового комплекса. В то же время здесь много находок латинского происхождения⁴⁹. В Фиденых, как и в Риме, проживало смешанное население: латины и этруски, в своей же политике город больше ориентировался на этруские Вейи, чем на Рим, с которым у него были слабые экономические связи.

В городах, находящихся дальше от границ с Этрурией, чем Фидены и Рим, этруское влияние было не таким сильным⁵⁰. Например, в Габиях планировка города и архитектура испытывали незначительное этруское влияние в VIII–VI вв. до н.э.⁵¹ Это же можно сказать и об архитектуре и планировке святилищ в Лавинии, Ланувии, храма Дианы у озера Неми, святилища Юпитера Лациарского на Альбанских горах в ранний период. Хотя в целом в архаический период⁵², по мнению Гаврилина, «этрусская храмовая типология распространяется на весь Лаций»⁵³.

Данные современных археологических раскопок дают нам более четкое понимание эволюции поселений в VIII–VI вв. до н.э. в регионе Центральной Италии, процесса превращения этих поселков в протогородские и городские центры. Появляется возможность восстановить в общих чертах планировку древнейших городов и поселений, сделать реконструкции отдельных зданий и сооружений, выявить разнообразные влияния в формирующемся общелатинском культурном койне. Например, в пограничных городах Лация, таких как Рим и Фидены, прослеживается сильное этруское влияние, но в то же время присутствует значительный пласт латинской культуры. В других городах Лация этруское влияние на городскую среду в исследуемый период оставалось слабым. Основываясь на различных данных, дополняющих известные ранее источники, можно говорить о том, что в Лации в VIII–VI вв. до н.э. происходило формирование и развитие городских центров, сопровождавшееся социальной дифференциацией и возникновением государства.

ЛИТЕРАТУРА

- Гаврилин, К.Н. 2015: *Искусство раннего Рима и Южной Этрурии эпохи расцвета (VI – V вв. до н.э.) по материалам коропластики*. М.
- Кармазина, О.В. 2012: Проблема основания Капуи. *Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология* 2, 28–35.
- Коптев, А.В. 2015: Ранний Рим и греческий полис. *ВДИ* 3, 3–29.
- Мельничук, Я.В. 2012: Происхождение Марсова Поля. Земельно-правовой и политический аспекты. *Вестник Московского государственного университета. Сер. 8. История* 3, 3–24.

⁴⁸ О борьбе Рима за город Фидены см.: Shmeleva, Utkina, Zorina 2018.

⁴⁹ Di Gennaro, Ceccarelli 2012.

⁵⁰ Новые руины меняют наше представление о римлянах древнейших времен 2013; Johnston, Mogetta, Banducci, Opitz, Gallone, Farr, Casagrande Cicci, Terrenato 2018.

⁵¹ «Tyrant king palace found» «House of Tarquins» unearthed near Rome 2010.

⁵² Архаический период для Лация определяют как VIII – IV (III) вв. до н.э.

⁵³ Гаврилин 2015, 26.

- Сосновский, С.И. (пер.) 2014: *В Риме раскопан древнейший на сегодня римский храм*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ancientrome.ru/archaeol/article.htm?a=460>
- Таривердиева, С.Э. (пер.) 2013: *В Риме обнаружен храм Юпитера Статора*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ancientrome.ru/archaeol/article.htm?a=378>
- Таривердиева, С.Э. (пер.) 2013: *Новые руины меняют наше представление о римлянах древнейших времен*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ancientrome.ru/archaeol/article.htm?a=487>
- Таривердиева, С.Э. (пер.) 2015: Дом VI века до нашей эры перекраивает карту архаического Рима 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ancientrome.ru/archaeol/article.htm?a=610>
- Albertoni, M., Damiani, I. 2008: *Il tempio di Giove e le origini del colle Capitolino*. Milano.
- Antognoli, L., Bianchi, E. 2009: La Cloaca Maxima dalla Suburra al Foro Romano. *Studi Romani* LVII, 89–125.
- Arata, F.P. 2010: Nuove considerazioni a proposito del Tempio di Giove Capitolino. *MEFRA* 122, 585–624.
- Bettelli, M. 1997: *Roma: la città prima della città: i tempi di una nascita: la cronologia delle sepolture ad inumazione di Roma e del Lazio nella prima età del ferro*. Roma.
- Bianchi, E. 2010: Foro Romano. L'intervento dei Tarquini prima della Cloaca Maxima. *Studi Romani* LVIII, 3–26.
- Bietti Sestieri, A.M. 2000: The Role of Archaeological and Historical Data in the Reconstruction of Italian Protohistory. In: *Ancient Italy in its Mediterranean Setting. Studies in honour of Ellen Macnamara*. London, 13–31.
- Carafa, P. 1996: La «grande Roma dei Tarquini» e la città romuleo-numana. *Bullettino della commissione archeologica comunale di Roma* 97, 7–34.
- Carandini, A. 1997: *La nascita di Roma. Dèi, Lari, eroi e uomini all'alba di una civiltà*. Torino.
- Cifani, G. 2014: Aspects of urbanism and political ideology in archaic Rome. *Papers on Italian urbanism in the first Millennium B.C.* (Journal of Roman Archaeology Supplement 97), Portsmouth, 15–28.
- Cifani, G. 2008: *L'architettura romana arcaica Edilizia e società tra Monarchia e Repubblica*. Roma.
- Cifani, G. 2017: Small, Medium or Extra-long? Prolegomena to any Future Metaphysics on the Reconstructions of the Temple of Jupiter Optimus Maximus Capitolinus. In: P.S. Lulof, Ch.J. Smith (eds.), *The age of Tarquinius Superbus: Central Italy in the Late 6th Century*. Paris–Leuven–Bristol, 113–122.
- Cifani, G. 2010: State Formation and Ethnicities from the 8th to 5th Century BC in the Tiberine Valley (Central Italy). *Social Evolution and History* 9, 2, 53–69.
- Cornell, T.J. 1995: *The Beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars*. London–New York.
- Cornell, T.J. 2000: The City-State in Latium In: M.H. Hansen (ed.), *A Comparative Study of Thirty City-State Cultures*. Copenhagen, 209–228.
- Di Gennaro, F., Ceccarelli, L. 2012: *FIDENAE*. Santuari Urbani e del Territorio In: E. Marroni (ed.), *Proceedings of the Conference Sacra Nominis Latini. I santuari del Lazio arcaico e repubblicano. Rome, 19-21 February 2009*. Napoli, 212–218.
- Forsythe, G. 2005: *A Critical History of Early Rome: From Prehistory to the First Punic War*. Berkeley.
- Fulminante, F. 2014: *The Urbanisation of Rome and Latium Vetus: From the Bronze Age to the Archaic Era*. Cambridge.
- Ghini, G., Diosono, F. 2012: Il Tempio di Diana a Nemi: una rilettura alla luce dei recenti scavi. In: G. Ghini, Z. Mari (eds.), *Lazio e Sabina VIII. Atti del Convegno*. Roma, 269–276

- Grandazzi, A. 1996: Identification d'une déesse: Ferentina et la ligue latine archaïque. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres* 140, 1, 273–294.
- Grandazzi, A. 1997: *The Foundation of Rome: Myth & History*. Ithaca–London.
- Grandazzi, A. 2007: Penser les origines de Rome. *Bulletin de l'Association Guillaume Budé* 2, 20–71.
- Guidi, A. 2010: The Archaeology of Early State in Italy: New data and Acquisitions. *Social Evolution and History* 9, 2, 12–27.
- Guidi, A. 2006: The Archaeology of the Early State in Italy. *Social Evolution & History* 5, 55–90.
- Hopkins, J.N. 2012: The Capitoline Temple and the Effects of Monumentality on Roman Temple Design. In: M. Thomas, G. Meyers (eds.), *Monumentality in Etruscan and Early Roman Architecture. The Ideology and Innovation of Monumental Architecture in Etruria and Early Rome*. Austin, 111–138.
- Hopkins, J.N. 2010: The Colossal Temple of Jupiter Optimus Maximus in Archaic Rome. In: S. Camporeale et al. (eds.), *I cantieri edili dell'Italia e delle province romane, 2: Italia e province occidentali*. Merida, 15–33.
- Johnston, A.C., Mogetta, M., Banducci, L., Opitz, R., Gallone, A., Farr, J., Casagrande Cicci, E., Terrenato, N. 2018: A monumental mid-Republican building complex at Gabii. *Papers of the British School at Rome*, 1–35.
- Jovino, M.B. 2010: Affinità e differenze nelle esperienze architettoniche tra Roma e Tarquinia. Qualche riflessione. *AnnFaina* 17, 31–65.
- Mura Sommella, A. 2009: Il tempio di Giove Capitolino: una nuova proposta di lettura. *Annali della Fondazione per il Museo «Claudio Faina»* XVI, 333–372.
- Panella, C., Zeggio, S., Ferrandes, A.F. 2014: Lo scavo delle Pendici Nord-Orientali del Palatino tra dati acquisiti e nuove evidenze. *Scienze dell'Antichità* 20, 1, 159–210.
- Peroni, R. 1996: *L'Italia alle soglie della storia*. Roma–Bari.
- Quinn, J.C., Wilson, A. 2013: Capitolia. *Journal of Roman Studies* 103, 117–173.
- Rasmussen, T. 2005: Urbanization in Etruria. In: R. Osborne, B. Cunliffe (eds.), *Mediterranean Urbanization 800–600 BC*. Oxford, 71–90.
- Shmeleva, L.M., Utkina, K.A., Zorina, A.V. 2018: Fidenae: Between Rome and Veii. *MODERN JOURNAL OF LANGUAGE TEACHING METHODS* 8, 9, 44–49.
- Smith, Chr. 1996: *Early Rome and Latium. Economy and Society c. 1000–500 BC*. Oxford.
- Smith, Chr. 2005: The Beginnings of Urbanization in Rome. In: R. Osborne, B. Cunliffe (eds.), *Mediterranean Urbanization 800–600 BC*. Oxford, 91–111.
- Smith, Chr. 2011: Citizenship and Community: Inventing the Roman Republic. In: N. Terrenato, D.C. Haggis (eds.), *State Formation in Italy and Greece: Questioning the Neoevolutionist Paradigm*. Oxford, 217–230.
- Stassi, S. 2014: La presenza del sacro nel territorio albano. In: S. Aglietti (ed.), *Res sacrae santuari e Luoghi di culto nei colli albani*. Albano, 7–24.
- «Tyrant king palace found» «House of Tarquins» unearthed near Rome 2010, http://www.ansa.it/web/notizie/rubriche/english/2010/02/25/visualizza_new.html_1708031707.html

REFERENCES

- Albertoni, M., Damiani, I. 2008: *Il tempio di Giove e le origini del colle Capitolino*. Milano.
- Antognoli, L., Bianchi, E. 2009: La Cloaca Maxima dalla Suburra al Foro Romano. *Studi Romani* LVII, 89–125.
- Arata, F.P. 2010: Nuove considerazioni a proposito del Tempio di Giove Capitolino. *MEFRA* 122, 585–624.
- Bettelli, M. 1997: *Roma: la città prima della città: i tempi di una nascita: la cronologia delle sepolture ad inumazione di Roma e del Lazio nella prima età del ferro*. Roma.

- Bianchi, E. 2010: Foro Romano. L'intervento dei Tarquini prima della Cloaca Maxima. *Studi Romani* LVIII, 3–26.
- Bietti Sestieri, A.M. 2000: The Role of Archaeological and Historical Data in the Reconstruction of Italian Protohistory. In: *Ancient Italy in its Mediterranean Setting. Studies in honour of Ellen Macnamara*. London, 13–31.
- Carafa, P. 1996: La «grande Roma dei Tarquini» e la città romuleo-numana. *Bullettino della commissione archeologica comunale di Roma* 97, 7–34.
- Carandini, A. 1997: *La nascita di Roma. Dèi, Lari, eroi e uomini all'alba di una civiltà*. Torino.
- Cifani, G. 2008: *L'architettura romana arcaica Edilizia e società tra Monarchia e Repubblica*. Roma.
- Cifani, G. 2010: State Formation and Ethnicities from the 8th to 5th Century BC in the Tiberine Valley (Central Italy). *Social Evolution and History* 9, 2, 53–69.
- Cifani, G. 2014: Aspects of urbanism and political ideology in archaic Rome. *Papers on Italian urbanism in the first Millennium B.C.* (Journal of Roman Archaeology supplement 97) Portsmouth, 15–28.
- Cifani, G. 2017: Small, Medium or Extra-long? Prolegomena to any Future Metaphysics on the Reconstructions of the Temple of Jupiter Optimus Maximus Capitolinus. In: P.S. Lulof, Ch.J. Smith (eds.), *The age of Tarquinius Superbus: Central Italy in the Late 6th Century*. Paris–Leuven–Bristol, 113–122.
- Cornell, T.J. 1995: *The Beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars*. London–New York.
- Cornell, T.J. 2000: The City-State in Latium In: M.H. Hansen (ed.), *A Comparative Study of Thirty City-State Cultures*. Copenhagen, 209–228.
- Di Gennaro, F., Ceccarelli, L. 2012: *FIDENAE*. Santuari Urbani e del Territorio In: E. Marroni (ed.), *Proceedings of the Conference Sacra Nominis Latini. I santuari del Lazio arcaico e repubblicano. Rome, 19-21 February 2009*. Napoli, 212–218.
- Forsythe, G. 2005: *A Critical History of Early Rome: From Prehistory to the First Punic War*. Berkeley.
- Fulminante, F. 2014: *The Urbanisation of Rome and Latium Vetus: From the Bronze Age to the Archaic Era*. Cambridge.
- Gavrilin, K.N. 2015: *Iskusstvo rannego Rima i Yuzhnoy Etrurii epokhi rastsveta (VI – V vv. do n.e.) po materialam koroplastiki [The art of early Rome and Southern Etruria in the heyday (6th–5th centuries BC) based on coroplasty materials]*. Moscow.
- Ghini, G., Diosono, F. 2012: Il Tempio di Diana a Nemi: una rilettura alla luce dei recenti scavi. In: G. Ghini, Z. Mari (eds.), *Lazio e Sabina VIII. Atti del Convengno*. Roma, 269–276.
- Grandazzi, A. 1996: Identification d'une déesse: Ferentina et la ligue latine archaïque. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres* 140, 1, 273–294.
- Grandazzi, A. 1997: *The Foundation of Rome: Myth & History*. Ithaca–London.
- Grandazzi, A. 2007: Penser les origines de Rome. *Bulletin de l'Association Guillaume Budé* 2, 20–71.
- Guidi, A. 2006: The Archaeology of the Early State in Italy. *Social Evolution & History* 5, 55–90.
- Guidi, A. 2010: The Archaeology of Early State in Italy: New data and Acquisitions. *Social Evolution and History* 9, 2, 12–27.
- Hopkins, J.N. 2010: The Colossal Temple of Jupiter Optimus Maximus in Archaic Rome. In: S. Camporeale et al. (eds.), *I cantieri edili dell'Italia e delle province romane, 2: Italia e province occidentali*. Merida, 15–33.
- Hopkins, J.N. 2012: The Capitoline Temple and the Effects of Monumentality on Roman Temple Design. In: M. Thomas, G. Meyers (eds.), *Monumentality in Etruscan and Early Roman Architecture. The Ideology and Innovation of Monumental Architecture in Etruria and Early Rome*. Austin, 111–138.

- Johnston, A.C., Mogetta, M., Banducci, L., Opitz, R., Gallone, A., Farr, J., Casagrande Cicci, E., Terrenato, N. 2018: A monumental mid-Republican building complex at Gabii. *Papers of the British School at Rome*, 1–35.
- Jovino, M.B. 2010: Affinità e differenze nelle esperienze architettoniche tra Roma e Tarquinia. Qualche riflessione. *AnnFaina* 17, 31–65.
- Karmazina, O.V. 2012: Problema osnovaniya Kapui [The problem of the Foundation of Capua]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of Voronezh state University. Series: History. Political science. Sociology] 2, 28–35.
- Koptev, A.V. 2015: Ranniy Rim I grecheskiy polis [Early Rome and the greek polis model]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 3–29.
- Melnichuk, Ya.V. 2012: proiskhozhdenie Marsova Poly. Zemel'no-pravovoy i politicheskoy aspekty [Origin of the Field of Mars. Land-legal and political aspects]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta Seriya 8. Istoriya* [Bulletin of Moscow State University. Ser. 8. History] 3, 3–24.
- Mura Sommella, A. 2009: Il tempio di Giove Capitolino: una nuova proposta di lettura. *Annali della Fondazione per il Museo «Claudio Faina»* XVI, 333–372.
- Panella, C., Zeggio, S., Ferrandes, A.F. 2014: Lo scavo delle Pendici Nord-Orientali del Palatino tra dati acquisiti e nuove evidenze. *Scienze dell'Antichità* 20, 1, 159–210.
- Peroni, R. 1996: *L'Italia alle soglie della storia*. Roma–Bari.
- Quinn, J.C., Wilson, A. 2013: Capitolia. *Journal of Roman Studies* 103, 117–173.
- Rasmussen, T. 2005: Urbanization in Etruria. In: R. Osborne, B. Cuncliffe (eds.), *Mediterranean Urbanization 800–600 BC*. Oxford, 71–90.
- Shmeleva, L.M., Utkina, K.A., Zorina, A.V. 2018: Fidenae: Between Rome and Veii. *MODERN JOURNAL OF LANGUAGE TEACHING METHODS* 8, 9, 44–49.
- Smith, Chr. 1996: *Early Rome and Latium. Economy and Society c. 1000–500 BC*. Oxford.
- Smith, Chr. 2005: The Beginnings of Urbanization in Rome. In: R. Osborne, B. Cuncliffe (eds.), *Mediterranean Urbanization 800–600 BC*. Oxford, 91–111.
- Smith, Chr. 2011: Citizenship and Community: Inventing the Roman Republic. In: N. Terrenato, D.C. Haggis (eds.), *State Formation in Italy and Greece: Questioning the Neoevolutionist Paradigm*. Oxford, 217–230.
- Sosnovskiy, S.I. V Rime raskopan drevneyshiy na segodnya rimskiy khram [In Rome, excavated the oldest Roman temple today], <http://ancientrome.ru/archaeol/article.htm?a=460>
- Stassi, S. 2014: La presenza del sacro nel territorio albano. In: S. Aglietti (ed.), *Res sacrae sanctuari e Luoghi di culto nei colli albani*. Albano, 7–24.
- Tariverdieva, S.E. (per.) 2013: *Novye ruiny menyayut nashi predstavlenie o pimlyanakh drevneyshikh vremen* [New ruins change our view of the Romans of ancient times], <http://ancientrome.ru/archaeol/article.htm?a=487>
- Tariverdieva, S.E. (per.) 2015: *Dom VI veka do nashey ery perekraivaet kartu arkhaicheskogo Rima* [The house of the sixth century BC redraws the map of archaic Rome], <http://ancientrome.ru/archaeol/article.htm?a=610>
- Tariverdieva, S.E. (per.) *V Rime obnaruzhen khram Yupitera Statara* [In Rome discovered the temple of Jupiter Stator], <http://ancientrome.ru/archaeol/article.htm?a=378>
- «Tyrant king palace found» «House of Tarquins» unearthed near Rome 2010, http://www.ansa.it/web/notizie/rubriche/english/2010/02/25/visualizza_new.html_1708031707.html

RECENT EXCAVATIONS AND THE DEVELOPMENT OF CITIES IN LATIUM IN
THE EIGHTH TO SIXTH CENTURIES BC

Lyudmila M. Shmeleva

Kazan Federal University, Kazan, Russia
Ljudmila.Shmeleva@kpfu.ru

Abstract. The article analyzes the data of archaeological excavations in the territory of ancient Latium and Rome, which give us the opportunity to restore some aspects of the development of settlements and cities in the region of Central Italy. The author concludes that in the 8th – 6th centuries BC in Latium there was a process of formation of cities, which was manifested in large-scale stone construction (Gabii, Fidenae, Rome). During this period, special attention was paid to the construction of public buildings and structures (temples, houses of rulers, walls, water supply, sewerage), which indicated serious changes in the socio-economic and political life of the city. At the same time, the author notes that the formation of cities in Latium went in the context of the Italian cultural koine, and it is possible to trace the impact of its neighbors, and especially the Greeks and Etruscans on the urban planning of Latium.

Keywords: Ancient Rome, Latium, archaeological excavations, Fidenae, Gabii, Rome

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2020), 76–98
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2020), 76–98
© Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-1-67-76–98

ИМПЕРАТОР В ОБРАЗЕ ХОРА: ПРОДОЛЖАЮЩИЕСЯ ТРАДИЦИИ И ГРЕКО-РИМСКИЕ ВЛИЯНИЯ В ПОКЛОНЕНИИ ПРАВИТЕЛЮ В РИМСКОМ ЕГИПТЕ

С.А. Качан

Независимый исследователь, Нижний Новгород, Россия
Sergey-md@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема отождествления императора и бога Хора. Победоносный образ римского правителя, отождествленного с сокологоловым богом, пропагандировался через изображения на храмовых рельефах, монетах и почитался в частных религиозных ассоциациях. Согласно тексту греческого папируса P. Giss 3, черты солярных богов Хора, Аполлона и Юпитера появлялись в образе живущего императора – Адриана, – который контаминировался с ними в долине реки Нил и выступал в качестве психопомпа, ведущего на небо почившего правителя. Правитель также выступал в образе Хора-Гелиоса-Ра, проявляя себя как Sol Invictus. Усопший император – Траян – вбирал черты Юпитера-триумфатора и Осириса – победителя смерти. Контаминация образов почившего императора-отца и живущего правителя-сына, отраженная в P. Giss 3, находит параллель в храмах Египта, где Хор и Осирис отождествлены между собой. Ка-тḥḥ живущего монарха, отождествленного с Хором, и покойного правителя в образе бога-отца тесно связаны между собой, обнаруживают египетские и греко-римские корни и становятся фактором легитимизации власти правящего императора. Соединение в образе императора египетских и греко-римских черт является новой формой интерпретации власти правителя в Нильской долине.

Ключевые слова: Римский императорский культ, Римский Египет, Хор-Аполлон, Юпитер, Гелиос-Ра, Осирис, дух Ка, тḥḥ-genius, Адриан, Траян

В Египте земной правитель мыслился как земное воплощение бога Хора¹. Это представление существовало на всем протяжении египетской истории и имело продолжение в греко-римское время. С завоеванием долины реки Нил Римской державой император в культовом почитании занял место Птолемеев², или, по крайней мере, стал восприниматься местной знатью в качестве египетского фараона, постепенно входя в эту роль³. С приходом греков, а позднее римлян, в долину реки Нил и внедрением греко-римских религиозных представлений в тради-

Данные об авторе: Качан Сергей Александрович – независимый исследователь, Нижний Новгород.

¹ Frankfort 1948, 39.

² Herklotz 2007, 402–412; Dunand 1983, 47–56.

³ Hölbl 2000.

ционную египетскую систему верований произошли изменения в интерпретации образа Хора. Метаморфозы в понимании традиционного бога Хора и в отождествлении сокологолового божества с римским императором привлекали внимание ученых XX–XXI вв. В исследованиях, посвященных контаминации Хора и правителя в Римском Египте, выделяются два основных направления. Одни ученые обращают внимание на различные формы визуальной репрезентации императоров, включавшей Хоровы черты в *sacra privata* и *sacra publica*, и рассматривают Хорову иконографию как способ пропаганды божественного статуса римского владыки. Исследуя терракотовые изображения сокологолового бога, созданные частными лицами, Е.Х. Канторович обращается к проблеме влияния императорских черт на иконографию Хора, являвшуюся одной из форм *Imitatio Imperatorum et Alexandri*⁴. Н. Барбагли, основываясь на материале императорских статуй и александрийских монет, также указывает на воздействие иконографических черт римского правителя на изображение Хора⁵. Д. Франкфуртер и О.В. Томашевич обращают внимание на сходство иконографии победоносного Хора, который включал в себя императорские черты, и изображений христианских святых⁶. Г. Хёлбл, изучая храмовые рельефы, исследует проблему сакральных функций владыки Рима в египетских храмах, в которых император выступает в традиционной роли фараона – земного воплощения бога Хора⁷. Продолжая линию Г. Хёлбла, Ж. Мартиндейл-Ховард обращается к изучению изображений императора, представленных в статуях и на стелах, и указывает на сохранение в образе правителя традиционных черт фараона⁸. Х-Кр. Нёске исследует иконографию Харпократа (Хор-ребенка), появление которого на александрийских монетах связано с победоносным образом римского правителя⁹. А.М. Эль-Хачаб указывает на то, что изображение Харпократа на александрийских монетах переплеталось с солярными чертами, которые включались в пропаганду божественного образа императоров¹⁰. Другие ученые обращаются к исследованию Хорова имени императоров. В ряде работ Ж-К. Гренье показано, что во времена господства римлян в Египте Хорово имя правителей было расширено по сравнению с предыдущими эпохами и включало элементы, появившиеся под римским влиянием¹¹. Г. Дандас рассматривает Хорово имя как средство политической легитимизации власти римского правителя в Египте¹². Ф.Херклотц указывает на то, что Хорово имя императоров уходит своими корнями в Птолемеевскую эпоху и является одной из форм демонстрации в образе римского правителя функций защитника, воителя и гаранта мирового порядка¹³.

Исследования, в которых отражается проблема отождествления римского императора с богом Хором, включают в себя изучение визуальной репрезентации правителя Рима в образе сокологолового бога и Хорова имени императоров.

⁴ Kantorowicz 1961, 370–374.

⁵ Barbagli 2017, V.

⁶ Frankfurter 1998, 3–4; Томашевич 2014, 23–33.

⁷ Hölbl 2004, 123–124.

⁸ Martynedale-Howard 2013, 81–83.

⁹ Noeske 2009, 81–141.

¹⁰ El-Khachab 1971, 132–145.

¹¹ Grenier 1989; Grenier 1995, 3181–3194.

¹² Dundas 2002, 433–448.

¹³ Herklotz 2007, 128–133.

Ученые, однако, слабо затрагивают проблему греко-римских культурных влияний на почитание римского правителя как земного воплощения Хора в *sacra privata* – в поклонении императору в частных религиозных ассоциациях. Проблема воздействия греко-римских идей в поклонении правителю на почитание императора в долине реки Нил представляет большой интерес, так как со времен Нового Царства в Египте охотно принимали иностранные «культурные заимствования», которые становились частью царской идеологии в культе монарха¹⁴. Египетские жрецы в римское время не только сохраняли традиционные черты в почитании правителя, но и принимали элементы культа императора, характерные для других провинций Римской империи. При этом жрецы правителя находились в постоянном взаимодействии с центральной римской администрацией в формировании императорского культа как «коммуникативного феномена»¹⁵. Эти процессы должны были оказать воздействие и на почитание императора в образе Хора в частных религиозных ассоциациях. Исходя из этого, автор данного исследования обращает внимание на следующие основные проблемы: черты каких божеств греко-римского пантеона включал в себя образ Хора в *sacra privata* в Римском Египте; какие египетские и греко-римские элементы почитания императора обнаруживаются в поклонении правителю, выступающему в образе Хора, в частных религиозных ассоциациях; какие выделяются в Египте особенности в почитании *Genius Augusti*, которые связаны с идеей передачи власти от отца-Осириса к сыну-Хору, и как пропагандировался победоносный образ императора в качестве земного воплощения Хора.

В римское время жители долины реки Нил рассматривали императора как земное воплощение бога Хора. Судя по изображениям и надписям, правитель Рима в долине реки Нил выступал в роли победителя крокодилов. В храме Дендеры римского периода представлено изображение, где император в образе египетского фараона пронзает крокодила копьем. Он стоит перед Хором Бехдетским¹⁶. В сцене А бог Хор назван *Hr Bhdty ntr ʿ3 nb pt nb Msn k3 nbt pri m Ist nb mʿb3 shr hfty.w hn.t hr stp-s3 n hfty.w* – «Хор Бехдетский, бог великий, господин небес, господин Месена; сильный бык, исходящий из Исиды; господин копья, поражающий врагов места отдыха (гробница), защищающий от врагов». При этом Хор Бехдетский говорит римскому правителю: *di.(tw)=k ph.ty mi s3 Ist hfty.w.=k shr hr tb.ty=(k)* – «даруется тебе сила подобно сыну Исиды, враги твои низвергнуты под сандалии (твои)». В схожей иконографии на храмовой сцене римского времени в Дендере изображен бог Хор, сын Исиды и Осириса, который вонзает свое копье в крокодила. Он стоит перед восседающим на троне Осирисом, возле которого Исида и Нефтида. Сзади Хора стоит император (картуши с его именем пусты)¹⁷. Возле фигуры Хора сопутствующая надпись гласит: *Hr s3 Jst s3 Wsir iwʿt mnḥ pri m Jst nd it.f shr rs.t (n) hn.t s3 n hfty.w=f* – «Хор, сын Исиды, сын Осириса, наследник превосходный, выходящий из Исиды, защищающий отца своего, низвергающий врагов места отдыха, защита против врагов своих». Иконография соколового бога, пронзающего крокодила, находит параллель в изображении Хора в римской броне, восседающего на коне и протыкающего

¹⁴ Schneider 2003, 155–161.

¹⁵ Dörner 2014.

¹⁶ Mariette 1870b, pl. 75, a–b; Porter, Moss 1991, 73. 204–205.

¹⁷ Mariette 1870b, pl. 43; Porter, Moss 1991, 67. 183.

копьем крокодила (терракотовая статуэтка из Луврского музея. Инв. № X5130). Образ Хора-всадника, переплетающийся с представлениями о борьбе с врагами, обнаруживается в античных литературных источниках (Plut. De Iside et Osiride. 19)¹⁸ и связан с идеями безопасности¹⁹, разлива Нила и плодородия (PDM XIV. 1219–1227)²⁰. Эти идеи тесно переплетаются с иконографией Хора, в которой соединялись образы соколового бога и императора: Хор, носящий римскую броню, изображен как правитель – с короной царя Верхнего и Нижнего Египта, иконографические черты которого связаны с образом Александра Македонского, служившим примером для римских императоров²¹. Враг-крокодил, которого повергает Хор (и император как земное воплощение соколового бога), являлся одной из персонификаций Сета или его сына²². Изображение победы императора-Хора над крокодилом уходит корнями в сказание о торжестве соколового бога, отомстившего за своего убитого отца Осириса, над Сетом, узурпатором египетского престола и богом зла (Plut. De Iside et Osiride. 19). Повержение крокодила-Сета тесно было связано с идеей торжества Маат (*mꜣt*) – справедливого порядка вещей, противоположного хаосу – Исефет (*isf.t*). Традиционно поддержка оптимального соотношения Маат и Исефет было делом сакрального правителя – царя Верхнего и Нижнего Египта²³. Император, который побеждал врага-крокодила (Сета) и мыслился как земное воплощение Хора, способствовал торжеству Маат, стабильности и устойчивым урожаем.

Идея победы правителя над врагами и связанные с этим представления об образы плодородия были сильны в римское время. Так, в папирусе (Р. Оху XXXVI. 2782), датированном 217 г., Марк Аврелий Аполлон просит жрицу Исиды-Деметры принести жертвы «ради господ наших, императоров и их победы и подъема Нила и приумножения плодов и мягкого климата» (ὕπερ τῶν κυρίων ἡμῶν αὐτοκρατόρων καὶ νίκης αὐτῶν καὶ Νείλου ἀναβάσεως καὶ καρπῶν αὐξησεως καὶ αἰέτων εὐκρασίας). Представление о победе императора переплеталось с образом Исиды, богини плодородия, и Хора, победоносного воина. Согласно тексту греческого папируса из Охсирина (Р. Оху. XII. 1449) (213–217 гг.), жрецы храма богини Неотеры, местной версии Афродиты-Хатхор²⁴, контаминированной с Исидой, почитали, наряду с местными божествами, бога Аполлона-Хора, образы которого были связаны с победами императора: παρὰ... ἱερέων Διὸς καὶ Ἥρας καὶ Ἀταργάτιδος καὶ Κόρης καὶ Διονύσου καὶ Ἀπόλλωνος καὶ Νεωτέρας καὶ τῶν συννάων θεῶν καὶ κωμαστῶν προτομῶν τοῦ κυρίου Σεβαστοῦ καὶ νίκης αὐτοῦ προαγούσης – «от лица... жрецов Зевса и Геры, и Атаргатиды, и Керы, и Диониса, и Аполлона, и Неотеры, и бо-

¹⁸ «Потом, как гласит предание, Осирис, явившись Гору из царства мертвых, тренировал и упражнял его для боя, а затем спросил, что он считает самым прекрасным на свете. Когда тот ответил: отомстить за отца и мать, которым причинили зло, — снова спросил, какое животное кажется ему самым полезным для того, кто идет на битву. Услышав в ответ от Гора «конь», он удивился и стал допытываться, почему конь, а не лев. Тогда Гор сказал, что лев нужен тем, кто нуждается в защите, а конь нужен, чтобы отрезать и уничтожить бегущего врага. Услышав это, Осирис обрадовался, ибо Гор был совсем готов для борьбы» (Пер. Н.Н. Трухиной).

¹⁹ Frankfurter 1998, 3–4.

²⁰ Betz 1997, 250–251.

²¹ Kantorowicz 1961, 372–373, Fig. 10.

²² Helck 1980, 1133.

²³ Ладынин 2017, 146–147.

²⁴ Lee 2000, 31.

гов, чтимых в этом же храме, и изваяний владыки Августа на пирах, и победы, прославляющей его». Представления о победе императора переплеталось с образом венка: ὁ πρῦτανις εἶπεν ὁ ἐπεϊκτής χρυσοῦ στεφάνου καὶ νίκης τοῦ κυρίου ἡμῶν Αὐρηλιανοῦ Σεβαστοῦ Ἰουλιού... – «пританей приказал, чтобы эпиктет (для) золотого венка и победы владыки нашего, Аврелиана Августа Юлия... (сделал)» (Р. Оху. 12. 1413). В правление Клавдия по случаю победы императора над британцами (ἐπὶ τῇ κατὰ Βρεταννῶν νείκῃ) сообщество атлетов в Египте изготовило золотой венок (χρυσοῦν στέφανον) в качестве подарка римскому правителю, символизирующего лояльность этого synodos к владыке Римской империи (σύμβολον περιέχοντα τῆς ὑμετέρας πρὸς με εὐσεβείας – символ, содержащий (в себе) ваше почтение ко мне (т.е. к Клавдию)) (Р. Lond. III. 1178. 12–14)²⁵. Необходимо отметить, что венок был атрибутом Аполлона-Хора, который выступал в качестве воина, совершающего завоевательный поход (Diod. I. 17. 3–4). Согласно египетским религиозным представлениям, образ Хора тесно переплетался с «венком оправдания» (*m3ḥ n m3ḥ-brw*), который был отличительным знаком Осириса и оправданного покойного (WB II. P. 31), передавался Хором своему отцу Осирису и являлся символом триумфа над смертью, победы Осириса над врагами. Одновременно венок, которым венчали головы императоров-победителей, был атрибутом богини Ники-Виктории, образ которой сопровождал победы римских правителей. Богиня получала эпитеты, связывающие это божество с триумфом императора над побежденным народом и присутствующие в посвященных надписях и на монетах, например, VICTORIA GERMANICA, VICTORIA BRITANNICA²⁶. Таким образом, венок, являвшийся символом победоносного бога Хора, становился атрибутом императора, который уподоблялся сокологоловому божеству, выступал как воин, одерживающий победу над врагами. При этом победоносный образ римского правителя был связан с богиней Викторией.

Итак, образ римского правителя в Египте уподоблялся Хору. Это представление тесно переплеталось с идеями победы правителя над врагами и обеспечения плодородия. Представления о победе императора над врагами отражались в иконографии Хора, храмовых изображениях и надписях, связанных с идеей повержения крокодилов – персонификаций бога зла Сета. Эти представления были частью частных культовых практик в честь императора и переплетались с образом венка – атрибутом бога Хора и богини Ники-Виктории.

Победы императоров сопровождались в Римском Египте выпуском монет, на которых присутствовал образ Харпократа (*Hr-p3-brd* – Хор-ребенок). На александрийских монетах времени правления Траяна, выпущенных в 109/110 и 112/113 гг.²⁷, изображен бог Харпократ в короне Нижнего Египта, рядом с которым представлена ваза с длинным носиком, повернутым влево. Похожая ваза, над которой возвышается урей, высечена на монетах времени Августа. Образы, помещенные на этих монетах, были связаны с победами императоров над парфянами²⁸, царство которых располагалось в Азии. Азиатский регион традиционно воспринимался египтянами как место, откуда исходила опасность для Египта от прожи-

²⁵ Pfeiffer 2010, 78.

²⁶ Kneißl 1969, 25.

²⁷ Bakhoum 1998, № 1083.

²⁸ Noeske 2009, 124–125.

вавших там народов («Сетовых людей»)²⁹. Следовательно, победа над парфянами воспринималась как торжество силы императора-фараона, являвшегося земным воплощением Хора, над богом Сетом и его людьми. Итак, переплетение образов римского правителя и Харпората на александрийских монетах пропагандировало победоносный образ императора, понимаемый в категориях борьбы Сета и Хора, которому уподоблялся владыка Рима.

Идея непобедимости императоров отражалась в греческой титулатуре владык Рима II–III вв. в Египте – ἀήττητος и ἀνίκητος (лат. – invictus)³⁰. В I в. данные эпитеты римских правителей встречались также и в неофициальной императорской титулатуре (P. Rein. II. 95; P. Оху XLII. 3020; P. Giss. 24. 3)³¹. Появление этих титулов в греческих папирусах связано с инициативой писцов-грамматевсов, которые, формируя «неофициальную» титулатуру императоров, проявляли лояльность по отношению к римскому правителю³² и связывали эти титулы с военными победами правителя над врагами, пришедшими с Востока (Аврелиан, например, получил титул ἀήττητος после победы над Зенобией³³), а также образом правителя-военачальника, который заботится о своих воинах³⁴. Греческая титулатура императоров, в которой отражалась идея непобедимости римских правителей, сочеталась с победоносными эпитетами, которые владыки Рима поучали в результате триумфа над побежденными народами. Например, Веспасиан получил титул IUDAICUS после подавления иудейского восстания в 71 г.³⁵ Траян носил эпитеты DACIUS, PARTHICUS, дарованные императору после триумфа над гето-даками и парфянами³⁶. Необходимо отметить, что победоносные титулы могли переходить к римскому правителю от предыдущего императора. Так, Адриан был носителем эпитетов DACIUS, PARTHICUS, связанных с победами Траяна, а также титулов GERMANICUS и OPTIMUS MAXIMUS, которые были дарованы Адриану Сенатом, а их передача по наследству новому правителю мыслилась как пропаганда официального усыновления Адриана предыдущим императором³⁷.

Идея непобедимости императора отражается в Хоровом имени римских правителей, в котором заложено представление о владыке Рима как защитнике и воине Египта: *ḥnḥ Ḥr-Rḥ ḥm3-ḥ wr ph.ty ḥwnw nfr bnr mrw.t ḥk3 ḥk3.w stp.n Pth Nwn it ntr.w... sbty n b3 b3 t3.wy...ir.n=f ḥtp.w-ntr n ntr.w ḥwi.n=f ḥw.t nb.t ntri.t...Hrmys mri ntr.w nb.w B3k.t* – «Да живет Хор-Ра, мощный дланью, великий мощью, прекрасный юноша, сладостный любовью, владыка владык, избранный Птахом-Нуном, отцом богов ... стена из бронзы, (защищающая) Обе Земли (Египет) ... совершил он жертвы для богов и защитил всех божественных животных ... (он) – римлянин, возлюбленный всеми богами Египта» (храм Калабши)³⁸. *ḥnḥ Ḥr-Rḥ ḥm3-ḥ ḥwy ḥ3s.wt wr ph.ty nb.t B3k.t...ḥk=f T3-mrj hrj.w mnfy. wt m ḥḥ.t ntr.w ntr.wt m s3=f it m ḥm=f mi Rḥ...sbty n b3 b3 B3k.t ir.n=f ḥnw ḥ3 wr r Hrm* – «Да живет

²⁹ Helck 1967, 109–111.

³⁰ De Jong 2006, 134.

³¹ De Jong 2006, 107.

³² De Jong 2006, 101–102.

³³ De Jong 2006, 109.

³⁴ De Jong 2006, 99.

³⁵ Kneißl 1969, 42.

³⁶ Kneißl 1969, 70–84.

³⁷ Kneißl 1969, 91–94.

³⁸ Herklotz 2007, 415–416. H6.

Хор-Ра, мощный дланью, побеждающий иностранные земли, великий мощью, защищающий Египет ... когда вступает он в Египет, войска (его) в радости, боги и богини в качестве защиты его, которая охватывает силу его подобно Ра ... (он) – стена из бронзы вокруг Египта, создал он весьма великую резиденцию (свою) в Риме» (храм Опет)³⁹. В условиях, когда император фактически отсутствовал в долине реки Нил, египетские жрецы подчеркнули в Хоровом имени правителя отдаленность владыки Рима от Египта, но сохранили представление о нем как защитнике долины Нила в образе Хора.

Итак, идея непобедимости императора, которая связывала римского правителя с образом Хора, отражалась в греческой и египетской титулатуре правителя и сочеталась с представлениями о военных победах императора. Борьба правителя с внешними врагами понималась в Египте как противоборство Хора и Сета. Следует отметить, что образы борьбы этих двух божеств были инкорпорированы в представления о переходе власти от отца к сыну в долине реки Нил, а смерть правителя понималась как кризис, связанный с действиями Сета и его приспешников. Покойный правитель рассматривался как персонификация Осириса, а живой – как воплощение Хора, который занимает трон как законный сын Осириса⁴⁰.

Для более глубокого понимания метаморфоз, которые произошли в римское время с образом Хора (а, значит, и правителя) и идей передачи власти от отца к сыну под влиянием религиозных представлений Греции и Рима, необходимо обратиться к анализу греческого текста на папирусе P.Giss 3 (этот текст отражает *sacra privata* в почтании римского правителя). Данный документ принадлежал стратегу Аполлонию и был создан в номе Аполлонополис (Гептакомия) в 117 г. во время вступления императора Адриана на престол. Текст повествует о появлении бога Аполлона-Феба, который возносит на небо покойного императора Траяна. Бог провозглашает нового правителя Адриана, чье восшествие на престол сопровождается драматическими представлениями (эти действия были организованы Аполлоном, за что жители Гептакомии благодарят стратега). В тексте читаем:

Аполлон-Феб: Ἀρμᾶτι λευκοπόλῳι ἄρτι Τραϊνῳι συνανατέλλας ἦκω σοι, ὦ Δῆμιε, οὐκ ἄγνωστος Φοῖβος θεὸς ἄνακτα καὶνὸν Ἀδριανὸς ἀγγέλων, ὧι πάντα δοῦλα δι' ἀρετὴν καὶ πατρός τυχὴν θεοῦ;

Демос: Χαίροντες τοιγαροῦν θύοντες τὰς ἐστίας ἀνάπτωμεν, γέλωσι καὶ μέθαις ταῖς ἀπὸ κρήνης τὰς ψυχὰς ἀνέντες γυμνασίῳν τε ἀλειμμασι. ὧν πάντων χορηγὸν τὸ πρὸς τὸν κύριον εὐσεβὲς τοῦ στρατηγοῦ καὶ φιλότιμόν τε τὸ πρὸς ἡμᾶς...⁴¹.

Аполлон-Феб: «На колеснице (с запряженными) белыми лошадьми прибываю я к тебе, о народ, чтобы с Траяном вместе вскоре вознестись (на небо) (я вовсе не неизвестный бог, Феб), провозглашая нового владыку – Адриана, которому все (рабски) подчиняется из-за доблести и гения-тюхе (его) божественного отца».

Демос: «Итак, мы радуемся, сжигая в домашнем очаге то, что (должно) быть принесено в жертву, мы посвятили (свои) души веселью и опьянению (вином) из фонтана и притираниям в гимнасиях. Все из этого – хорегия стратега для благочестивого и глубоко чтимого повелителя (нашего) и для нас...».

³⁹ Herklotz 2007, 129–130. НЗ.

⁴⁰ Ладынин 2017, 162–163.

⁴¹ Pestman 1994, 140–141.

Г. Дандас считает, что сюжет из P. Giss 3 тесно связан с идеями коронации правителя, уходящими корнями в текст «Рамессейского драматического папируса». Согласно этому документу, коронационные действия земной монарх должен был выполнять, путешествуя по городам Египта, демонстрируя свою легитимность⁴². Драматические представления, отраженные в P. Giss 3, были обязательны для исполнения по всему Египту, длились они десять дней (P. Оху. 3781)⁴³, сопровождались жертвоприношениями, агонами, возлияниями, дарением венков⁴⁴ и были проявлением частных культовых действий, выполняемых в честь императора в synodos⁴⁵.

Образ бога, управляющего квадригой и поднимающегося в небо, в папирусном тексте находит параллели в иконографии императоров. На медальоне II в. представлен молодой нагой бог Аполлон, управляющий четверкой лошадей и стремящийся на небеса. В иконографии божества обнаруживаются черты императора Коммода, что было формой *Imitatio deorum* в пропаганде образа римского правителя⁴⁶. Аналогичное изображение присутствует на ауреусе Септимия Севера, где бог Аполлон, обладающий чертами императора, вздымается на колеснице в небо⁴⁷. Император Нерон изображался в образе возничего, управляющего квадригой, среди небесных звезд (Dio Cass. LXII (LXIII). 6. 2). Он, после победы на Пифийских играх, въезжал в Рим как триумфатор – на колеснице, запряженной белыми конями (Suet. Nero. 25. 1), а подданные именовали его Аполлоном (Dio Cass. LXII (LXIII). 20. 5). В себастионе Афродисиады представлен нагой император Октавиан Август (фигуру правителя коронует богиня Рома), иконография которого сильно напоминает черты Аполлона⁴⁸. Со схожими иконографическими чертами (Аполлона или Юпитера) император изображен в броне и со шлемом на пергамских монетах времени Адриана (легенда: ROM(AE) S(ENATU) P(OPULOQUE) AUG(USTO)), на которых статуя римского правителя помещена в храм в честь богини Ромы и Августа⁴⁹. Такие же Аполлоновы черты были перенесены на Нерона, который в качестве триумфатора изображался на рельефах и камнях, выступая как «Новый Август»⁵⁰. В эпоху Нерона римские правители-divi – Клавдий и Август – изображались на монетах управляющими квадригой слонов – образ, который находит прототип в монетной чеканке времен Тиберия, изображавшей покойного Августа в схожей роли⁵¹. Цель появления образа слонов в апофеозе римских правителей – «институализация власти Нерона как законного императора через его предков»⁵². Данное обстоятельство способствовало легитимизации властных полномочий Нерона, который, как Тиберий по отношению к своему предшествен-

⁴² Dundas 1994, 238–240.

⁴³ Dundas 1994, 225–226.

⁴⁴ Pfeiffer 2010, 146–148.

⁴⁵ На эту мысль наводит текст греческого папируса времени правления Адриана [P.Mich XXI. 827]. Согласно этому документу, в Каранисе (Фаюм) религиозное сообщество почитало как и императора, так и местных богов (Claytor, Verhoogt 2018, 50–72).

⁴⁶ Kantorowicz 1961, 383, Fig. 34.

⁴⁷ Kantorowicz 1961, 382, Fig. 33.

⁴⁸ Koortbojian 2013, 231, Fig. IX. 2.

⁴⁹ Koortbojian 2013, 232–233, Fig. IX. 3–5.

⁵⁰ Bergmann 2013, 336, Fig. 20.4–20.5.

⁵¹ Hekster 2014, 11–13, Fig. 3–4.

⁵² Hekster 2014, 12.

нику, выступал в качестве законного наследника Клавдия. Возница, управляющий квадригой слонов, напоминает образ Аполлона, стремящегося в небо. Аполлоновы образы, использованные в обожествлении императора Траяна, должны были преследовать ту же цель – узаконить власть вступающего на трон правителя.

Необходимо отметить, что в тексте папируса P. Giss 3 император Адриан назван «владыка» (ἡβακτα) – термин, который традиционно связан с образом Аполлона⁵³. Применение к римскому правителю данного титула и изображение императоров в образе Аполлона позволяют говорить о том, что владыка Рима в P. Giss 3 уподобляется Аполлону и выступает вместе с ним как психопомп. Бог Аполлон играл важную роль в процессе обожествления: именно он через оракул, согласно гимну поэта Аристида⁵⁴, объявил покойного императора Адриана божеством. Использование образа Аполлона в процессе апофеоза как Траяна, так и самого Адриана было связано с посвящением императора в Эливсинские мистерии⁵⁵, элементы которых, связанные с почитанием богов плодородия – Кору, Деметры, Диониса, были заимствованы в Египте еще при Птолемах (Tac. Hist. IV. 83) и инкорпорированы в императорские мистерии в долине реки Нил⁵⁶. Так, согласно тексту греческого папируса конца II века (P. Ant. I. 18), в Египте римский император почитался, наряду с Корой и Деметрой, как «победоносный царь» (νεκτφόρου βασιλέας) – эпитет, который обнаруживает параллель в культовых именах царей из династии Птолемеев⁵⁷ и имеет связь с образом бога Хора, отождествляемого с Аполлоном. Необходимо отметить, что со времени правления Адриана императоры почитались в Элевсине наряду с Корой и Деметрой⁵⁸, при этом элевсинские мистерии тесно были связаны с поклонением Зевсу Panhellenios⁵⁹, с которым отождествлялся верховный бог римлян – Юпитер и Адриан как «Новый Зевс»⁶⁰.

Образ бога, восходящего на колесницу с тем, чтобы вознести на небо покойного императора, известен со времен Августа, где божеством-психопомпом представлен Юпитер: «Черты Юпитера в нем сохранились. И всемогущий отец в колеснице четверкой восхитил / Сына среди облаков и вместили меж лучистых созвездий» (Ovid. Met. IX. 265–272; пер. С.В. Шервинского). В Риме Юпитер рассматривался как победитель, с которым полководцы, одетые в пурпурные одежды, отождествлялись в момент триумфа, въезжая в столицу на колеснице, запряженной четверкой коней. Черты Юпитера-триумфатора впоследствии были перенесены на императоров⁶¹. Так, одной из характеристик прижизненного обожествления Юлия Цезаря стало его уподобление верховному богу римлян: статуи диктатора возились на колеснице (Dio Cass. XLIV. 4.4)⁶², а его самого должны были именовать Юпитер-Юлий (Dio Cass. XLIV. 6.4). Также Нерон при жизни изображался не только в образе Аполлона, но и Юпитера-Зевса с солярными чертами, что симво-

⁵³ Соболевский 1958, 208.

⁵⁴ Behr 1973, XL.11.

⁵⁵ Copete 2017, 130–131.

⁵⁶ Dundas 1994, 243–244.

⁵⁷ Dundas 1994, 243.

⁵⁸ Camia 2017, 50–51.

⁵⁹ Camia 2017, 51–53.

⁶⁰ Boatwright 2000, 153.

⁶¹ Biebas-Richter 2014, 26–40.

⁶² Koortbojian 2013, 130–131.

лизировало господство римского правителя над миром и характеризовало его как гаранта Золотого Века⁶³. Появление солярных монет при Нероне объясняется тем, что Сенат предложил прижизненный культ императору, в иконографии которого появилась лучистая корона – атрибут, являвшийся частью образа правителей-divi, начиная с Августа⁶⁴. Солярные черты в иконографии Нерона были представлены в александрийских монетах с легендой *Pronoia Neou Sebastou*, что характеризовало императора как «Нового Августа»⁶⁵ и его наследника, переносило на живущего владыку Рима божественные черты и было формой *Interpretatio Augusti* образа римского правителя. Лучистая корона на голове покойного императора вызывала в памяти поэтический *topos*, согласно которому почивший правитель с небес заботится о благополучии земли, подобно Аполлону (*Lucan. Phars. I. 45–59*), или делит власть вместе с Юпитером, уподобляясь ему (*Stat. Theb. I. 24–31*). Итак, образы Юпитера переносились на живущего императора, который выступал гарантом *Pax Romana*, и на покойного правителя, который заботится с небес, подобно верховному божеству римлян, о благополучии земного мира.

Образ почившего правителя воплощения Юпитера-триумфатора был использован для изображения покойного Траяна в *P. Giss 3* и обнаруживает параллель в литературных источниках: прах покойного Траяна был помещен на колесницу для того, чтобы он мог получить триумф после смерти (*SHA. Hadr. 6.3; Epit. de Caes. 13. 11*). Апофеоз Траяна в Риме сопровождался выпуском монет, на которых покойный император изображен восседающим на колеснице-квадриге (легенда – *Divo Traiano Parthico*)⁶⁶. Адриан также выпустил монеты с изображением орла – священной птицы Юпитера – со скипетром в лапах (легенда – *Providentia deorum*)⁶⁷. Эта легенда в сопоставлении с образом орла означала участие божественного выбора в воцарении Адриана и единение *Divus Traianus* с Юпитером, который выступал отцом живущего императора: сам Юпитер выбирает Адриана правителем⁶⁸. При этом император выступал «заместителем» верховного бога на земле, чья власть соответствовала небесному владычеству верховного бога (*Hor. Carm. III. 5. 1–4*)⁶⁹.

Итак, бог-психопомп из *P. Giss 3* включал в себя черты не только Аполлона, но и Юпитера, образ которого переносился на императора Адриана. Данная идея находит подтверждение в представлениях о римском правителе как земном воплощении Юпитера, которые использовались в прижизненных культах Августа и Нерона. Одновременно почивший император в *P. Giss 3* включал в себя черты Юпитера-триумфатора, что является формой *Imitatio Augusti* и легитимизировало власть Адриана, которого Траян в образе Юпитера выбирает своим наследником. Внедрение образов Юпитера и Аполлона в тексте *P. Giss 3* стало проявлением влияния греко-римских традиций в апофеозе римского правителя на религиозные представления жителей Египта в частной *synodos*.

⁶³ Bergmann 2013, 343, Fig. 20. 13.

⁶⁴ Bergmann 2013, 347.

⁶⁵ Bergmann 2013, 344.

⁶⁶ Boer 1975, 206.

⁶⁷ Peppard 2011, 72.

⁶⁸ Peppard 2011, 72–73.

⁶⁹ Парфенов 2016, 703.

Текст греческого папируса P. Giss 3 был создан в Египте и должен находить параллели в обожествлении правителя после смерти, соответствующие религиозным представлениям жителей долины Нила и переплетающиеся с образами Юпитера и Аполлона.

В греко-римское время греческий Аполлон отождествлялся с египетским Хором (Plut. De Iside et Osiride. 12, 54, 61). При восхождении царя на небеса, согласно египетским религиозным представлениям, проводником (Pug. 390) и защитником (Pug. 599) покойного правителя становится Хор⁷⁰. Идея вознесения покойного царя на небеса переплеталась с представлением о почившем царе как персонификации утренней звезды, отождествленной с сокологоловым богом. Именно Хор-утренняя звезда ставит умершего главным среди просветленных (*zḥ.w*), вечных звезд⁷¹ и, поместив почившего правителя на небесах, сам перерождается, подобно царю (Pug. 585a)⁷². Образ Хора как персонификации утренней звезды тесно был связан с Орионом-Осирисом, отцом сокологолового бога и воплощением покойного царя (Pug. 882, 819c)⁷³, отождествлялся с ним, а также сопоставлялся со звездой Сотис, которая рассматривалась как душа богини Исиды, матери Хора. Данные представления подтверждаются сообщением Плутарха: «...созвездие Исиды, которое у египтян зовется Софис, греки называют Псом, созвездие Гора – Орионом, а Тифона – Медведем» (Plut. De Iside et Osiride, 21; пер. Н.Н. Трухиной). Идея превращения усопших в звезды сохранилась в Римском Египте (Plut. De Iside et Osiride. 21) и находила параллель в религиозных представлениях Рима. Души императоров после апофеоза рассматривались как воплощение звезд, что сопровождалось выпуском соответствующих монет, в которых правители-divi изображались рядом с небесными светилами⁷⁴. Необходимо отметить, Хор, Исида и Осирис составляли триаду, в которой Хор-царь был наследником своих божественных родителей⁷⁵. Это представление продолжало существовать в греко-римское время. Так, на фризе храма в Эдфу изображен крылатый солнечный диск-Хор, из которого исходят в образе уреев (агато-даймон) Исида и Осирис, образуя традиционную триаду. Такие же иконографически похожие змеи (агато-даймон) – Осирис и Исида – представлены на александрийской монете времени правления Адриана с легендой на аверсе – ΑΥΤ ΚΑΙΣ ΤΡΑΙΑ ΑΔΡΙΑΝΟΣ ΣΕΒ⁷⁶. В храме Дендеры Адриан, отождествленный с Харсомтусом (*Hr-sm3-t3.wy* – Хор, объединяющий Обе Земли⁷⁷), прямо называется «возлюбленным сыном» (*s3 mrj*) богини Хатхор, которая контактируется с Исидой⁷⁸. Итак, император Адриан мыслился как сын Исиды и Осириса в образе Хора, а Траян – как воплощение Осириса, при этом участие римского правителя как психопомпа, уподобленного Хору-Аполлону, в P.Giss 3 обнаруживает египетские корни.

⁷⁰ Кеес 2005, 111–121.

⁷¹ Кеес 2005, 140.

⁷² Allen 1989, 19.

⁷³ Кеес 2005, 223–224.

⁷⁴ Kreitzer 1990, 213.

⁷⁵ Кеес 2005, 225.

⁷⁶ El-Khachab 1971, 135.

⁷⁷ Daumas 1958, 200.

⁷⁸ Daumas 1958, 348–349.

Отождествление Осириса-покойного правителя и Хора-правлящего монарха, уходящее корнями в «Тексты пирамид», находит параллель в египетских храмах римского времени. В одной из сцен¹ храма Дендеры император подает в качестве дара божественной чете Исиды и Осириса букет из лотосов. Изображение сопровождается надписью: (*di.tw n.(tn) rdw pri m rpr šps ntr rnp ib=f (hr)=tn*) – «дается вам истечение, исходящее от властелина почтенного, бога, ребенка – сердце его с вами». В другой сцене² император выступает как даритель лотоса богу Харсомтосу (Хору, объединителю Двух Земель). Сцена сопровождается надписью: *dj=(j) n=k hnb hp m-hst ssn šps hēz š ʿz pri n=k* – «даю я тебе цветок, который появился в начале (времен), благородный лотос, господин великого моря, выходящего для тебя». Сам Харсомтус носит титул: *Hr-sm3-t3.wy nb H3-di ntr ʿz hri-ib Nw.t sfj psd m nbb* – Харсомтус (Хор, объединяющий Обе Земли), господин Ха-ди, великий бог, находящийся в Дендере, ребенок, святающийся в лотосе». Осирис через образ ребенка, выходящего из лотоса, в храме Дендеры отождествлялся с Хором-Харсомтусом³ и одновременно уподоблялся Ра-Атуму, появившемуся в начале времен из вод Первобытного океана из цветка лотоса (*wn.=f jr.wy.=f m-hnw nbb... jj=f m Nwn* – «открывает он (Атум) два глаза внутри лотоса ... (когда) выходит из Нуна»⁴). Осирис в позднее и греко-римское времена выступал в образе бога-ребенка, появление на свет которого интерпретировалось как перерождение после смерти⁵. Одновременно Осирис выступал, как видно в тексте храма Дендеры, в качестве воплощения воды: он вместе с Исидой-Сотис в образе земли становился гарантом плодородия⁶. Осирис со времен «Текстов пирамид» выступал персонификацией морей (Руг. 628а–630b), и, в этой связи, его образ переплетался с подземным и небесным мирами и сопоставлялся со звездами Орион и Сотис⁷.

Итак, Хор-Харсомтус отождествлялся с Осирисом, который выступал как ребенок, выходящий из лотоса, и одновременно проявлял себя как проистечение Нила, обеспечивающее плодородие.

Отождествление Осириса с Хором переплеталось с параллельным представлением – контаминацией земного правителя с богом Ра (Руг. 887)⁸. Богосыновство земного царя было интегральной частью царской титулатуры, и «Тексты пирамид», провозглашая правителя сыном бога Ра, всячески демонстрировали его отождествление с богами, которое зашло настолько далеко, что стало возможным изображать царя как «самого Ра»⁹. Данное представление сохранилось в римское время. Так, император Август изображался частными лицами в образе Зевса-Амона¹⁰, который контаминировался с Ра, а победоносный Хор включал в себя черты бога Амона¹¹. Солярный характер образа императоров в Римском Египте

¹ Mariette 1870a, pl. 56, b.

² Mariette 1870a, pl. 55, b.

³ Lepsius 1970, IV. Bl. 85. b,c

⁴ Daumas 1958, 35. 7.

⁵ Daumas 1958, 37–41.

⁶ Nagel 2017, 85–88.

⁷ Griffiths 1980, 154–157.

⁸ Keec 2005, 131.

⁹ Baud 2010, 65.

¹⁰ Pfeiffer 2009, 72–73, Abb. 2.

¹¹ Castiglione 1970, 99–101, Fig. 7–8.

находит свои параллели в папирусных документах долины реки Нил, в которых образы солнечных божеств Гелиоса-Ра и Хора объединяются и демонстрируют вселенский характер (PGM I. 145). Отождествление солярных образов Ра и Хора в императоре выражалось в Хоровом имени римского правителя, в котором владыка Рима именуется Хор-Ра¹². В Фиваиде римского времени устраивались праздники в честь Гелиоса-Хармахиса (Хора Горизонтного), которому император уподоблялся¹³. Согласно греческому тексту, высеченному на стеле из Бусириса (OGIS II.666), дар разлива Нила (τὰς τοῦ Νεῖλου δωρεὰς ἐπαυξομένας) и другие благодеяния (εὐεχεσίᾳς) были связаны с деятельностью префекта Бальбилла, которого послал Нерон в знак оказания поддержки (εὐεγέτησεν) Египту. Благодеяния префекта и императора связывались с образом бога Хармахиса, сделавшего их деяния известными (δηλοῦσαν τὴν πρὸς αὐτοὺς εὐεχεσίαν) и отождествленного с Гелиосом (Ἡλίῳ Ἀρμάχει), в образе которого в Риме изображался Нерон, установивший в свою честь монументальную статую с солярными чертами¹⁴. Итак, солярный образ императора сопровождался его отождествлением с Хором и Ра. Солнечные черты в римском правителе позволяли сопоставить его с одной из ипостасей Хора – Харпократом.

В римское время Харпократ-Хор, изображавшийся в образе младенца, выступал как молодой Гелиос. К нему зывали о помощи, беря с собой амулеты с его изображениями¹⁵. Для греков он был Аполлоном, для римлян – непобедимое солнце (Sol Invictus)¹⁶. Император, будучи земным воплощением бога Хора-Гелиоса на земле, сам выступает в качестве непобедимого солнца. Так, существует изображение Каракаллы на круглой камее в образе Гелиоса, вокруг головы которого выгравированы солнечные лучи¹⁷. Это изображение находит свою параллель в иконографических чертах бога Хора, который предстает в римской военной униформе с короной Верхнего и Нижнего Египта на голове, излучающей солнечный свет¹⁸. Известна статуя Каракаллы, который представлен в традиционном образе египетского царя: стоящая фигура императора, на голове у которого трехчастный головной убор – немес, он носит набедренный кильт-шендит, правая нога выдвинута вперед (египетский музей, Каир. Инв. 702)¹⁹. В схожих иконографических традициях выполнена карнакская статуя императора Октавиана Августа (Египетский музей, Каир. Инв. № 701) в образе фараона, скульптурные изображения (τοὺς Καίσαρος ἀνδριάντας) которого были широко распространены в Египте (Strab. XVII. 1. 54)²⁰. Правитель носит трехчастный головной убор с уреем – немес, из-под которого выступают волосы (эта же деталь обнаруживается в статуе Каракаллы) – иконографическая черта, являвшаяся традицией римского времени в изображении императоров в Египте²¹. Необходимо отметить, что Октавиан

¹² Grenier 1989; Herklotz 2007, 413. Kat. H1–H2.

¹³ Heinen 2007, 192.

¹⁴ Bergmann 2013, 350. Fig. 20.16.

¹⁵ Frankfurter 1998, 133–134. Pl. 6.

¹⁶ El-Khachab 1971, 133–134.

¹⁷ El-Khachab 1961, 131.

¹⁸ Tallet 2012, 405.

¹⁹ El-Khachab 1961, 125.

²⁰ Heinen 1995. Taf. X.

²¹ Martyndale-Howard 2013, 80.

Август выбрал солярного Аполлона, контаминированного в Египте с Хором, в качестве бога-патрона своей политики, которому в благодарность за победу при Акции построил храм на Палантине, а рядом с ним свой дом²². В образе фараона изображался Домициан, скульптурное изображение которого в виде гранитной головы с короной царя Верхнего и Нижнего Египта (Египетский музей, Флоренция. Инв. № 8650)²³ было изготовлено на острове Филы. Иконографические черты данной скульптуры перекликаются со статуей Домициана из Беневента и с пропагандой солярного образа императора, который выступал в тесной связи с богом Амоном²⁴, отождествляемым в Египте с Хором. Императорские статуи, изображавшие римских правителей в образе традиционных египетских фараонов, перекликаются с культовыми скульптурными соколиными изображениями царей долины реки Нил Древнего и Нового царств. Правители Египта представлены в традиционной иконографии египетских монархов, за их головами изображены соколы, защищающие царя, либо голову правителя покрывает головной плат, имитирующий соколиное оперенье. Данные статуи демонстрируют уподобление царя богу Хору, показывая божественную и человеческую природу в образе правителя²⁵. Одновременно в Римском Египте существовали изображения Хора, которые включали иконографические черты императора. Так, в Британском музее представлена терракотовая статуэтка Хора, восседающего на троне, в римской броне и императорском одеянии (Инв. № EA 51100)²⁶. Данное изображение демонстрирует властный характер образа Хора, который уподобляется земному правителю.

Итак, в римское время идея единения божественных черт отца и сына продолжали существовать в Египте. Осирис, покойный правитель, и Хор, небесный прототип живущего монарха, отождествлялись. Живущие правители Рима, помимо Хорова образа, вбирали черты Ра-Гелиоса, что отразилось в папирусных документах и официальной титулатуре римских императоров. Отождествление бога-отца и бога-сына уходило своими корнями в «Тексты пирамид» и проявилось в тексте P. Giss 3, где покойный и живущий императоры включали в себя черты Юпитера-триумфатора. Одновременно правящий император рассматривался как воплощение непобедимого солнца (Хора-Харпоката-Ра-Гелиоса), что позволяло изображать римского правителя в традиционном образе египетского фараона – земной инкарнации бога Хора.

Образы живого и мертвого императоров, отождествленные между собой, имеют более глубокую природу. Для выяснения этих особенностей необходимо обратиться к одной из части P. Giss 3, в которой читаем: *ᾧ πάντα δοῦλα δι' ἀρετὴν καὶ πατὴρ τὴν θεοῦ* «...которому (т.е. Адриану) все (рабски) подчиняется из-за доблести и гения-тюхе (его) божественного отца». Данный отрывок папирусного текста говорит о тесной связи *τὴν* живого и мертвого правителя и имеет египетскую параллель, которая обнаруживается в храмах греко-римской эпохи: *jj.jn Hr-wr-šw... wtt.n=f jw'w.f r P3-nb-t3.wy hrD t3y twt mi itf=f m k3=f rn=f n nbt m-mj(tt) ms R' – «Идет Хароёрис-Шу ... Создал он своего наследника, чтобы был Па-неб-тауи-ребенок,*

²² Hekster, Rich 2006, 165–168.

²³ Capriotti-Vittozzi 2014, 247. Fig. 10.3–10.4.

²⁴ Capriotti-Vittozzi 2014, 247–250.

²⁵ Большаков 2000, 1–15.

²⁶ Rathbone 2003, 22.

мужчина, образ (его) подобен отцу в его имени и его Ка, которые могущественны, (и это) подобно рождению Ра»²⁷. В данном тексте божественное дитя объявляется наследником своего отца, а схожесть духа Ка и имени божеств обеспечивает могущество и эффективность богу-ребенку и находит свою параллель в других храмах Египта, в частности, в Дендере и Арманте²⁸. Если сопоставить храмовый и папирусный тексты, видно, что Ка был египетской параллелью греческому термину *τύχη*. Идея идентичности Ка правителей – отца и сына – уходит своими корнями в «Тексты пирамид». Согласно концепции Я. Ассмана, Ка является легитимизирующим династическим принципом, который передавался от отца к сыну. Дух Ка был связующим звеном между покойным отцом-Осирисом и его живым сыном-Хором (Pug. 356)²⁹. Необходимо отметить, что латинским эквивалентом *τύχη*-Ка выступало понятие *genius*³⁰. Почитание гения покойного правителя, ставшего государственным богом, на римской почве было тесно связано с поклонением живому императору, имело политическое значение и было фактором легитимизации власти монарха³¹. Поклонение гениям живого и покойного императоров на государственном уровне оформилось при Клавдии, который присоединил свой культ к поклонению своим покойным предшественникам – Августу и Ливии³², но во времена Траяна, Адриана и Антонина Пия государственный культ *Genius Augusti* исчезает³³, и поклонение императорскому гению совершалось частными лицами. Почитание гения императора в Италии сопровождалось проведением трапезы, возлияниями и курением фимиама, а сам *genius* римского правителя мог отождествляться с богами, например, с Аполлоном³⁴, либо сопоставляться с Юпитером (Plin. Pan. 52. 6). Схожие культовые действия и представления обнаруживаются и в тексте P. Giss 3. Таким образом, отождествление *τύχη*-Ка живого и покойного правителя в тексте P. Giss 3 указывает на стремление Адриана продемонстрировать легитимный характер власти правящего императора, а религиозные представления, на которых основываются идеи о законности власти, имеют свои египетские и римские параллели. Согласно тексту P. Giss 3, *τύχη* императора Адриана сочеталось с его *ἄρετή* – совокупностью доблестей, добродетелей, нравственных характеристик (латинский эквивалент – *virtus*), которым должен обладать справедливый, угодный богам правитель. В Риме в период правления Августа эти *virtutes* были выбиты на золотом щите – *virtus, clementia, iustitia, pietas*³⁵ – понятия, которые должны соответствовать «Золотому веку», который приносит римский император.

Необходимо отметить, что культовые действия, отраженные в P. Giss 3, проводились под руководством Аполлония, стратега Аполлонополиса. Он, вероятно, вносил большую часть средств для организации драматических представлений,

²⁷ De Morgan, Bouriant, Legrain 1902, pl. 30 (текст птолемеевского времени из Дома рождения – маммизи – в Ком-Омбо).

²⁸ Gutbub 1973, 353–355. u, v.

²⁹ Assmann 2006, 67–68.

³⁰ Pfeiffer 2010, 300.

³¹ Гуськов 2016, 622.

³² Gradel 2002, 187.

³³ Gradel 2002, 192.

³⁴ Fishwick 1991, 382.

³⁵ Об этом: Wallace-Hadrill 1981, 298–323.

являвшихся частью императорского культа, собирал взносы в кассу религиозной ассоциации, почитавшей императора, и возглавлял этот *synodos*. Схожим образом были организованы культовые действия в религиозной организации, члены которой поклонялись Клавдию (P. Mich. 5. 244)³⁶. Культовые действия, проводимые Аполлонием, включали в себя элементы, являвшиеся частью греко-римских верований и египетских религиозных представлений, которые основывались на идеях об императоре как победоносном правителе.

Итак, образ Хора в римское время включал в себя черты Аполлона и Юпитера в частных религиозных ассоциациях. Одновременно Хор перенимал черты Амона, который контаминировался с Юпитером и Зевсом. Отождествление этих богов с Хором повлияло на образ психопома в P. Giss 3, черты которого переносились на императора Адриана. Почивший монарх, который традиционно рассматривался в Египте как Осирис, включал в себя черты Юпитера. Идея о боге, возносящего покойного правителя на небо, была призвана легитимизировать власть римского правителя и имела греко-римские и египетские корни, а также было проявлением *Imitatio Augusti*. Единение черт правителя-отца и правителя-сына в P. Giss 3 уходит корнями в египетские верования и находит свое подтверждение в храмах Египта римского времени, где происходило отождествление Осириса и Хора. Римский император, соединяя в себе черты Хора-Аполлона и Юпитера-Амона-Ра, проявлял себя как *Sol invictus*, солярный образ которого пропагандировался в Египте и имел римские параллели. Победоносные черты образа римского правителя в Египте отражались в греческой и египетской титулатуре императора, александрийских монетах и почитались частными религиозными ассоциациями. Одновременно образ императора, переплетающийся с идеей победы над врагами, был связан плодородием. Борьба с врагами воспринималась в Римском Египте в категориях противоборства между Хором и Сетом. Объединение египетских и греко-римских черт в образе правящего императора становится новой формой интерпретации традиционных представлений о правителе, передачи власти от покойного императора-Осириса к земному правителю-Хору. Эти идеи отражались в почитании *tūḥi-Ka* (*genius*) живого и почившего правителей. Взаимосвязь *Genius Augusti* правящего и покойного правителей находила египетские и греко-римские параллели, была призвана легитимизировать властные полномочия правящего владыки. Переплетение духа-гения правителя с его доблестями в P. Giss 3 пропагандировало образ императора как справедливого правителя, несущего *Rex Romana*. Данное представление соответствовало традиционной функции владыки Египта, поддерживающего Маат и выступающего как земное воплощение бога Хора.

ЛИТЕРАТУРА

- Большаков, А.О. 2000: Древнеегипетская скульптура и «Хорово имя». *ВДИ* 2, 1–15.
 Гуськов, Е.А. 2016: Цезарь и начало римского императорского культа. В сб.: С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин (ред.), *«Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом и постэллинистическом мире*. (Труды исторического факультета МГУ 82.2. Исторические исследования 39). М.–СПб., 609–628.

³⁶ Dörner 2014, 342–343.

- Кеес, Г. 2005: *Заупокойные верования древних египтян. От истоков и до исхода Среднего Царства*. СПб.
- Ладынин, И.А. 2017: *Начало македонского времени в категориях традиционного мировоззрения древних египтян конца IV–начала III вв. до н.э.*: дисс. док. ист. наук. М.
- Парфенов, В.Н. 2016: «Владыка и бог» Домициан. Характер императорского культа при последнем Флавии. В сб.: С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин (ред.), «*Боги среди людей*»: культ правителей в эллинистическом и постэллинистическом мире. (Труды исторического факультета МГУ 82. 2. Исторические исследования 39). М.–СПб., 682–721.
- Соболевский, С.И. (ред.) 1958: *Древнегреческо-русский словарь*. Т.1. М.
- Томашевич, О.В. 2014: Древнеегипетский бог Хор и Св. Георгий. В сб.: Н.В. Бугаева, М.В. Дурново, С.Ю. Сапрыкин, О.В. Томашевич (ред.), *Lanterna Nostra. К юбилею проф. И.Л. Маяк*. СПб., 23–33.
- Allen, J.P. 1989: The Cosmology of the Pyramid Texts. In: W.K. Simpson (ed.), *Religion and Philosophy in Ancient Egypt*. New Haven, 1–26.
- Assmann, J. 2006: Der Ka als Double. In: V. Stoichita (Hrsg.), *Das Double*. Wiesbaden, 59–78.
- Bakhoun, S. 1998: *Sylloge Nummorum Graecorum France 4. Département des Monnaies, Médailles et Antiques. Alexandrie I: Auguste – Trajan*. Zürich.
- Barbagli, N. 2017: Imperial Insignia for an Egyptian God: Horus and the Roman Emperor. In: J. Chyla, K. Rosińska-Balik, J. Debowska-Ludwin, C. Walsh (eds.), *Current Research in Egyptology 2016. Proceedings of the Seventeenth Annual Symposium Jagiellonian University, Krakow 2016*, https://www.academia.edu/31122803/Imperial_insignia_for_an_Egyptian_god_Horus_and_the_Roman_Emperor.
- Baud, M. 2010: The Old Kingdom. In: A.B. Lloyd (ed.), *A companion to Ancient Egypt* 1, 63–80.
- Behr, C.A. 1973: *Aristides. Text and translation I*. London.
- Bergmann, M. 2013: Portraits of an Emperor – Nero, the Sun, and Roman Otium. In: E. Buckley, M. Dinter (eds.), *A Companion to the Neronian Age*. Malden, 332–362.
- Betz, H.D. (ed.) 1997: *The Greek Magical Papyri in Translation (including the Demotic Spells)*. Chicago.
- Biebas-Richter, J.M.A. 2014: *Iuppiter und der Kaiser. Zur Bedeutung des Iuppiterkultes für die Herrschaftslegitimation des römischen Kaisertums. Inauguraldissertation zur Erlangung des Grades einer Doktorin der Philosophie*. Bochum.
- Boatwright, M.T. 2000: *Hadrian and the City of the Roman Empire*. Princeton.
- Boer, den, W. 1975: Trajan's deification and Hadrian's succession. *Ancient Society* 6, 203–212.
- Camia, F. 2017: Cultic and Social Dynamics in the Eleusinian Sanctuary Under the Empire. In: E.M. Grijalvo, J.M.C. Copete, F.L. Gomez (eds.), *Empire and Religion. Religious Change in Greek Cities under Roman Rule*. Boston–Leiden, 45–66.
- Capriotti-Vittozzi, G. 2014: The Flavians: Pharaonic Kingship between Egypt and Rome. In: L. Bricault, M.J. Versluys (eds.), *Power, Politics and the Cults of Isis. Proceedings of the 5th International Conference of Isis Studies, Boulogne-sur-Mer, October 13–15, 2011*. Leiden–Boston, 237–259.
- Castiglione, L. 1970: Diocletianus und die Blemmyes. *Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde* 96, 90–103.
- Claytor, W.G., Verhoogt, A. (eds.) 2018: *Papyri from Karanis: The Granary C123*. Michigan.
- Copete, J.M.C. 2017: Hadrian Among the Gods. In: E.M. Grijalvo, J.M.C. Copete, F.L. Gomez (eds.), *Empire and Religion. Religious Change in Greek Cities under Roman Rule*. Boston–Leiden, 112–136.
- Daumas, F. 1958: *Les mammisis des temples égyptiens*. Paris.
- De Jong, J. 2006: *The Representation and Perception of Roman Imperial Power in Greek Papyrus Texts from Egypt, AD 193–284*: PhD Thesis. Nijmegen.

- De Morgan, J., Bouriant, U., Legrain, G. 1902: *Catalogue des monuments et inscriptions de l'Égypte antique. Première série, Haute Égypte II. Kom Ombos*. Vienne.
- Dörner, N. 2014: *Feste und Opfer für den Gott Caesar. Kommunikationsprozesse im Rahmen des Kaiserkultes im römischen Ägypten der julischclaudischen Zeit (30 v. Chr.–68 n. Chr.)*. Rahden.
- Dunand, F. 1983: Culte royal et culte imperial en Égypte. Continuités et ruptures. In: *Das römisch-byzantinische Ägypten. Aegyptiaca Treverensia* 2, 47–56.
- Dundas, G.S. 2002: Augustus and the Kingship of Egypt. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 51. 4, 433–448.
- Dundas, G.S. 1994: *Pharaoh, Basileus and Emperor: The Roman Imperial Cult in Egypt*. PhD Thesis. Los Angeles.
- El-Khachab, A.M. 1961: 'Ο "ΚΑΡΑΚΑΛΛΟΣ" ΚΟΣΜΟΚΡΑΤΩΡ. *Journal of Egyptian Archaeology* 47, 119–133.
- El-Khachab, A.M. 1971: Some Gem-Amulets Depicting Harpokrates Seated on a Lotus Flower. *Journal of Egyptian Archaeology* 57, 132–145.
- Fishwick, D. 1991: *The Imperial Cult in the Latin West: Studies in the Ruler Cult of the Western Provinces of the Roman Empire* II. 1. Leiden.
- Frankfort, H. 1948: *Kingship and the Gods: A Study of Ancient Near Eastern Religion as the Integration of Society and Nature*. London.
- Frankfurter, D. 1998: *Religion in Roman Egypt: Assimilation and Resistance*. Princeton.
- Gradel, I. 2002: *Emperor Worship and Roman Religion*. Oxford.
- Grenier, J-C. 1989: *Les titulatures des empereurs romains dans les documents en langue égyptienne*. Bruxelles.
- Grenier, J-C. 1995: L'Empereur et le Pharaon. In: W. Haase, H. Temporini (Hsrg.), *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* II. 18.5. Berlin–New York, 3181–3194.
- Griffiths, J.G. 1980: *The Origin of Osiris and his Cult*. Leiden.
- Gutbub, A. 1973: *Textes fondamentaux de la theologie de Kom Ombo*. Caire.
- Heinen, H. 1995: Vorstufen und Anfänge des Herrscherkultes im römischen Ägypten. In: W. Haase, H. Temporini (Hsrg.), *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* II. 18.5. Berlin–New York, 3160–3180.
- Heinen, H. 2007: Ägypten im Römischen Reich, Beobachtungen zum Thema Akkulturation und Identität. In: S. Pfeiffer (Hsrg.), *Ägypten unter fremden Herrschern zwischen persischer Satrapie und römische Provinz*. Frankfurt am Main, 186–207.
- Hekster, O., Claes, L., Manders, E., Slootjes, D., Klaassen, Y., Haan, de, N. 2014: Nero's Ancestry and the Construction of the Imperial Ideology in the Early Empire. A Methodological Case Study. *Journal of Ancient History and Archeology* 1. 4, 7–27.
- Hekster, O., Rich, J. 2006: Octavian and the Thunderbolt: The Temple of Apollo Palatinus and Roman Traditions of Temple Building. *The Classical Quarterly* 56. 1, 149–168.
- Helck, Te W. 1967: *Seth, God of Confusion*. Leiden.
- Helck, Te W. 1980: Maga. In: W. Helck, W. Westendorf (hrsg.), *Lexikon der Ägyptologie* III. Wiesbaden, 1133.
- Herklotz, F. 2007: *Prinzeips und Pharao: der Kult des Augustus in Ägypten*. Frankfurt am Main.
- Hölbl, G. 2000: *Altägypten im Römischen Reich: der römische Pharao und seine Tempel 1: Römische Politik und altägyptische Ideologie von Augustus bis Diocletian. Tempelbau in Oberägypten*. Mainz.
- Hölbl, G. 2004: *Altägypten im Römischen Reich: der römische Pharao und seine Tempel 2: Die Tempel des römischen Nubien*. Mainz.
- Kantorowicz, E.H. 1961: Gods in Uniform. *Proceedings of the American Philosophical Society* 105. 4, 368–393.

- Kneißl, P. 1969: *Die Siegestitulatur der römischen Kaiser: Untersuchungen zu den Siegerbeinamen des ersten und zweiten Jahrhunderts*. Göttingen.
- Koortbojian, M. 2013: *The Divinization of Caesar and Augustus: Precedents, Consequence, Implications*. Cambridge.
- Kreitzer, L. 1990: Apotheosis of the Roman Emperor. *The Biblical Archaeologist* 53. 4, 210–217.
- Lee, A.D. 2000: *Pagans and Christians in Late Antiquity: A Sourcebook*. London–New York.
- Lepsius, R. 1970: *Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien* II. Leipzig.
- Mariette, A. 1870a: *Dendérah: Description général du grand temple de cette ville* I. Paris.
- Mariette, A. 1870b: *Dendérah: Description général du grand temple de cette ville* II. Paris.
- Martyndale-Howard, J. 2013: Augustus: Caesar and god. Varying Images of the first Roman Emperor. In: *Fresh Perspectives on Graeco-Roman Visual Culture. Proceedings of an International Conference at the Humboldt-Universität*. Berlin, 81–83.
- Nagel, S. 2017: Mittelplatonischen Konzepte der Göttin Isis bei Plutarch und Apuleius im Vergleich mit ägyptischen Quellen der griechisch-römischen Zeit. In: M. Erler, M.A. Stadler (Hrsg.), *Platonismus und spätägyptische Religion: Plutarch und die Ägyptenrezeption in der römischen Kaiserzeit*. Berlin, 79–126.
- Noeske, H-C. 2009: Die Münzprägung des Octavianus /Augustus in Alexandria. Materialien und Überlegungen zur Entstehung und Ausgestaltung einer Provinzialwährung. In: A. Coskun, H. Heinen, S. Pfeiffer (Hrsg.), *Identität und Zugehörigkeit im Osten der griechisch-romischen Welt: Aspekte ihrer Repräsentation in Städten, Provinzen und Reichen. Inklusion/Exklusion: Studien zu Fremdheit und Armut von der Antike bis zur Gegenwart* 14. Frankfurt am Main–Berlin–Bern–Bruxelles–New York–Oxford–Wien, 81–141.
- Peppard, M. 2011: *The Son of God in the Roman World. Divine Sonship in Its Political and Social Context*. Oxford.
- Pestman, P.W. 1994: *The New Papyrological Primer*. Leiden.
- Pfeiffer, S. 2009: Octavian Augustus und Ägypten. In: A. Coskun, H. Heinen, S. Pfeiffer (Hrsg.), *Identität und Zugehörigkeit im Osten der griechisch-romischen Welt: Aspekte ihrer Repräsentation in Städten, Provinzen und Reichen. Inklusion/Exklusion: Studien zu Fremdheit und Armut von der Antike bis zur Gegenwart* 14. Frankfurt am Main–Berlin–Bern–Bruxelles–New York–Oxford–Wien, 55–79.
- Pfeiffer, S. 2010: *Der römische Kaiser und das Land am Nil. Kaiserverehrung und Kaiserkult in Alexandria und Ägypten von Augustus bis Caracalla (30 v. Chr.–217 n. Chr.)*. Stuttgart.
- Porter, B., Moss, R.L.B. 1991: *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs, and Paintings VI. Upper Egypt: Chief Temples (including Thebes). Abydos, Dendera, Esna, Edfu, Kom Ombo, and Philae*. Oxford.
- Rathbone, D.W. 2003: A Town Full of Gods: Imaging Religious Experience at Tebtunis. *The Lecture for the Tebtunis Papyri*. Berkeley, 1–26.
- Schneider, T. 2003: Foreign Egypt: Egyptology and the Concept of Cultural Appropriation. *Ägypten und Levante* 13, 155–161.
- Tallet, G. 2012: Oracles. In: C. Riggs (ed.), *The Oxford Handbook of Roman Egypt*. Oxford, 398–418.
- Wallace-Hadrill, A. 1981: The Emperor and His Virtues. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 30. 3, 298–323.

REFERENCES

- Allen, J.P. 1989: The Cosmology of the Pyramid Texts. In: W.K. Simpson (ed.), *Religion and Philosophy in Ancient Egypt*. New Haven, 1–26.
- Assmann, J. 2006: Der Ka als Double. In: V. Stoichita (Hrsg.), *Das Double*. Wiesbaden, 59–78.

- Bakhoum, S. 1998: *Sylloge Nummorum Graecorum France 4. Département des Monnaies, Médailles et Antiques. Alexandrie I: Auguste – Trajan*. Zürich.
- Barbagli, N. 2017: Imperial Insignia for an Egyptian God: Horus and the Roman Emperor. In: J. Chyla, K. Rosińska-Balik, J. Debowska-Ludwin, C. Walsh (eds.), *Current Research in Egyptology 2016. Proceedings of the Seventeenth Annual Symposium Jagiellonian University, Krakow 2016*, https://www.academia.edu/31122803/Imperial_insignia_for_an_Egyptian_god_Horus_and_the_Roman_Emperor.
- Baud, M. 2010: The Old Kingdom. In: A.B. Lloyd (ed.), *A companion to Ancient Egypt* 1, 63–80.
- Behr, C.A. 1973: *Aristides. Text and translation I*. London.
- Bergmann, M. 2013: Portraits of an Emperor – Nero, the Sun, and Roman Otium. In: E. Buckley, M. Dinter (eds.), *A Companion to the Neronian Age*. Malden, 332–362.
- Betz, H.D. (ed.) 1997: *The Greek Magical Papyri in Translation (including the Demotic Spells)*. Chicago.
- Biebas-Richter, J.M.A. 2014: *Iuppiter und der Kaiser. Zur Bedeutung des Iuppiterkultes für die Herrschaftslegitimation des römischen Kaisertums. Inauguraldissertation zur Erlangung des Grades einer Doktorin der Philosophie*. Bochum.
- Boatwright, M.T. 2000: *Hadrian and the City of the Roman Empire*. Princeton.
- Boer, den, W. 1975: Trajan's deification and Hadrian's succession. *Ancient Society* 6, 203–212.
- Bolshakov, A.O. 2000: Drevneegipetskaya skul'ptura i «Khorovo imya» [Ancient Egyptian sculpture and "Horus Name"]. *Vesnik Drevney Istorii [Journal of Ancient History]* 2, 1–15.
- Camia, F. 2017: Cultic and Social Dynamics in the Eleusinian Sanctuary Under the Empire. In: E.M. Grijalvo, J.M.C. Copete, F.L. Gomez (eds.), *Empire and Religion. Religious Change in Greek Cities under Roman Rule*. Boston–Leiden, 45–66.
- Capriotti-Vittozzi, G. 2014: The Flavians: Pharaonic Kingship between Egypt and Rome. In: L. Bricault, M.J. Versluys (eds.), *Power, Politics and the Cults of Isis. Proceedings of the 5th International Conference of Isis Studies, Boulogne-sur-Mer, October 13–15, 2011*. Leiden–Boston, 237–259.
- Castiglione, L. 1970: Diocletianus und die Blemmyes. *Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde* 96, 90–103.
- Clayton, W.G., Verhoogt, A. (eds.) 2018: *Papyri from Karanis: The Granary C123*. Michigan.
- Copete, J.M.C. 2017: Hadrian Among the Gods. In: E.M. Grijalvo, J.M.C. Copete, F.L. Gomez (eds.), *Empire and Religion. Religious Change in Greek Cities under Roman Rule*. Boston–Leiden, 112–136.
- Daumas, F. 1958: *Les mammisis des temples égyptiens*. Paris.
- De Jong, J. 2006: *The Representation and Perception of Roman Imperial Power in Greek Papyrus Texts from Egypt, AD 193–284*: PhD Thesis. Nijmegen.
- De Morgan, J., Bouriant, U., Legrain, G. 1902: *Catalogue des monuments et inscriptions de l'Égypte antique. Première série, Haute Égypte II. Kom Ombos*. Vienne.
- Dörner, N. 2014: *Feste und Opfer für den Gott Caesar. Kommunikationsprozesse im Rahmen des Kaiserkultes im römischen Ägypten der julischclaudischen Zeit (30 v. Chr.–68 n. Chr.)*. Rahden.
- Dunand, F. 1983: Culte royal et culte imperial en Égypte. Continuités et ruptures. In: *Das römisch-byzantinische Ägypten. Aegyptiaca Treverensia* 2, 47–56.
- Dundas, G.S. 1994: *Pharaoh, Basileus and Emperor: The Roman Imperial Cult in Egypt*: PhD Thesis. Los Angeles.
- Dundas, G.S. 2002: Augustus and the Kingship of Egypt. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 51. 4, 433–448.
- El-Khachab, A.M. 1961: 'O "ΚΑΡΑΚΑΛΛΟΣ" ΚΟΣΜΟΚΡΑΤΩΡ. *Journal of Egyptian Archaeology* 47, 119–133.

- El-Khachab, A.M. 1971: Some Gem-Amulets Depicting Harpokrates Seated on a Lotus Flower. *Journal of Egyptian Archaeology* 57, 132–145.
- Fishwick, D. 1991: *The Imperial Cult in the Latin West: Studies in the Ruler Cult of the Western Provinces of the Roman Empire* II. 1. Leiden.
- Frankfort, H. 1948: *Kingship and the Gods: A Study of Ancient Near Eastern Religion as the Integration of Society and Nature*. London.
- Frankfurter, D. 1998: *Religion in Roman Egypt: Assimilation and Resistance*. Princeton.
- Gradel, I. 2002: *Emperor Worship and Roman Religion*. Oxford.
- Grenier, J-C. 1989: *Les titulatures des empereurs romains dans les documents en langue égyptienne*. Bruxelles.
- Grenier, J-C. 1995: L'Empereur et le Pharaon. In: W. Haase, H. Temporini (Hrsg.), *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* II. 18.5. Berlin–New York, 3181–3194.
- Griffiths, J.G. 1980: *The Origin of Osiris and his Cult*. Leiden.
- Guskov, E.A. 2016: Tsezar' i nachalo rimskogo imperatorskogo kul'ta [Caesar and the beginning of the Roman imperial cult]. In: S.Yu. Saprykin, I.A. Ladynin (red.), «Bogi sredi lyudey»: kul't praviteley v ellinisticheskoy i postellinisticheskoy mire [The Gods Among People: The Cult of the Rulers in the Hellenistic and Post-Hellenistic World]. (Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU 82. 2. Istoricheskiye issledovaniya 39). Moscow–Saint Petersburg, 609–628.
- Gutbub, A. 1973: *Textes fondamentaux de la theologie de Kom Ombo*. Caire.
- Heinen, H. 1995: Vorstufen und Anfänge des Herrscherkultes im römischen Ägypten. In: W. Haase, H. Temporini (Hrsg.), *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* II. 18.5. Berlin–New York, 3160–3180.
- Heinen, H. 2007: Ägypten im Römischen Reich, Beobachtungen zum Thema Akkulturation und Identität. In: S. Pfeiffer (Hrsg.), *Ägypten unter fremden Herrschern zwischen persischer Satrapie und römische Provinz*. Frankfurt am Main, 186–207.
- Hekster, O., Claes, L., Manders, E., Slootjes, D., Klaassen, Y., Haan, de, N. 2014: Nero's Ancestry and the Construction of the Imperial Ideology in the Early Empire. A Methodological Case Study. *Journal of Ancient History and Archeology* 1. 4, 7–27.
- Hekster, O., Rich, J. 2006: Octavian and the Thunderbolt: The Temple of Apollo Palatinus and Roman Traditions of Temple Building. *The Classical Quarterly* 56. 1, 149–168.
- Helck, Th. W. 1967: *Seth, God of Confusion*. Leiden.
- Helck, Th. W. 1980: Maga. In: W. Helck, W. Westendorf (Hrsg.), *Lexikon der Ägyptologie* III. Wiesbaden, 1133.
- Herklotz, F. 2007: *Prinzeps und Pharao: der Kult des Augustus in Ägypten*. Frankfurt am Main.
- Hölbl, G. 2000: *Altägypten im Römischen Reich: der römische Pharao und seine Tempel 1: Römische Politik und altägyptische Ideologie von Augustus bis Diocletian. Tempelbau in Oberägypten*. Mainz.
- Hölbl, G. 2004: *Altägypten im Römischen Reich: der römische Pharao und seine Tempel 2: Die Tempel des römischen Nubiens*. Mainz.
- Kantorowicz, E.H. 1961: Gods in Uniform. *Proceedings of the American Philosophical Society* 105. 4, 368–393.
- Kees, G. 2005: *Zaupokoyne verovaniya drevnikh yegiptyan. Ot istokov i do iskhoda Srednego Tsarstva* [The funeral beliefs of the ancient Egyptians. From the origins to the outcome of the Middle Kingdom]. Saint Petersburg.
- Kneißl, P. 1969: *Die Siegestitulatur der römischen Kaiser. Untersuchungen zu den Siegerbeinamen des ersten und zweiten Jahrhunderts*. Göttingen.
- Koortbojian, M. 2013: *The Divinization of Caesar and Augustus: Precedents, Consequence, Implications*. Cambridge.
- Kreitzer, L. 1990: Apotheosis of the Roman Emperor. *The Biblical Archaeologist* 53. 4, 210–217.

- Ladynin, I.A. 2017: *Nachalo makedonskogo vremeni v kategoriyakh traditsionnogo mirovozzreniya drevnikh yegiptyan kontsa IV–nachala III vv. do n.e* [The Beginning of the Macedonian Time in the Categories of the Traditional Worldview of the Ancient Egyptians in the late IV–early III BC]: diss. dok. ist. nauk. Moscow.
- Lee, A.D. 2000: *Pagans and Christians in Late Antiquity: A Sourcebook*. London–New York.
- Lepsius, R. 1970: *Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien* II. Leipzig.
- Mariette, A. 1870a: *Dendérah: Description général du grand temple de cette ville* I. Paris.
- Mariette, A. 1870b: *Dendérah: Description général du grand temple de cette ville* II. Paris.
- Martyndale-Howard, J. 2013: Augustus: Caesar and god. Varying Images of the first Roman Emperor. In: *Fresh Perspectives on Graeco-Roman Visual Culture. Proceedings of an International Conference at the Humboldt-Universität*. Berlin, 81–83.
- Nagel, S. 2017: Mittelplatonischen Konzepte der Göttin Isis bei Plutarch und Apuleius im Vergleich mit ägyptischen Quellen der griechisch-römischen Zeit. In: M. Erler, M.A. Stadler (Hsrg.), *Platonismus und spätägyptische Religion: Plutarch und die Ägyptenrezeption in der römischen Kaiserzeit*. Berlin, 79–126.
- Noeske, H.-C. 2009: Die Münzprägung des Octavianus /Augustus in Alexandria. Materialien und Überlegungen zur Entstehung und Ausgestaltung einer Provinzialwährung. In: A. Coskun, H. Heinen, S. Pfeiffer (Hsrg.), *Identität und Zugehörigkeit im Osten der griechisch-romischen Welt: Aspekte ihrer Repräsentation in Städten, Provinzen und Reichen. Inklusion/Exklusion: Studien zu Fremdheit und Armut von der Antike bis zur Gegenwart* 14. Frankfurt am Main–Berlin–Bern–Bruxelles–New York–Oxford–Wien, 81–141.
- Parfenov, V.N. 2016: «Vladyka i bog» Domitsian. Kharakter imperatorskogo kul'ta pri poslednem Flavii [„Lord and God“ Domitian. The character of the imperial cult under the last Flavius]. In: S.Yu. Saprykin, I.A. Ladynin (red.), «Bogi sredi lyudey»: kul't praviteley v el-linisticheskoy i postellinisticheskoy mire [The Gods Among People: The Cult of the Rulers in the Hellenistic and Post-Hellenistic World]. (Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU 82. 2. Istoricheskiye issledovaniya 39). Moscow–Saint Petersburg, 682–721.
- Peppard, M. 2011: *The Son of God in the Roman World. Divine Sonship in Its Political and Social Context*. Oxford.
- Pestman, P.W. 1994: *The New Papyrological Primer*. Leiden.
- Pfeiffer, S. 2009: Octavian Augustus und Ägypten. In: A. Coskun, H. Heinen, S. Pfeiffer (Hsrg.), *Identität und Zugehörigkeit im Osten der griechisch-romischen Welt: Aspekte ihrer Repräsentation in Städten, Provinzen und Reichen. Inklusion/Exklusion: Studien zu Fremdheit und Armut von der Antike bis zur Gegenwart* 14. Frankfurt am Main–Berlin–Bern–Bruxelles–New York–Oxford–Wien, 55–79.
- Pfeiffer, S. 2010: *Der römische Kaiser und das Land am Nil. Kaiserverehrung und Kaiserkult in Alexandria und Ägypten von Augustus bis Caracalla (30 v. Chr.–217 n. Chr.)*. Stuttgart.
- Porter, B., Moss, R.L.B. 1991: *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs, and Paintings VI. Upper Egypt: Chief Temples (including Thebes). Abydos, Dendera, Esna, Edfu, Kom Ombo, and Philae*. Oxford.
- Rathbone, D.W. 2003: A Town Full of Gods: Imaging Religious Experience at Tebtunis. *The Lecture for the Tebtunis Papyri*. Berkley, 1–26.
- Schneider, T. 2003: Foreign Egypt: Egyptology and the Concept of Cultural Appropriation. *Ägypten und Levante* 13, 155–161.
- Tallet, G. 2012: Oracles. In: C. Riggs (ed.), *The Oxford Handbook of Roman Egypt*. Oxford, 398–418.
- Tomashevich, O.V. 2014: Drevneegipetskiy bog Khor i Sv. Georgiy [Ancient Egyptian God Horus and St. George]. In: N.V. Bugaeva, M.V. Durnovo, S.Yu. Saprykin, O.V. Tomashevich (red.), *Lanterna Nostra. K yubileyu prof. I.L. Mayak*. Saint Petersburg, 23–33.
- Wallace-Hadrill, A. 1981: The Emperor and His Virtues. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 30. 3, 298–323.

EMPEROR IN THE IMAGE OF HORUS: INFLUENCE OF THE EGYPTIAN
TRADITIONS AND GRECO-ROMAN BELIEVES ON WORSHIPPING OF
THE RULER IN ROMAN EGYPT

Sergey A. Kachan

Independent Researcher, Nizhniy Novgorod, Russia
Sergey-md@list.ru

Abstract. The paper deals with the problem of identifying the emperor and the god Horus. The victorious image of the Roman ruler, identified with the falcon god, was promoted through images on the temple reliefs, coins, and was worshipped in the private religious associations. According to the text of the Greek papyrus P.Giss 3, the features of the solar gods Horus, Apollo and Jupiter appeared in the image of the living emperor, Hadrian, who identified with them in the Nile valley and acted as psychopomp leading the late ruler to the sky. The ruler also performed in the image of Horus-Helios-Ra manifesting himself as Sol Invictus. The departed emperor, Trajan, absorbed the features of Jupiter the Triumphant and Osiris – the winner of death. The contamination of the image of the late emperor-father and that of the living ruler-son, reflected in P. Giss 3, found in the temples of Egypt where Horus and Osiris were identified. The Ka-τύχη of the living monarch, identified with Horus, and that of the late ruler in the image of the god-father were closely interconnected, had the Egyptian and Greco-Roman background and became a factor in legitimizing the power of the ruling emperor. The combination of the Egyptian and Greco-Roman features in the emperor's image was a new form of interpretation of the power of the ruler in the Nile Valley.

Keywords: Imperial cult, Roman Egypt, Horus-Apollo, Jupiter, Helios-Ra, Osiris, spirit Ka, τύχη -genius, Hadrian, Trajan

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-1-67-99–108

ОБРАЗЫ РИМСКИХ ИМПЕРАТОРОВ ИЗ ПРИДУНАЙСКИХ ПРОВИНЦИЙ В НАРРАТИВНОЙ ТРАДИЦИИ

А.Д. Назаров

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
andrey.nazarov451@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются образы императоров, которые были уроженцами балканских провинций Рима, в нарративных источниках. Автор приходит к выводу, что в III в. до н.э. в римской литературе сформировался стереотипный образ дунайских военных. Они зачастую предстают вульгарными и жестокими людьми. Важно отметить, что такие представления имели под собой реальную почву. Грубость привычек паннонских, мезийских, фракийских солдат и командиров в немалой мере объясняется их происхождением: большинство воинов гарнизонов придунайских провинций являлись выходцами из крестьянской среды или семей потомственных военных. В то же время такие качества обусловили высокую степень боеспособности иллирийских и фракийских армейских подразделений. Полководцы, командовавшие этими войсками, в III–IV вв. нередко становились римскими императорами. Как следствие, позднеантичные писатели стремились найти положительные стороны в чертах, присущих воинам из придунайских провинций.

Ключевые слова: Римская империя, римская армия, Иллирик, Паннония, Мезия, Фракия

Как известно, в период Принципата во всех сферах жизни Римской империи все более важную роль стали играть провинциалы. Кроме того, по меткому замечанию Корнелия Тацита, в «год четырех императоров» (68–69 гг.) «сделалась явной императорской власти тайна: стать принцепсом можно было не только в Риме» (Тас. Hist. I. 4). Основной опорой претендентов на высшую власть в государстве являлись расквартированные вдали от Вечного города провинциальные армии. Среди них особенное положение занимали иллирийские войска. Лагерь паннонских и мезийских легионов располагались в непосредственной близости от Италии, а значит, и самого Рима – политического центра империи. Выгодное стратегическое положение давало дунайской армии благоприятную возможность вмешиваться во внутренние усобицы в государстве.

Значительное влияние, которое оказали иллирийские легионы на судьбу империи, подчеркнул М.И. Ростовцев. Он отметил, что эти войска поддерживали тех претендентов на власть, которые выражали интересы провинциального насе-

Данные об авторе: Назаров Андрей Дмитриевич – аспирант кафедры истории Древнего мира и Средних веков Уральского федерального университета.

ния¹. Более того, А. Мочи назвал паннонские военные круги не иначе как «хунтой», которая в III–IV вв. постоянно выдвигала претендентов на императорский пурпур из своей среды². В историографии этих правителей зачастую именуют «иллирийскими императорами». Тем не менее Р. Сайм отметил, что корректнее называть их «дунайскими императорами», поскольку среди них были уроженцы не только Иллирика, но и Прибрежной Дакии, где преобладало гето-фракийское население³. Отметим, что правлению этих принцев посвящена обширная литература⁴.

Уже со II в. придунайские гарнизоны комплектовались преимущественно местными уроженцами – главным образом жителями сельской местности. К тому же в этих легионах находилось значительное число потомственных военных⁵. Античными авторами неоднократно отмечалась грубость поведенческих привычек иллирийских и фракийских солдат и даже самих правителей, являвшихся выходцами из этой среды, что не могло не вызвать осуждения со стороны представителей образованных кругов⁶. В этой связи перспективной темой исследования является рассмотрение «дунайских императоров» и вообще военных, служивших в балканских войсках, через призму «образа Другого» в римской литературе. Именно этой проблеме посвящена настоящая статья.

Дион Кассий вложил в уста императора Марка Аврелия (161–180) слова о том, что паннонские легионы по своим боевым качествам превосходят восточные войска (Dio Cass. LXXII. 25. 1). Однако также он сообщал, что Септимий Север, овладевший Римом в 193 г., «наполнил город пестрой толпой солдат дикого вида, ужасных в речах, неучтивых, настоящих мужланов» (Dio Cass. LXXV. 2. 6). В этом фрагменте речь шла о бойцах из Иллирика. Нужно учитывать, что у Диона Кассия, исполнившего обязанности легата Верхней Паннонии при Александре Севере (222–235), были неприязненные отношения с военными из этой провинции, которые были недовольны строгостью наместника. Более того, по предположению А.В. Махлаюка, из-за угроз паннонцев, приближенных к императору, Дион Кассий в 229 г. был вынужден покинуть Рим, несмотря на получение консульских почестей⁷. Ему вторил Геродиан, точно так же порицавший этих воинов: «Те люди (жители Иллирика – А.Н.) от рождения сильны, и к сражениям пригодны, и кровожадны, но они настолько же тупоумны и не в состоянии легко понять, что с хитростью либо коварством говорится или делается» (Herodian. II. 9. 11). Элий Спартиан и вовсе назвал их «воинами-варварами» (SHA. Did. Iul. 6. 5).

Становившиеся императорами уроженцы балканских провинций Рима были выходцами исключительно из армейской среды. Это дает основание экстраполировать характеристики этих правителей в позднеримских источниках на личный состав дунайских подразделений, включая рядовых. Так, о Максимине Фракийце Элий Капитолин писал, что «варварского рода были его отец и мать, из которых первый был из Готии, а вторая, как считалось, была аланского рода». В юные годы

¹ Ростовцев 2001, 115, 345.

² Mócsy 2014, 208. См. также: Глушанин 1991, 39–42.

³ Syme 1973.

⁴ Saunders 1991; Cizek 1994; Watson 1999; Kreucher 2003; Brizzi 2004; Циркин 2010.

⁵ Штаерман 1946; Mócsy 2014, 154, 157–158, 200.

⁶ Mócsy 2014, 201.

⁷ Махлаюк 2011, 383.

Максими́н был пастухом. Впоследствии его зачислили в императорскую армию, где он сделал удачную военную карьеру (SHA. Max. duo. 1–3). Геродиан к тому же отмечал, что молодежь, служившая в паннонских легионах, восхищалась его физической силой (Herodian. VI. 8. 1–3). Свергнув Александра Севера в 235 г., Максимин стал императором. При этом многие источники упоминали о его жестокости и алчности (Herodian. VII. 1. 1–5; SHA. Max. duo. 9. 2; Epit. de caes. 25. 2; Zos. I. 13–14). Впрочем, суровость этого принцепса в значительной степени преувеличена античными литераторами. Х. Бёрм отметил, что в империи не было всеобщего недовольства Максимини́ем, даже сенат не был един в своем отношении к нему⁸.

Вместе с тем Требеллий Поллион привел анекдотический эпизод, предшествовавший узурпации дукса Иллирика Регалиана в 260 г., поддержанной мезийскими легионами. Во время совместного обеда один из викариев трибуна задал вопрос: «Как думаете, как Регалиан имя получил?» Другой воин, равный ему по рангу, ответил: «Я считаю, что как носитель царской власти (*regnum*)». Следом присутствовавший на трапезе школьный учитель начал склонять: «*Rex, regis, regi, Regalianus*». После этого солдаты, на которых произвели впечатление такие паронимические обороты, признали Регалиана императором (SHA. Tyr. tr. 10. 5–7). Правдоподобность этого сообщения вызывает сомнение⁹. Однако в данном случае примечательно, что автор изобразил солдат-мезийцев как малограмотную и поэтому легко поддающуюся внушению массу.

Внешний облик солдат дунайских легионов также становился объектом пренебрежительных оценок римских писателей. Ювенал упоминал о названном по имени иллирийского племени бардеев «бардайском сапоге» (*Bardaicus calceus*), который носили воины (Juven. XVI. 14). А.В. Махлаюк в связи с этим отметил, что отдельные элементы костюма маркировали социальный статус их носителей. Ювенал же стремился подчеркнуть грубость и неприязнительность солдат¹⁰. Необходимо вместе с тем привести свидетельство латинского писателя IV в. Аммиана Марцеллина. Он сообщал, что в 365 г. сторонники узурпатора Прокопия в Халкидоне, осажденном верными восточноримскому императору Валенту (364–378) войсками, называли законного правителя, уроженца Кибал (совр. Винковци), «Сабайярием» (*Sabaiarius*) (Amm. Marc. XXVI. 8. 2). Сабайей (*sabaia*) именовался ячменный напиток, употреблявшийся иллирийскими простолюдинами, и мятежники не упустили случая намекнуть как на неотесанность, так и на незнатность августа.

В период Поздней империи бойцы дунайской армии стали значительно чаще удостаиваться положительных характеристик. Авторские позиции по отношению к паннонским, мезийским, фракийским воинам в эту эпоху обрели амбивалентный характер. В немалой степени это было связано со стремлением авторов литературных произведений произвести благоприятное впечатление на правящих особ. Уроженцы Балканского п-ова удостаивались похвалы за свою воинственность, от-

⁸ Börm 2008, 77–81.

⁹ М. фон Альбрехт, в частности, отметил, что в Historia Augusta «недостаток информации компенсируется анекдотами, чудесными историями и новеллистическими элементами». См.: Альбрехт 2005, 1516–1519.

¹⁰ Махлаюк 2002, 127, прим. 10.

вагу, выносливость, неприхотливость. Тем не менее негативная оценка поведения этих военных все так же продолжала присутствовать в римской литературе: они по-прежнему могли обвиняться в грубых и вульгарных манерах¹¹.

Весьма примечательно, каким образом шло облагораживание облика военных, бывших уроженцами Балканского п-ова, в позднеримском публицистическом дискурсе. Так, Требеллий Поллион, писавший, что Клавдий II (268–270) воплотил в себе «Траяна доблесть, Антонина благочестие, Августа умеренность» (SHA. Claud. 2. 3), использовал тропы, характерные для панегирического жанра, или даже позаимствовал фрагмент из не сохранившегося к нашему времени сочинения. Прочие же авторы чаще всего прибегали к иным литературным приемам. Они стремились найти соответствие между чертами характера, манерами, менталитетом уроженцев придунайских провинций и системой ценностей, культивируемой представителями образованных слоев. В частности, скромность в быту и неприхотливость паннонских, мезийских, фракийских солдат и командиров соотносилась с представлениями о достижении *virtus* посредством преодоления жизненных трудностей, а также учением стоиков, призывавших к скромности в быту¹².

Более того, в период Поздней империи, как и в эпохи Республики и Принципата, продолжал существовать стереотип о том, что лучшими воинами были крестьяне. В античных обществах базовой социальной прослойкой было сословие полноправных свободных: одновременно земельных собственников, членов народного собрания и полисного ополчения. Естественно, наиболее почетным занятием являлось земледелие. Катон Старший полагал, что именно земледельцы становятся лучшими гражданами и воинами (Cat. De agri cult. Praef. 3). Вегетий тоже считал, что для службы в армии «более подходит сельский люд, который под открытым небом в труде воспитан, к солнечному свету терпелив, мраком ночи пренебрегает, бань не знает, роскоши чужд, простодушен, малым довольствуется, чьи члены закалены во всяческих трудах, те, у кого носить железные орудия, рвы копать, тяжести таскать вошло в привычку в деревне» (Veget. I. 3)¹³.

Необходимо отметить, что воины дунайской армии в достаточной мере соответствовали подобного рода требованиям. Впрочем, следует учитывать, что речь идет лишь о морализаторских топосах античных авторов, а не о государственной политике комплектования воинских контингентов. Так, Мамертин в панегирике августу Максимиану Геркулию (285–305) гласил, что жителей придунайских провинций «к неумолимому каждодневному труду и стойкости вынуждает близость врагов, а оружие – постоянно держать в готовности, в которых вся жизнь есть война, в которых даже женщины мужчин иных народов сильнее» (Pan. Lat. III (XI). 3. 9). Вместе с тем Гай Юлий Солин сообщал, что Паннония своими «мужами сильна» (Solin. Coll. rer. memor. 21. 2). Кроме того, анонимный автор «Полного описания вселенной и народов» писал, что Фракия «многих имеет мужей, храбрых на войне, вследствие чего их часто берут в солдаты» (Exp. tot. mund. 11, ed. J.E. Woodman).

¹¹ Lenski 2014, 86–88.

¹² Phang 2008, 242–244.

¹³ См. также: Махлаюк 2006, 159–160.

В источниках нередко отмечались положительные качества «дунайских императоров». Так, Аврелиан (270–275), прозванный своими сослуживцами *manu ad ferrum* («рука на рукояти») (SHA. Aurel. 6. 2), неоднократно удостоивался похвалы за свой полководческий талант и умение поддерживать дисциплину в армии. При этом те же авторы, которые превозносили Аврелиана как удачливого и умелого военачальника, отмечали его жестокость и мрачность (SHA. Aurel. 6. 1; 21. 5; 36. 2; Eutrop. IX. 13. 1; Aur. Vict. 35. 11; Epit. de caes. 35. 9). Добродетели, присущие Аврелиану, приписывались и Пробу (276–282). В то же время в нарративных памятниках подчеркивалась умеренность, выгодно отличавшая его от Аврелиана (SHA. Prob. 6. 1 ff.; 8. 1; Aur. Vict. 37. 2).

Аврелий Виктор признавал, что цезари Констанций Хлор и Галерий, несмотря на малообразованность и незнатность, «были в достаточной мере прекрасными деятелями государства», поскольку познали трудности сельской и военной жизни. Аргументируя свою позицию, Аврелий Виктор отметил: «Несомненно, скорее благочестивыми и мудрыми становятся познавшие тяготы» (Aur. Vict. 39. 27). Столь же лестная оценка дана Галерию в сочинении *Epitoma de caesaribus*: он «хоть и неотесан, но справедлив в своем прямотии и заслуживал похвалы, физически развит, опытный и удачливый воин» (Epit. de caes. 40. 15). Максимин Дайя, племянник Галерия, по словам анонимного создателя *Epitoma de caesaribus*, происходил из крестьянской семьи, однако с уважением относился к образованным людям. Впрочем, он обладал серьезным недостатком – пристрастием к вину (Epit. de caes. 40. 18). Также и Лициний, чье детство прошло в деревне, был «армии стражем суровейшим в соответствии с древними установлениями» (Epit. de caes. 41. 9).

Заслуживает внимания фрагмент трактата Синесия Киренского «О царстве», в котором описана сцена приема Карином (283–285) персидского посольства. Однако нужно оговориться, что Карин не участвовал в войнах с государством Сасанидов. По замечанию Ал. Кэмерона, речь могла идти о Пробе или Каре (282–283)¹⁴. Впрочем, Г. Кройхер полагает, что Проб не руководил боевыми действиями против Персии¹⁵. Так или иначе во время приема императором иранских посланников «пурпурный хитон его лежал на траве, трапеза же состояла из вчерашней гороховой похлебки с несколькими кусками нарезанной соленой свинины». Более того, правитель «плешиности не стыдится и, горшок поставив, отведать вместе из него зовет». При этом одет он был «в хитон из грубой шерсти и войлочную шапку» (Syn. De reg. 18, ed. I.G. Krabinger). Неприхотливость императора во многом объясняется привычками, сформировавшимися, когда он был простым крестьянином, а затем солдатом. Помимо прочего, такой образ жизни ставился Синесием в пример восточноримскому императору Аркадию (395–408)¹⁶.

Тем не менее деревенские привычки и недостаточная образованность балканских императоров все так же становились объектом критики и насмешек. Например, август Максимиан Геркулий, родившийся в сельской местности близ Сирмия (совр. Сремска Митровица), по словам Евтропия, был «явно жесток и грубого нрава, суровость была еще и в лице его, страх внушавшем» (Eutrop. IX. 27. 1).

¹⁴ Cameron, Long 1993, 105, n. 2.

¹⁵ Kreucher 2003, 158–162.

¹⁶ Cameron, Long 1993, 103.

Автор *Epitoma de caesaribus* писал, что Максимиан был человеком «дикого нрава, пылал сладострастием, глуп в советах» (Epit. de caes. 40. 10). Отдельно следует отметить, что Галерий получил прозвище *armentarius* («пастух»), что являлось указанием на род его занятий до поступления на военную службу (Aug. Vict. 39. 24; Epit. de caes. 39. 15). Кроме того, провозглашенный паннонскими войсками императором в 350 г. Ветранион описан Евтропием как «муж дельный и нрава, свойственного древним, приятный в общении, но во всех свободных искусствах невежественный» (Eutrop. X. 10. 2). Схожим образом Зосим назвал Валентиниана I (364–375) «участником многих войн, но малообразованным» (Zos. III. 36. 2).

Император Юлиан (361–363) в сочинении «Мисопогон» охарактеризовал род Константина Великого, происходивший из Мезии, как «полностью дикий, суровый, неловкий, неспособный к любви, в решениях непреклонный» (Iul. Mis. 348c–d). Нужно учесть, что Юлиан враждебно относился к представителям родного семейства, в том числе к дяде Констанцию II и его братьям, по инициативе которых в 337 г. был убит цезарь Далмаций, отец Юлиана¹⁷. Более того, он, вероятно, испытывал презрение к иллирийским и фракийским военным вообще. Система ценностей солдат и командиров придунайских гарнизонов не соответствовала представлениям Юлиана о необходимости воспитания правителей и воинов в соответствии с идеями Платона, сформулированными в труде «Государство»¹⁸.

Необходимо также обратиться к памятникам позднеантичной христианской литературы. Например, по словам Лактанция, для цезаря Галерия были свойственны «зверя природная дикость и свирепость, римской крови чуждая» (Lact. De mort. 9. 1). Более того, он сообщал, что Галерий заманил в ловушку с диким животным юного Константина, будущего императора. Христианский автор к тому же писал, что при его дворе содержали медведей, которых он натравливал на людей ради забавы (Lact. De mort. 21. 5; 24. 4–5). Праксагор Афинский, языческий писатель, в свою очередь уточнил, что Константину пришлось сразиться со львом (Prax. Ath. fr.). Безусловно, позиции этих авторов, возвеличивавших деяния Константина Великого, во многом пристрастны, а сюжет о поединке со зверем вполне может быть плодом вымысла. Однако И.А. Миролубов допускает вероятность того, что повествование Лактанция и Праксагора опирается на вполне реальный инцидент, произошедший при дворе Галерия. Сама же история о поединке Константина со зверем у Лактанция является аллюзией на библейский сюжет о чудесном спасении пророка Даниила, брошенного в ров со львами¹⁹.

Следует к тому же упомянуть о таком литературном памятнике, как «Житие св. Мартина Турского», созданном Сульпицием Севером. Святитель, которому посвящено это агиографическое произведение, родился в Саварии (совр. Сомбатхей) и долгое время служил в императорской армии, последовав примеру своего отца (Sulp. Sev. V. Mart. 2. 1–2). Н. Ленски утверждает: «Паннонское происхождение не только подтолкнуло его к военной карьере, но и в некотором смысле определило, кем он был <...> Мартин имел характер, который все поздние римляне с готовностью признали бы как паннонский». Это проявилось в поступках св. Мартина Турского: «от его энергичного разрушения многобожных храмов и сверхчелове-

¹⁷ Bowersock 1978, 23.

¹⁸ См. подробнее: Athanassiadi-Fowden 1981, 121–122.

¹⁹ Миролубов 2017, 573, 575–576.

ческих сражений с демонами до дерзкого неповиновения императору Юлиану и узурпатору Максиму»²⁰.

Подводя итоги, необходимо констатировать, что в римской литературе сформировался устойчивый образ военных из придунайских провинций как вульгарных и жестоких людей. Нельзя не отметить, что подобного рода репрезентации имели под собой реальную почву. Грубость нравов иллирийских и фракийских воинов во многом объясняется их крестьянским происхождением, а также суровостью армейского быта. Из этой среды происходили и так называемые «дунайские императоры». Характеристики этих правителей в значительной мере соответствовали оценкам, которые давались античными авторами их соратникам из балканских провинций. Однако в годы правления «дунайских императоров» такого рода образы были переосмыслены представителями образованных кругов. Как следствие, в литературе стали подчеркиваться положительные качества уроженцев Иллирика и Фракии: физическая сила, стойкость, отвага, неприхотливость.

ЛИТЕРАТУРА

- Альбрехт, М. фон. 2005: *История римской литературы*. Т. 3. М.
- Глушанин, Е.П. 1991: *Военная знать ранней Византии*. Барнаул.
- Махлаюк, А.В. 2002: Процесс «варваризации» римской армии в оценках античных авторов. *Античный мир и археология: межвузовский сборник научных трудов* 11, 123–129.
- Махлаюк, А.В. 2006: *Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность*. СПб.
- Махлаюк, А.В. 2011: «Историк века железа и ржавчины». Кассий Дион и его «Римская история». В кн.: Махлаюк А.В. (ред.) 2011: *Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LXIV–LXXX*. СПб., 372–437.
- Миролюбов, И.А. 2017: Константин Великий в клетке со зверем. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 21, 571–579.
- Ростовцев, М.И. 2001: *Общество и хозяйство в Римской империи*. Т. 2. СПб.
- Циркин, Ю.Б. 2010: «Военная анархия» (из политической истории Рима III в. н.э.). *Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира* 9, 271–288.
- Шабига, И.Ю. (ред.) 2016: *Латинские панегирики*. М.
- Штаерман, Е.М. 1946: Этнический и социальный состав римского войска на Дунае. *Вестник древней истории* 3 (17), 256–266.
- Athanassiadi-Fowden, P. 1981: *Julian and Hellenism*. Oxford.
- Brandt, S., Laubmann, G. (eds.) 1893: *L. Caeli Firmiani Lactanti Opera omnia*. P. 2, Fasc. 1. Vindobonae.
- Brizzi, G. 2004: Ancora su Illyriciani e ‘Soldatenkaiser’: qualche ulteriore proposta per una messa a fuoco del problema. In: G. Urso, (ed.), *Dall’Adriatico al Danubio: l’Illirico nell’età greca e romana: atti del convegno internazionale, Cividale del Friuli, 25-27 settembre 2003*. Pisa, 319–342.
- Börm, H. 2008: Die Herrschaft des Kaisers Maximinus Thrax und das Sechskaiserjahr 238: Der Beginn der “Reichskrise”? *Gymnasium: Zeitschrift für Kultur der Antike und humanistische Bildung* 115, 69–86.
- Bowersock, G.W. 1978: *Julian the Apostate*. Cambridge.
- Cameron, A., Long, J. 1993: *Barbarians and Politics at the Court of Arcadius*. Berkeley.
- Cary, E. (ed.) 1927: *Dio Cassius. Roman History*. Vol. 9. Cambridge.

²⁰ Lenski 2014, 36.

- Charles, Th.C. (ed.) 1829: *Sexti Aurelii Victoris Historia Romana*. London.
- Cizek, E. 1994: *L'empereur Aurélien et son temps*. Paris.
- Droysen, H. (ed.) 1879: *Eutropi Breviarium ab urbe condita cum versionibus Graecis et Pauli Landolfique additamentis*. Berolini.
- Halm, C. (ed.) 1866: *Sulpicii Severi Libri qui supersunt*. Vindobonae.
- Hooper, W.D. (ed.) 1934: *Cato. Varro. On Agriculture*. London.
- Krabinger, I.G. (ed.) 1850: *Synesii Cyrenaei quae extant Opera omnia*. T. 1. Landshuti.
- Kreucher, G. 2003: *Der Kaiser Marcus Aurelius Probus und seine Zeit*. Stuttgart.
- Lang, C. (ed.) 1885: *Flavi Vegeti Renati Epitoma rei militaris*. Lipsiae.
- Lenski, N. 2014: *Failure of Empire: Valens and the Roman State in the Fourth Century A.D.* Berkeley.
- Magie, D. (ed.) 1921–1932: *Historia Augusta*. Vol. 1–3. Cambridge (Mass.).
- Mendelssohn, L. 1883: *Herodiani Ab excessu Divi Marci libri octo*. Lipsiae.
- Mócsy, A. 2014: *Pannonia and Upper Moesia. A History of the Middle Danube Provinces of the Roman Empire*. Abingdon–New York.
- Mommsen, Th. (ed.) 1895: *C. Iulii Solini Collectanea rerum memorabilium*. Berolini.
- Moore, C.H. (ed.) 1925: *Tacitus. The Histories. Books 1–3*. Cambridge.
- Müller, C. (ed.) 1885: *Fragmenta historicorum graecorum*. Vol. 4. Parisiis.
- Paschoud, F. (ed.) 1979–2000: *Zosime. Histoire nouvelle*. T. 1/2, Pt. 1. Paris.
- Phang, S.E. 2008: *Roman Military Service: Ideologies of Discipline in the Late Republic and Early Principate*. Cambridge.
- Ramsay, G.G. (ed.) 1920: *Juvenal and Persius*. London.
- Rolfe, J.C. (ed.) 1940: *Ammianus Marcellinus. History*. Vol. 2. London.
- Saunders, T.R. 1991: *A Biography of the Emperor Aurelian (A.D. 270–275)*. Ann Arbor.
- Syme, R. 1973: Danubian and Balkan Emperors. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 22/2, 310–316.
- Watson, A. 1999: *Aurelian and the Third Century*. London.
- Woodman, J.E. 1964: *Expositio Totius Mundi et Gentium: Its Geography and Its Language* (M.F.A. Thesis, Univ. of Ohio).
- Wright, W.C. (ed.) 1913: *The Works of the Emperor Julian*. Vol. 2. London–New York.

REFERENCES

- Albrecht, M. von. 2005: *Istoriya rimskoy literatury [A History of Roman Literature]*. Vol. 3. Moscow.
- Athanassiadi-Fowden, P. 1981: *Julian and Hellenism*. Oxford.
- Brandt, S., Laubmann, G. (eds.) 1893: *L. Caeli Firmiani Lactanti Opera omnia*. Pars 2, Fasc. 1. Vindobonae.
- Brizzi, G. 2004: Ancora su Illyriciani e ‘Soldatenkaiser’: qualche ulteriore proposta per una messa a fuoco del problema. In: G. Urso (ed.), 2004: *Dall'Adriatico al Danubio: l'Ilirico nell'età greca e romana: atti del convegno internazionale, Cividale del Friuli, 25-27 settembre 2003*. Pisa, 319–342.
- Börm, H. 2008: Die Herrschaft des Kaisers Maximinus Thrax und das Sechskaiserjahr 238: Der Beginn der “Reichskrise”? *Gymnasium: Zeitschrift für Kultur der Antike und humanistische Bildung* 115, 69–86.
- Bowersock, G.W. 1978: *Julian the Apostate*. Cambridge.
- Cameron, A., Long, J. 1993: *Barbarians and Politics at the Court of Arcadius*. Berkeley.
- Cary, E. (ed.) 1927: *Dio Cassius. Roman History*. Vol. 9. Cambridge.
- Charles, Th.C. (ed.) 1829: *Sexti Aurelii Victoris Historia Romana*. London.
- Cizek, E. 1994: *L'empereur Aurélien et son temps*. Paris.

- Droysen, H. (ed.) 1879: *Eutropi Breviarium ab urbe condita cum versionibus Graecis et Pauli Landolfique additamentis*. Berolini.
- Glushanin, E.P. 1991: *Voennaja znat' ranney Vizantii* [Military Nobility of Early Byzantium]. Barnaul.
- Halm, C. (ed.) 1866: *Sulpicii Severi Libri qui supersunt*. Vindobonae.
- Hooper, W.D. (ed.) 1934: *Cato. Varro. On Agriculture*. London.
- Krabinger, I.G. (ed.) 1850: *Synesii Cyrenaei quae extant Opera omnia*. T. 1. Landshuti.
- Kreucher, G. 2003: *Der Kaiser Marcus Aurelius Probus und seine Zeit*. Stuttgart.
- Lang, C. (ed.) 1885: *Flavi Vegeti Renati Epitoma rei militaris*. Lipsiae.
- Lenski, N. 2014: *Failure of Empire: Valens and the Roman State in the Fourth Century A.D.* Berkeley.
- Magie, D. (ed.) 1921–1932: *Historia Augusta*. Vol. 1–3. Cambridge.
- Makhlayuk, A.V. 2002: Process “varvarizacii” rimskoy armii v ocenkah antichnykh avtorov [The Process of “Barbarization” of the Roman Army in the Accounts of Ancient Authors]. *Antichniy mir i arheologiya: Mezhdvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Classical World and Archeology] 11, 123–129.
- Makhlayuk, A.V. 2006: *Soldaty Rimskoy imperii. Tradicii voennoy sluzhby i voinskaya mental'nost'* [Soldiers of the Roman Empire. The Traditions of Military Service and the Martial Mentality]. Saint Petersburg.
- Makhlayuk, A.V. 2011: “Istorik veka zheleza i rzhavchiny”. Kassiy Dion i ego “Rimskaya istoriya” [“Historian of the Century of Iron and Rust”. Cassius Dio and his “Roman History”]. In: A.V. Makhlayuk (ed.), *Kassiy Dion Kokkeyan. Rimskaya istoriya. Knigi LXIV–LXXX* [Cassius Dio Cocceianus. Roman History. Books LXIV–LXXX]. Saint Petersburg, 372–437.
- Mendelsson, L. 1883: *Herodian Ab excessu Divi Marci libri octo*. Lipsiae.
- Miroljubov, I.A. 2017: Konstantin Velikiy v kletke so zverem [Constantine the Great in a Cage with a Wild Beast]. *Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology] 21, 571–579.
- Mócsy, A. 2014: *Pannonia and Upper Moesia. A History of the Middle Danube Provinces of the Roman Empire*. Abingdon–New York.
- Mommsen, Th. (ed.) 1895: *C. Iulii Solini Collectanea rerum memorabilium*. Berolini.
- Moore, C.H. (ed.) 1925: *Tacitus. The Histories. Books 1–3*. Cambridge.
- Müller, C. (ed.) 1885: *Fragmenta historicorum graecorum*. Vol. 4. Parisiis.
- Paschoud, F. (ed.) 1979–2000: *Zosime. Histoire nouvelle*. T. 1/2, Pt. 1. Paris.
- Phang, S.E. 2008: *Roman Military Service: Ideologies of Discipline in the Late Republic and Early Principate*. Cambridge.
- Ramsay, G.G. (ed.) 1920: *Juvenal and Persius*. London.
- Rolfe, J.C. (ed.) 1940: *Ammianus Marcellinus. History*. Vol. 2. London.
- Rostovtsev, M.I. 2011: *Obshchestvo i khozyaystvo v Rimskoy imperii* [The Social and Economic History of the Roman Empire]. Vol. 2. Saint Petersburg.
- Saunders, T.R. 1991: *A Biography of the Emperor Aurelian (A.D. 270–275)*. Ann Arbor.
- Shabaga, I.Yu. (ed.) 2016: *Latinskie panegiriki* [Latin Panegyrics]. Moscow.
- Shtaerman, E.M. 1946: Etnicheskiy i social'niy sostav rimskogo voyska na Dunae [Ethnic and Social Composition of the Roman Army at the Danube]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3 (17), 256–266.
- Syme, R. 1973: Danubian and Balkan Emperors. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 22/2, 310–316.
- Watson, A. 1999: *Aurelian and the Third Century*. London.
- Woodman, J.E. 1964: *Expositio Totius Mundi et Gentium: Its Geography and Its Language* (M.F.A. Thesis, Univ. of Ohio).
- Wright, W.C. (ed.) 1913: *The Works of the Emperor Julian*. Vol. 2. London–New York.

IMAGES OF ROMAN EMPERORS FROM THE DANUBIAN PROVINCES
IN THE NARRATIVE TRADITION

Andrey D. Nazarov

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
andrey.nazarov451@gmail.com

Abstract. The article deals with images of the Roman Emperors who were natives of the Balkan provinces in narrative sources. The author concludes that a stereotyped image of the Danubian military men was formed by the Roman writers in the 3rd century AD. They are often seen as rude, vulgar and cruel people. It is important to note that such representations had a real basis. The coarseness of the habits of the Pannonian, Moesian, and Thracian soldiers and commanders is to a large extent explained by their origin: most of them came from the peasant environment or the hereditary military families. At the same time, such qualities led to a high degree of combat effectiveness of the Illyrian and Thracian military units. The warlords who commanded these troops often became Roman Emperors in the 3rd–4th centuries. As a result, late antique authors sought to find positive aspects in the traits of the warriors from the Danubian provinces.

Keywords: Roman Empire, Roman army, Illyricum, Pannonia, Moesia, Thrace

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2020), 109–121
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2020), 109–121
©Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-1-67-109–121

ВЛАДЕНИЕ ХУШТЕ-К'УХ И РОЛЬ ЕГО ДИНАСТИИ ПРИ ЦАРСКОМ ДВОРЕ ПАЛЕНКЕ

Д.С. Секачева

Мезоамериканский центр им. Ю.В. Кнорозова, Москва, Россия
daria.baida@gmail.com

Аннотация: Корпус иероглифических надписей, происходящих из Паленке (штат Чьяпас, Мексика) и датирующихся позднеклассическим периодом (VII–VIII вв.) содержит большой объем данных о представителях царского двора Бакаля (древнее название государства с центром в Паленке). Их анализ показывает, что при дворе бакальских правителей присутствовала влиятельная группа лиц, которые происходили не из столицы, а были связаны с местом Хуште-К'ух. Связь Паленке с Хуште-К'ухом прослеживается с середины VI в. В текстах содержатся упоминания о разных представителях династии из этого владения. Несколько жен бакальских царей происходили из Хуште-К'уха.

Представители Хуште-К'уха не принадлежат к царскому рангу, но в то же время ни разу не используют титул *сахаль*, что свидетельствует о том, что они не входили в административный аппарат бакальского государства. Собственного корпуса эпиграфических источников из Хуште-К'уха обнаружено не было, поэтому попытки локализовать это место строятся на упоминании данного топонима в текстах из других городищ. Хуште-К'ух упоминается в текстах из Тортугеро (древнее название К'ак'-Виц), расположенного к западу от Паленке в контексте военных походов царя балам-Ахава 644 и 655 гг. Еще одно упоминание встречается на стеле из Помоя, также до сих пор не локализованного центра, который предположительно находился к югу или юго-западу от Паленке, датированной VIII в.

Анализ упоминаний топонима Хуште-К'ух указывает на то, что его можно связать с регионом Сальто-дель-Агуа на реке Мичоль. Археологические данные свидетельствуют, что этот регион находился на границе территорий, контролируемых Тортугеро и Паленке.

По-видимому, Хуште-К'ух представлял собой владение в составе Бакальского царства; местная династия сохранила более высокий статус, чем наместники – сахали. На протяжении долгого времени династии Паленке и Хуште-К'уха были тесно связаны друг с другом родственными и политическими отношениями. Представители Хуште-К'уха составляли влиятельную группу при дворе Паленке и особенно в моменты династических кризисов оказывали существенную поддержку тому или иному кандидату на престол.

Ключевые слова: археология, Мезоамерика, майя, эпиграфика, царский двор, социальная организация

Данные об авторе: Секачева Дарья Сергеевна – младший научный сотрудник Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова РГГУ.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00454).

ВВЕДЕНИЕ

Корпус иероглифических надписей из Паленке (древнее название – Лакамха штат Чьяпас, Мексика) – один из наиболее обширных для цивилизации майя классического периода. Помимо информации касающейся царской династии, он содержит большой объем данных о представителях царского двора Бакаля – государства майя классического периода, столицей которого была Лакамха. Имеющиеся тексты позволяют судить о титулах и внутренней иерархии придворных, служивших бакальским царям¹. Помимо этого, в текстах Паленке упоминаются областные наместники (сахали), царские чиновники (ахк'ухуны), различные категории придворных, а также другие группы элиты. При дворе бакальских правителей важную роль играли представители местной знати, не связанной с царской властью служилыми отношениями в том числе влиятельная группа лиц, происходившая не из самой Лакамхи, а связанная с местом Хуште-К'ух (в иероглифическом майя *Huuxte'-K'uh*²). В известных на сегодняшний день текстах встречаются упоминания о восьми представителях Хуште'-К'уха, которые относились к четырем поколениям династии.

Связь Паленке с Хуште-К'ухом прослеживается с середины VI в. Текст из Храма XIX³ содержит ретроспективное упоминание о событии, произошедшем в 561 г. (9.6.7.0.0, 7 Ахав 8 К'анасий) в присутствии представителя династии Хуште-К'уха, Йаш-Ицамат-Тун-Ахава при дворе К'ан-Хой-Читама I (529–565). Этот же владетель дважды упоминается в текстах Храма Солнца⁴, на левой и правой панелях святилища. Из записи на правой (северной) панели следует, что Йаш-Ицамат-Тун-Ахав приходился дедом по материнской линии (мам) царю Бакаля К'инич-Кан-Баламу II (684–702): ...'u-K'ANK'-NICH'AN?/MIJIN?-li NO'-WINAKHAB-'AJAW K'ihNICH-JANAB-PAKAL ya-'AL ...-K'UH-'IXIK 'IX-TZ'AK-'AJAW 'u-MAM-ma YAX-'ITZAM[AT]-ti TUN-'AJAW-wa 'o-ki-bi 'AJ-HUX-K'UH..., ...'u-k'ahk'[al] nich'an[il]?/mijin[il]? ho' winakhab 'ajaw K'ihnich Janaab Pakal y-al ...-k'uh[ul] 'ixik 'Ix Tz'ak[bu]-'Ajaw 'u-mam Yax 'Itzam[aa]t Tuun 'Ajaw 'Okib 'aj-Huux[te'] K'uh..., «...сын царя на пятом двадцатилетии, К'инич-Ханаб-Пакаля, сын ... божественной женщины Иш-Ц'акбу-Ахав, внук Йаш-Ицамат-Тун-Ахава, человека из Хуште-К'уха.⁵ Таким образом, Иш-Ц'акбу-Ахав

¹ Подробнее о социальной и политической организации древних майя см.: Беляев 2000; 2002; Беляев, Пакин 2009; Houston, Inomata 2009; Houston, Stuart 2001. Наиболее полное изложение политической истории майя см.: Martin, Grube 2008.

² Иероглифический майя (далее ИМ) – древний престижный язык письменности майя, дешифрованной в 1950-е гг. Ю.В. Кнорозовым (Кнорозов 1952; 1963) и известный в основном по эпиграфическим памятникам III–IX вв. Возник в конце I тыс. до н.э. на основе устного ритуального языка (см.: Давлетшин 2009, 440–468), сформировавшегося на базе одного из восточно-чоланских диалектов (Houston, Robertson, Stuart 2000) и позднее использовался во всех регионах области майя.

³ Stuart 2005.

⁴ Schele, Mathews 1979.

⁵ Greene Robertson 1991, fig.113; Более точную прорисовку данного фрагмента, выполненную Л.Хендерсон см.: Stuart 2005, 94, fig. 66.

(ум. В 679 г.), супруга К'инич-Ханаб-Пакаля I (615–683), происходила из Хуште-К'уха, а не из Токтана, как предполагали ранее некоторые исследователи⁶.

Следует отметить, что параллельное сообщение о родственной связи между К'инич-Кан-Баламом II и родом владетелей Хуште-К'уха было записано и на левой (южной) панели Храма Солнца, не сохранившейся до нашего времени. На прорисовке М. Грин Робертсон⁷ очертания последних блоков напоминают имя и титулы Йаш-Ицамат-Тун-Ахава. Сравнение этой прорисовки с оригинальным рисунком Ж.Ф. Вальдека⁸ показывает, что на этой панели также содержалось указание на родство бакальского царя по линии деда со стороны матери. Первый блок фрагмента не опознанный ни М. Грин Робертсон, ни Л. Шили⁹ судя по всему, представлял собой слоговую запись 'u-ma-ma, 'u-mat. За ним следовал разбитый между двумя блоками именной иероглиф YAX-'ITZAM['AT]-ti TUN-'AJAW-wa, Yax 'Itzam['aat] Tuun 'Ajaw. Далее был записан титул 'aj-Huuxte' K'uh (хорошо видны контуры первого знака 'AJ- и тройка наверху). Последний блок фрагмента состоит из трех звуков внутренние детали которых неразличимы, это может быть как элемент 'okib ('o-ki-bi), так и частый титул *бакаб* (ba-ka-ba).

Не будучи представительницей царского рода, Иш-Ц'акбу-Ахав занимала важное положение при дворе бакальского государства, и стала женой К'инич-Ханаб-Пакаля I и матерью его наследников. Ее имя встречается на многих монументах, в том числе на Западной панели из Храма Надписей¹⁰, где упоминается возможная дата ее свадьбы с К'инич-Ханаб-Пакалем I – 626 г. (9.9.13.0.17, 7 Кабан 15 К'анхалав).

Брак К'инич-Ханаб-Пакаля I был не единственным союзом между царской династией и родом из Хуште-К'уха. Младший сын К'инич-Ханаб-Пакаля I и Иш-Ц'акбу-Ахав, Тиволь-Чан-Мат, также был женат на женщине из этого рода. Об этом известно благодаря тексту из Храма XXI, составленному по указу их сына, царя Бакаля К'инич-Акуль-Мо-Наба III (722–736): ...'u-JUN-TAN 'IX-... NAV-CHIT-K'UH 'IX-ki-nu-wi ma-MAT..., ...'u-ju'ntahn 'Ix... Naahb Chit K'uh 'Ix Kinuww Mat..., «ее забота Иш-... Наб-Чит-К'ух Иш- Кинув-Мат»¹¹. Мать правителя упоминается не только в этом тексте, но именно здесь есть указание на ее происхождение из Хуште-К'уха.

Важно подчеркнуть, что оба раза представители Лакамхи, заключая брак с женщиной из династии Хуште-К'уха, находились в довольно сложном с политической точки зрения положении. К'инич-Ханаб-Пакаль I занял трон после серьезного династического кризиса, вызванного поражением от Кануля в 611 г. (9.8.17.15.14, 4 Хиш 7 Ик'ат).¹² Он не был прямым потомком предыдущих правителей и был связан с правящей династией по линии матери. Очевидно, что в такой ситуации правитель испытывал серьезные трудности, связанные с легитимностью его власти. Долгий период от его воцарения в 615 г. (9.9.2.4.8, 5 Ламат 1 Моль) до середины VII в. не отражен в текстах, что свидетельствует о нестабильной по-

⁶ Martin, Grube 2008, 162.

⁷ Greene Robertson 1991, fig.112.

⁸ Maudslay 1889–1902.

⁹ Schele, Freidel 1990, 244, plate 6:13.

¹⁰ Maudslay 1889–1902.

¹¹ Stuart, Stuart 2008, 228, fig.77.

¹² Martin, Grube 2008, 161.

литической ситуации в бакальском государстве. Именно в этот период в 626 г. К'инич-Ханаб-Пакаль I женится на представительнице династии Хуште-К'уха, благодаря чему, вероятно, получает дополнительную политическую поддержку.

Ситуация с браком Тиволь-Чан-Мата также весьма показательна, этот младший из детей К'инич-Ханаб-Пакаля I, умер еще при жизни отца, и не занимал трон¹³. Его сын К'инич-Акуль-Мо-Наб III оказался на престоле в 722 г., видимо, вследствие отсутствия наследников у старших сыновей К'инич-Ханаб-Пакаля I, и ему пришлось активно доказывать свои права на власть. С этой целью был создан целый ряд монументов, на которых, среди прочего активно подчеркивается связь К'инич-Акуль-Мо-Наба III с династией Хуште-К'уха, в том числе текст из Храма XXI.

Несмотря на важность Хуште-К'уха в политической истории, в текстах не встречается его эмблемный иероглиф¹⁴, что говорит об отсутствии у его владетелей царского статуса, они никогда не называются *ajaw*, а обозначаются титулом происхождения *'aj Huuxte'-K'uh* («человек из Хуште-К'уха»)¹⁵. С другой стороны, представители Хуште-К'уха не носят титул *сахаль*¹⁶, что свидетельствует о том, что они не входили в административный аппарат бакальского государства, и не назначались царем на соответствующие должности. Таким образом люди из Хуште-К'уха были представителями одного из знатных нецарских домов, которые имели личные связи с царской династией.

Анализ иероглифических текстов показывает, что династия Хуште-К'уха имела большое влияние при дворе царей Бакаля, особенно во второй четверти VIII в. при К'инич-Акуль-Мо-Набе III. Важными в данном вопросе являются монументы из Храма XIX. Так, на каменной панели изображен дядя К'инич-Акуль-Мо-Наба III по материнской линии, который тоже (исходя из происхождения его сестры) был родом из Хуште-К'уха. Он изображен в виде одного из двух коленопреклоненных персонажей, поддерживающих ритуальный костюм царя наряду с *йахав-к'ахк'ом*, одним из высших сановников¹⁷. В сохранившихся четырех блоках записано имя этого человека и указание на родство с царем (*yí-cha-ní 'AJAW, y-ichaan 'ajaw*). Точное чтение имени остается спорным: в первом блоке записаны слоговые знаки *ch'o-ko*, *ch'ok*, второй блок состоит из логограммы и слогового знака *-la*. Один из возможных вариантов чтения данного знака – 'AK или 'AKAN, тогда запись имени этого человека будет выглядеть как *Ch'ok 'Akal/'Akanal*. С. Хаустон предложил для этого знака иное чтение – JAL¹⁸, в таком случае имя будет читаться *Ch'ok Jal*.

¹³ Stuart 2005, 152.

¹⁴ «Эмблемный иероглиф» – в надписях майя стандартизированный титул, содержащий указание на город или царство, которым владеет правитель, или к царскому дому которого он принадлежит. К титулатуре царя добавлялся эпитет *k'uhul* («священный» – например, ИМ *k'uhul Baakal 'ajaw* – «священный царь Бакаля»), в то время как правители низшего ранга и прочие члены царского дома были его лишены.

¹⁵ О титуле происхождения см.: Stuart, Houston 1994, 19.

¹⁶ Сахаль – областной правитель в государствах майя Западного региона. Подробнее: Токовинин 2002; Houston, Inomata 2009, 175–176.

¹⁷ Stuart 2005, 31, fig. 20.

¹⁸ Houston, Taube, Luzzadder-Beach, Beach, <https://decipherment.wordpress.com/2017/07/12/bamboo-a-neglected-maya-material>

На платформе из Храма XIX, две стороны которой украшены иероглифическими текстами и изображениями, также упоминаются представители Хуште-К'уха. Южная часть посвящена коронации царя Паленке К'инич-Акуль-Мо'-Наба III, в то время как западная описывает ритуалы, которые проводил некий Салах-Болон, человек из Хуште-К'уха.

Этот человек в течении пяти лет с 731 (9.15.0.0.0, 9 Ахав 13 Йашсихо'м) по 736 гг. (9.15.5.0.0, 10 Ахав 8 Ик'сихо'м) принимал участие в ряде ритуалов, один из которых и изображен на западной панели.

В центре композиции находится сам Салах-Болон, в ходе ритуала взятия или повязания веревки, смысл которого в настоящее время остается неясным. Его сопровождают два юноши, один из которых является носителем титула, который по мнению А.И. Давлетшина и Ф.С. Галеева звучал как *ch'el*, и не раз встречается в надписях Паленке, а другой носит титул *Suutz' 'Ajaw*, «владыка Суц'а» – что говорит о его принадлежности к правящему роду одного из подчиненных Паленке городов, местоположение которого неизвестно. Все участники сцены облачены в особые ритуальные головные уборы, выполненные в виде конусов. Такие же головные уборы изображены на участниках сцены коронации К'инич-Акуль-Мо'-Наба III на южной стороне платформы.

Салах-Болон не только назван «человеком из Хуште-К'уха»; в подписи к его портрету между именем и указанием на место происхождения присутствует эпитет *окиб*: *sa-la-ja BOLON-na 'o-ki-bi 'AJ-HUX-TE'-K'UH*, *Salaj Bolo'n 'Okib 'aj-Huuxte' K'uh*, «Салах Болон *окиб* человек из Хуште-К'уха»¹⁹. Такой же эпитет встречается и у Йаш-Ицамат-Тун-Ахава на разбиравшихся выше панелях из Храма Солнца. На правой (северной) панели он стоит между именем и титулом происхождения, а на левой (южной) панели действительно идет после титула происхождения *'aj-Huuxte' K'uh* и, судя по всему, не является частью имени или родовым апеллятивом. По-видимому, *окиб* – это ранее неизвестный титул, который Салах-Болон получает после совершения необходимых ритуалов²⁰.

Скорее всего Салах-Болон в это время являлся правителем Хуште-К'уха. Тот факт, что Западная панель монумента из Храма XIX полностью посвящена этому владельцу, говорит о крайне высоком положении его владения в политической иерархии бакальского царства. Очевидно, он и его родичи сыграли важную роль в приходе к власти К'инич-Акуль-Мо'-Наба III.

ПРОБЛЕМА ЛОКАЛИЗАЦИИ ХУШТЕ-К'УХА

В современной историографии предпринимались несколько попыток определить местоположение Хуште-К'уха. В 2005 г. мексиканский исследователь Гильермо Берналь предположил, что Хуште-К'ух следует локализовать к западу от Паленке, близко к Тортугеро, в районе Серро-Лимон. Он указывает на то, что записи имен Иш-Ц'акбу-Ахав и Иш-Кинув-Мат в текстах на Дворцовой панели и панели из Храма XXI, соответственно, содержат одинаковую часть, которую он читает *'Ix Yax-...-yi Nahb Loot K'uh*,²¹ где *Nahb Loot K'uh* или «бог озер-близне-

¹⁹ Stuart 2005, 209.

²⁰ Sekacheva 2017.

²¹ Romero 2005, 82.

цов» является отсылкой к некоему божественному покровителю династии, связанному с реальными природными объектами. Автор считает, что озера были частью ландшафта, окружавшего Хуште-К'ух и находит схожий пейзаж рядом с Серро-Лимон²². Подобное объяснение не представляется достаточно обоснованным. Во-первых, чтение *Loot* основано на старых идеях, а современное чтение данного знака – СНИТ, следовательно, ни о каких «озерах близнецах» речи не идет. Во-вторых, нет никаких данных о богах-покровителях династии Хуште-К'уха, а фраза 'Ix Yax-...-y Naahb Chit K'uh является обычным теофорным апеллятивом. В-третьих, Серро-Лимон находится слишком далеко от Паленке, чтобы входить в зону его влияния.

Другую версию о возможном местоположении Хуште-К'уха выдвинул в 2016 г. П. Биро. По мнению которого, данный топоним относился не к отдельному поселению, а к жилой группе на территории Лакамхи²³. Однако это предположение остается чисто умозрительным и никаких реальных свидетельств того, что Хуште-К'ух располагался на территории археологического памятника Паленке нет.

Место расположения Хуште-К'уха вызывает сложности в первую очередь в силу того, что надписи, происходящие непосредственно из этого центра, до сих пор не обнаружены, поэтому все попытки определить его местоположение основаны на упоминаниях в текстах других городов. Однако, опираясь на эти сведения, а также сопоставляя их с данными археологических исследований, возможно выдвинуть предположение о местонахождении этого владения.

Помимо Паленке, топоним Хуште-К'ух встречается в текстах Тортугеро, который находился к западу от Паленке. Представители местной династии также именовали себя царями Бакаля²⁴. Вопрос о времени и причине раскола бакальской династии остается открытым, но данные источников позволяют судить, что к моменту воцарения К'инич-Ханаб-Пакаля I в 615 г. правители Тортугеро уже несколько поколений были независимы. На характере отношений между Паленке и Тортугеро сказывалась борьба за влияние в регионе. Наиболее известный правитель Тортугеро Балам-Ахав (644–679), бывший современником К'инич-Ханаб-Пакаля I, вел активную внешнюю политику, и в его надписях Хуште-К'ух встречается как цель его военных походов 640–650-х гг.

Известны два упоминания Хуште-К'уха в Тортугеро. Первое записано на Монументе 6²⁵ и относится к 644 г. (9.10.11.9.6, 13 Кими 14 Касев): 'i-JUB? ха-та-'AJ-HUX-TE'-K'UH, 'i-jub[uiy] Хам 'aj-Huuxte' K'uh, «повержен Шам, человек из Хуште-К'уха». Второй раз топоним упоминается в тексте на жадовой серьге²⁶, где говорится о победе над «человеком из Хуште-К'уха» в 655 г. (9.11.2.17.4, 10 К'ан 17 Йашсихо'м): JUB? 'AJ-HUX-TE'-K'UH, jub[uiy] 'aj-Huuxte' K'uh, «повержен человек из Хуште-К'уха».

Есть основания предполагать, что Хуште-К'ух находился между Паленке и Тортугеро и, будучи включенным в сферу влияния Паленке, представлял для его

²² Bernal Romero 2005, 85.

²³ Bíró 2012, 31–66.

²⁴ Gronemeyer 2006.

²⁵ Gronemeyer 2006, 139, pl. 12.

²⁶ Gronemeyer 2006, 95, pl. 4a.

противника стратегический интерес. К тому же пассаж, предшествующий сообщению о победе над Шаом в 644 г., свидетельствует в пользу довольно близкого расположения владения к Тортугеро: ...'i-'EHM-ye 'u-NAH-'u-TOK-PAKAL nu-ru-TE'-ja ta-'AHIN 'i-JUB?... , 'i-'ehmey 'u-naah 'u-too'k pakal nupte'aj ta-'Ahiin/Ta'ahiin 'i-jub[uiy]..., «спустился (Балам-Ахав) и впервые собралось его войско в Аине/Та'аине и повергся...». Сбор войска Балам-Ахава и победа происходят в один день, следовательно, от Тортугеро до места сражения было не более одного дня пути. По-видимому, Хуште-К'ух сильно пострадал в результате конфликта и долго не мог оправиться от нанесенных поражений, так как в текстах второй половины VII в. он не фигурирует.

Самое позднее упоминание Хуште-К'уха встречается на монументе из Помоя. Местоположение Помоя также до сих пор остается неизвестным²⁷. Исходя из упоминаний в контексте войн с Тониной, можно предположить, что он находился к югу или юго-западу от Паленке. На стеле, датируемой второй половиной VIII в. (в настоящее время находится в коллекции Этнографического музея Антверпена²⁸), указано календарное имя резчика, выполнившего монумент – 4 Ахав, а также то, что он был «человеком из Хуште-К'уха» и носил титул *анаб* (скульптор)²⁹. у-ху-лу CHAN-'AJAW^{день} 'AJ-HUX-TE'-K'UH 'a-na-bi, у-ухул Chan Ajaw 'aj-Huuxte' K'uh 'anaab. Примечательно, что у этого человека было так называемое календарное имя, в то время как подобная практика именаречения редко встречается в центральной области майя³⁰.

Хуште-К'ух ни разу не упоминается в текстах городов, находившихся к востоку от Паленке, например, в контексте войн Бакаля с Йокибом, чья столица находилась на территории археологического памятника Пьедрас-Неграс (Петен, Гватемала), что дает основания локализовать Хуште-К'ух именно к западу, с наибольшей вероятностью между Паленке и Тортугеро.

В этой зоне расположен регион Сальто-де-Агуа на реке Мичоль, и который с 2008 г. исследовался группой археологов под руководством Джошуа Балсельса³¹. Исследование проходило в рамках крупного археологического проекта по изучению поселенческой организации в регионе вокруг Паленке³². Была обследована область площадью 120 кв. км между слиянием рек Мичоль и Тулиха на западе и памятником Санта-Исабель на востоке. В пользу того, что эта территория контролировалась Паленке, говорит анализ обнаруженной керамики: в регионе Сальто-де-Агуа было распространено копирование характерных для Паленке форм классического периода, в то время как изучение состава керамики показало ее местное происхождение³³.

На этой территории особенно выделяются два памятника, - Эль-Ретиро и Мирафлорес. Оба относятся к центрам второго уровня и, согласно археологическим данным, были основаны ранее других. В обоих случаях исследования показали наличие поселенческой активности на большом промежутке времени, начиная

²⁷ Martin 2008, 189; Сафронов 2006, 253–254.

²⁸ Mayer 1995, pl. 141.

²⁹ Houston 2016, 391–431.

³⁰ Давлетшин 2006, 142–58.

³¹ Давлетшин 2006, 67.

³² Давлетшин 2006, 67.

³³ Balcells 2012, 436.

с доклассического периода и до терминальной фазы классического периода (ок. 150 г. до н.э. – 900 г. н.э), а также наличие сводчатых построек храмового типа, схожих с постройками Группы Креста в Паленке, строений дворцового типа, открытых площадей, акведуков, дренажных систем и стадиона для игры в мяч³⁴. Эль-Ретиро и Мирафлорес также являлись двумя наиболее плотно заселенными центрами региона³⁵.

Таким образом, встает выбор между двумя центрами второго уровня, каждый из которых может быть претендентом на роль Хуште-К'уха. Решающую роль в данном случае играют данные письменных источников. Только в одном из них – Мирафлоресе – были обнаружены фрагменты монументов с надписями. Находки были сделаны в середине XX в., когда в 1954 г. Г. Берлин посетил городище и составил их краткое описание. По его словам, они относились к большой панели с текстом, состоящей из трех или более плит, наподобие панели из Храма Креста в Паленке. Всего было обнаружено семь фрагментов, два из которых составляли единое целое. Берлин дал им условные обозначения «А», «В» (фрагмент, состоящий из двух частей), «С» и «D». Фрагменты А, С и D содержат надписи и изображения, на фрагменте В видна лишь часть изображения человеческих ног³⁶.

На фотографии, сделанной Берлином, хорошо видно, что фрагмент А относился к левой верхней части панели, так как на нем виден край монумента³⁷. Фрагмент содержит изображение фигуры мужчины и несколько блоков текста. Справа от фигуры помещена подпись: 'u-sa-ja-la K'HNICH..., 'u-sajal K'ihnich..., «сахаль К'инич –...». Верхняя часть монумента, на которой записано имя этого сахалья, сильно повреждена, что затрудняет чтение его имени. Дэвид Стюарт предположил, что сахалья звали *Chak Chan*³⁸, однако, судя по фотографии Берлина, опубликованной К.Х. Майером³⁹, у него было другое имя. Несмотря на низкое качество фотографии можно различить именной иероглиф СНАК-...-...-ku-yu, *Chak-...-...- Kuy*. Имя царя, чьим сахалем был Чак-...-...-Куй также крайне сложно распознать, так как оно представлено только одним уцелевшим иероглифом K'HNICH оставшаяся часть сбита. На фрагменте С, сильно пострадавшем со временем, различимы черты нижней части тела другого человека и часть календарной записи с датой 9 К'анхалав. На фрагменте D, который представляет собой нижнюю часть монумента, также изображена часть мужской фигуры и подпись: ya-ja-wa-K'AHK' 'u-sa-ja-la K'HNICH-ja-na-bi pa-ka-la K'UH-BAK-la-'AJAW-wa, *yajaw k'ahk' 'u-sajal K'ihnich Janab Pakal K'uh[ul] Baakal 'Ajaw*, «йахав-к'ахк', сахаль К'инич-Ханаб-Пакаля, божественного царя Бакаля». Таким образом, в Мирафлоресе во второй половине VII в. сидели наместники Бакаля. Как указывалось, выше, представители Хуште-К'уха ни разу не упоминаются в текстах с титулом сахаль, следовательно, Мирафлорес не может рассматриваться как место нахождения этого владения, а наиболее вероятным вариантом является Эль-Ретиро.

Археологические исследования показали, что поселение на месте Эль-Ретиро возникло в доклассический период (150 г. до н.э – 350 г. н.э), развивалось и до-

³⁴ Balcells 2012, 432.

³⁵ Balcells 2012, 442.

³⁶ Berlin 1955, 206.

³⁷ Balcells 2012, 205.

³⁸ Stuart 2008, 165.

³⁹ Mayer 1991, 28.

стигло максимума численности населения в классический период (550/600–900 гг. н.э.) и, возможно продолжало существовать в терминальный классический период даже после упадка Паленке (ок. 900 г. н.э.) Архитектурные особенности обнаруженного в Эль-Ретиро Здания 1 показывают тесные связи с архитектурой Паленке периода Отолум-Мурсьелагос (600–770 гг.): штукатурное покрытие стен и их пропорции, окна и входные проемы, имеющие много общего со строениями Группы Креста и Дворца. Наибольшая численность населения в Эль-Ретиро фиксируется в фазах Мурсьелагос – Балунте (700–900 гг.), что коррелирует с периодом наибольшей численности населения в центральной части региона Паленке⁴⁰.

Выгодное географическое положение Эль-Ретиро и Мирафлореса позволяло контролировать значительный участок реки Мичоль, что делало эти центры стратегически крайне важными для Бакальского государства. Кроме того, археологические исследования показали отсутствие следов поселений между памятниками Санта-Исабель и Амплиасьон, которые находятся на западе региона Паленке, они также не были обнаружены между Амплиасьон и Мирафлоресом, что говорит о наличии некоей границы внутри зоны влияния Паленке. Область на запад от Мирафлореса вплоть до слияния рек Мичоль и Тулиха, то есть основная часть региона Сальто-де-Агуа, была заселена довольно густо⁴¹. Данные археологии показали отсутствие незаселенных участков на территории между Эль-Ретиро и Мирафлоресом, что говорит об отсутствии границы между ними⁴². Примечательно, что между регионом Сальто-де-Агуа и Тортугеро также отсутствуют поселения классического периода, что говорит о существовании здесь в древности границы. Очевидно, мы можем наблюдать границу между территориями, подвластными двум соперничавшим ветвям династии Бакаля, при этом область Сальто-де-Агуа выполняла роль буферной зоны между ними.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По всей видимости, Хуште-К'ух, находившийся на месте памятника Эль-Ретиро, был крупнейшим центром в данном регионе и совместно с Мирафлоресом обеспечивал контроль Паленке над западной частью долины р. Мичоль. Вероятно, местные династии были достаточно древними и влиятельными и не были подчинены бакальским правителям в качестве сахалей, а состояли с правящей династией в родственных отношениях и оказывали решающую поддержку претендентам на бакальский престол в периоды политических кризисов. В этой связи представляется не случайным упоминание о контактах между Хуште-К'ухом и бакальской династией во второй половине VI в. в тексте на монументе из храма XIX. Очевидно в рамках идеологического дискурса первой половины VIII в. историческая память об их связях рассматривалась как важный фактор функционирования политической иерархии в условиях недавно завершившегося династического кризиса.

⁴⁰ Balcells, Gama, Mirón Marván 2011, 444.

⁴¹ Balcells, Gama, Mirón Marván 2011, 443.

⁴² Balcells, Gama, Mirón Marván 2011, 6.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляев, Д.Д. 2000: Раннее государство у майя классического периода: эпиграфические и археологические данные. В кн.: Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынша (ред.), *Альтернативные пути к цивилизации*. М., 186–198.
- Беляев, Д.Д. 2002: Древние майя (III–IX вв. н.э.). В кн.: Д.М. Бондаренко, А.В. Коротаев, (ред.), *Цивилизационные модели политогенеза*. М., 148–179.
- Беляев, Д.Д., Пакин, А.В. 2009: Правитель и его подданные в государствах древних майя. В кн.: Д.М. Бондаренко, А.А. Немировский (отв. ред.), *Правитель и его подданные: Социокультурная норма и ограничения единоличной власти*. М., 123–152.
- Давлетшин, А.И. 2006: Символы власти в ранней юго-восточной Мезоамерике: текст и иконография на стеле 5 из Абах-Такалика, Гватемала. В кн.: А.А. Бородатова, В.А. Тишков (отв. ред.), *Власть в аборигенной Америке. Проблемы индеанистики*. М., 148–173.
- Давлетшин, А.И. 2009: Язык иероглифических надписей майя как язык ритуальный, или об устной природе иероглифического майя. В кн.: С.Ю. Неклюдов (отв. ред.), *Слово устное и слово книжное*. М., 440–468.
- Кнорозов, Ю.В. 1952: Древняя письменность центральной Америки. *Советская этнография* 3, 100–118.
- Кнорозов, Ю.В. 1963: *Письменность индейцев майя*. М.–Л.
- Сафронов, А.В. 2006: *Государства майя Западного региона в классический период*: дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. н. М.
- Токовинин, А.А. 2002: Царь и его сахали: областные правители в западных царствах майя (VII–VIII вв. н.э.). *Древний Восток и античный мир* 5, 213–231.
- Balcels, J. A. 2012: Patrones de asentamiento en la región de Salto De Agua, Chiapas, México: un ejemplo de comportamiento territorial jerárquico y heterárquico durante el clásico tardío maya (600-900 D.C.). *Cuadernos de Prehistoria y Arqueología de la Universidad de Granada* 22, 425–454.
- Balcels, J.A., Gama, J. E., Mirón Marván, E. 2011: Recent Investigations in the Salto de Agua Region: Sites, Territories, and Frontiers to the West of Palenque. *The PARI Journal* 11(4), 4–11.
- Berlin, H. 1955: News from the Maya World. *Ethnos* 20(4), 201–209.
- Bernal Romero, G. 2005: El linaje de Ox Te' K'uh, una localidad provincial de Palenque. Comentarios sobre la identidad histórica de las señoras Tz'ak-b'u Ajaw y Kinuww Mat. *Mayab* 18, 77–87.
- Bíró, P. 2012: Politics in the western Maya region (II): emblem glyphs. *Estudios de Cultura Maya* 39, 31–66.
- Gronemeyer, S. 2006: The Maya Site of Tortuguero, Tabasco, Mexico. Its History and Inscriptions. *AMA* 17.
- Houston, S.D. 2016: Crafting Credit: Authorship among Classic Maya Painters and Sculptors. In: C. Costin (ed.), *Making Value, Making Meaning: Techné in the Pre-Columbian World*. Washington, 391–431.
- Houston, S.D., Inomata, T. 2009: *The Classic Maya*. Cambridge.
- Houston, S.D., Robertson, J., Stuart, D. 2000: The Language of Classic Maya Inscriptions. *Current Anthropology* 41 (3), 321–356.
- Houston, S.D., Stuart, D. 2001: Peopling the Classic Maya Court. In: T. Inomata, S.D. Houston (eds.), *Royal Courts of the Ancient Maya*. Vol. 1. *Theory, Comparison, and Synthesis*. New York, 54–84.
- Houston, S.D., Taube, K., Luzzadder-Beach, S., Beach, T. 2017: Bamboo—A Neglected Maya Material. *Maya Decipherment Blog*, <https://decipherment.wordpress.com/2017/07/12/bamboo-a-neglected-maya-material/>

- Liendo, R. 2011: B'aakal, Arqueología de la Región de Palenque, Chiapas, México. Temporadas 1996-2006. *Paris Monographs in American Archaeology* 26. (BAR International Series 2203), Oxford.
- Martin, S., Grube, N. 2008: *Chronicle of the Maya kings and queens*. New York.
- Mayer, K. H. 1991: *Maya Monuments: Sculptures of Unknown Provenance* Suppl. 3. Berlin.
- Mayer, K. H. 1995: *Maya Monuments: Sculptures of Unknown Provenance* Suppl. 4. Berlin.
- Maudslay, A. 1889–1902: *Biologia Centrali-Americana: Archaeology*. Vol. 4. London.
- Robertson, M.G. 1991: *The Sculpture of Palenque*. Vol. IV: *The Cross Group, the North Group, the Olvidado, and Other Pieces*. New Jersey.
- Schele, L., Freidel, D. 1990: *A Forest of Kings: The Untold Story of the Ancient Maya*. New York.
- Schele, L., Mathews, P. 1979: *The Bodega of Palenque, Chiapas, Mexico*. Washington.
- Stuart, D. 2005: *The Inscriptions from Temple XIX at Palenque: A Commentary*. San Francisco.
- Stuart, D., Houston, S. 1994: *Classic Maya Place Names*. Washington.
- Stuart, D., Stuart, G. 2008: *Palenque. Eternal city of the Maya*. London.

REFERENCES

- Balcells, J. A. 2012: Patrones de asentamiento en la región de Salto De Agua, Chiapas, México: un ejemplo de comportamiento territorial jerárquico y heterárquico durante el clásico tardío maya (600-900 D.C.). *Cuadernos de Prehistoria y Arqueología de la Universidad de Granada* 22, 425–454.
- Balcells, J.A., Gama, J. E., Mirón Marván, E. 2011: Recent Investigations in the Salto de Agua Region: Sites, Territories, and Frontiers to the West of Palenque. *The PARI Journal* 11(4), 4–11.
- Belyaev, D. 2000: Rannee gosudarstvo u maya klassicheskogo perioda: epigraficheskie i arkheologicheskie dannye. [Early State in the Classic Maya Lowlands: Epigraphic and Archaeological Evidence]. In: N. Kradin, A. Korotayev, D. Bondarenko, V. Lynsha (eds.), *Alternativnye puti k tsivilizatsii [Alternatives of Social Evolution]*. Moscow, 186–198.
- Belyaev, D. 2002: Drevnie maya (III–IX vv. n.e.) [Ancient Maya (Third to Ninth Centuries AD)]. In: D. Bondarenko, A. Korotayev (eds.), *Tsivilizatsionnye modeli politogeneza [Civilizational Models of Politogenesis]*. Moscow, 148–179.
- Belyaev, D., Pakin, A. 2009: Pravitel' i ego poddannye v gosudarstvakh drevnikh maya [The ruler and his subjects in the states of the ancient Maya]. In: D. Bondarenko, A. Nemirowsky (eds.), *Pravitel' i ego poddannye: Sotsiokul'turnaya norma i ogranicheniya edinolichnoy vlasti [The Ruler and His Subjects: Sociocultural Norm and Limitations of Individual Power]*. Moscow, 123–152.
- Berlin, H. 1955: News from the Maya World. *Ethnos* 20(4), 201–209.
- Bernal Romero, G. 2005: El linaje de Ox Te' K'uh, una localidad provincial de Palenque. Comentarios sobre la identidad histórica de las señoras Tz'ak-b'u Ajaw y Kinuuw Mat. *Mayab* 18, 77–87.
- Biró, P. 2012: Politics in the western Maya region (II): emblem glyphs. *Estudios de Cultura Maya* 39, 31–66.
- Davletshin, A. 2006: Simvoly vlasti v ranney yugo-vostochnoy Mezoamerike: tekst i ikonografiya na stele 5 iz Abakh-Takalika, Gvatemala [Symbols of power in Early Southeastern Mesoamerica: Text and image on Abaj-Takalik Stela 5, Guatemala]. In: A. Borodatova, V. Tishkov (eds.), *Vlast' v aborigennoy Amerike. Problemy indeanistiki [Power in aboriginal America. Problems of Native American Studies]*. Moscow, 148–173.
- Davletshin, A. 2009: Yazyk ieroglificheskikh nadpisey maya kak yazyk ritual'nyy, ili ob ustnoy prirode ieroglificheskogo maya [Hieroglyphic Mayan as Ritual Language: Oral Foundations of Hieroglyphic Language]. In: S. Neklyudov (ed.), *Slovo ustnoe i slovo knizhnoe [Spoken word and word of book]*. Moscow, 440–468.

- Gronemeyer, S. 2006: The Maya Site of Tortuguero, Tabasco, Mexico. Its History and Inscriptions. *AMA* 17.
- Houston, S.D. 2016: Crafting Credit: Authorship among Classic Maya Painters and Sculptors. In: C. Costin (ed.), *Making Value, Making Meaning: Techné in the Pre-Columbian World*. Washington, 391–431.
- Houston, S.D., Inomata, T. 2009: *The Classic Maya*. Cambridge.
- Houston, S.D., Robertson, J., Stuart, D. 2000: The Language of Classic Maya Inscriptions. *Current Anthropology* 41 (3), 321–356.
- Houston, S.D., Stuart, D. 2001: Peopling the Classic Maya Court. In: T. Inomata, S.D. Houston (eds.), *Royal Courts of the Ancient Maya*. Vol. 1. *Theory, Comparison, and Synthesis*. New York, 54–84.
- Houston, S.D., Taube, K., Luzzadder-Beach, S., Beach, T. 2017: Bamboo—A Neglected Maya Material. *Maya Decipherment Blog*, <https://decipherment.wordpress.com/2017/07/12/bamboo-a-neglected-maya-material/>
- Knorozov, Yu. 1952: Drevnyaya pis'mennost' tsentral'noy Ameriki [Ancient Writing of Central America]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography] 3, 100–118.
- Knorozov, Yu. 1963: *Pis'mennost' indeytsev maya* [Mayan writing]. Moscow–Leningrad.
- Liendo, R. 2011: B'aakal, Arqueología de la Región de Palenque, Chiapas, México. Temporadas 1996–2006. *Paris Monographs in American Archaeology* 26. (BAR International Series 2203), Oxford.
- Martin, S., Grube, N. 2008: *Chronicle of the Maya kings and queens*. New York.
- Maudslay, A. 1889–1902: *Biologia Centrali-Americana: Archaeology*. Vol. 4. London.
- Mayer, K. H. 1991: *Maya Monuments: Sculptures of Unknown Provenance* Suppl. 3. Berlin.
- Mayer, K. H. 1995: *Maya Monuments: Sculptures of Unknown Provenance* Suppl. 4. Berlin.
- Robertson, M.G. 1991: *The Sculpture of Palenque*. Vol. IV: *The Cross Group, the North Group, the Olvidado, and Other Pieces*. New Jersey.
- Safronov, A. 2006: *Gosudarstva maya Zapadnogo regiona v klassicheskiy period* [Maya States of the Western Region during the Classical Period]: PhD thesis. Moscow.
- Schele, L., Freidel, D. 1990: *A Forest of Kings: The Untold Story of the Ancient Maya*. New York.
- Schele, L., Mathews, P. 1979: *The Bodega of Palenque, Chiapas, Mexico*. Washington.
- Stuart, D. 2005: *The Inscriptions from Temple XIX at Palenque: A Commentary*. San Francisco.
- Stuart, D., Houston, S. 1994: *Classic Maya Place Names*. Washington.
- Stuart, D., Stuart, G. 2008: *Palenque. Eternal city of the Maya*. London.
- Tokovinine, A. 2002: Tsar' i ego sakhali: oblastnye praviteli v zapadnykh tsarstvakh maya (VII–VIII vv. n.e.) [King and His Sajals: Regional Governors in Western Maya Kingdoms (7th–8th A.D.)]. *Drevniy Vostok i antichnyy mir* [Ancient East and the Ancient World] 5, 213–231.

HUUXTE'-K'UH AND THE ROLE OF ITS DYNASTY AT THE ROYAL COURT OF PALENQUE

Daria S. Sekacheva

*Knorozov Center for Mesoamerican Studies, Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia
daria.baida@gmail.com*

Abstract. The corpus of inscriptions from late classic Palenque (7th–8th centuries) (Chiapas, Mexico) contains a large amount of data on the representatives of the royal court of Bakal

(ancient name of the state which capital was situated at Palenque). An analysis of the monuments shows that an influential group of people was present at the court of the Bakal rulers, who did not come from the capital, but were connected with the place called Huuxte'-K'uh. Palenque's connection with Huuxte'-K'uh' has been traced since the middle of the 6th century. The texts contain references to various members of it's dynasty. Several wives of the Bakal kings came from this place.

The Huuxte'-K'uh dynasty is never mentioned to have a king title, nor it has a title of sajal, which indicates that they did not belong to the administrative stuff of the Bakal state, but had personal connections with the royal dynasty and had a great influence at the court of the Bakal kings.

The own corpus of epigraphic sources from Huuxte'-K'uh was never found, therefore, attempts to localize this place are based on the mention of this toponym in the texts of other sites. Apart from Palenque, Huuxte'-K'uh is also mentioned in texts from Tortuguero, the political center located to the west from Palenque. Huuxte'-K'uh is mentioned in the context of military conflicts of the 644 and 655. Another mention is found on a stela from Pomoy, also a hitherto not localized center, which is supposedly located to the south or south-west from Palenque.

An analysis of the references to the toponym Huuxte'-K'uh indicates that it can be linked to the Salto de Agua region on the Micol River. Archaeological evidence suggests that this region was located on the border of the territories controlled by Tortuguero and Palenque.

Apparently, Huuxte'-K'uh was a domain, a part of the Bakal kingdom; it's dynasty retained a higher status than the governors-sajals. For a long time, the Palenque and Huuxte'-K'uh dynasties were closely linked by kinship and political relations. Representatives of Huuxte'-K'uh made up an influential group at the court of Palenque, and especially at times of dynastic crises provided substantial support to one or another candidate for the throne.

Keywords: archaeology, Mesoamerica, Maya, epigraphy, royal court, social organization

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2020), 122–131
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2020), 122–131
© Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-1-67-122–131

АНТИЧНЫЕ ЯКОРНЫЕ СТОЯНКИ В КЕРЧЕНСКОМ ПРОЛИВЕ

В.М. Петровский

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет им.
Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия*
petrovskiyvm@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются якорные стоянки античного времени в Керченском проливе. Эти стоянки образовались в тех местах, где античные суда бросали якоря в ожидании попутного ветра для входа в Керченский пролив. В настоящее время они представляют собой участки дна моря, на которых рассеяны якоря и их детали. Как правило, стоянки находятся недалеко от поселений, которые в античное время были расположены на берегу, и временные рамки их существования совпадают. Изучение якорных стоянок позволяет уточнить хронологию их возникновения и развития, определить типы якорей античного времени. Типология якорей, в свою очередь, дает представление о типах судов, какие в древности посещали Керченский пролив. Кроме того, месторасположение якорных стоянок может внести дополнения к палеогеографическим представлениям о регионе – указать места древних бухт, песчаных кос, мысов, которые в наше время уничтожены вследствие подъема уровня моря.

Ключевые слова: подводная археология, Керченский пролив, античное мореплавание, хронология, якоря, торговые пути, подъем уровня моря

В античное время берега Керченского пролива были плотно заселены, морская торговля связывала колонии с метрополией и велась довольно активно. Поддержание этой торговли требовало создания припортовой инфраструктуры, в том числе якорных стоянок. Судя по всему, якорные стоянки не были специально оборудованы, т.е. не было создано искусственных «мертвых якорей» – заложенных на

Данные об авторе: Петровский Василий Михайлович – аспирант кафедры истории древнего мира Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

дне моря тяжестей, к которым пришедшее судно могло быть причалено, молов, защищающих стоянку от волнения и т.п. инженерных сооружений. В современном состоянии античная якорная стоянка представляет собой определенный участок дна моря, зачастую среди рифов, которые в древности возвышались над водой, создавая убежище от ветра и волн¹. На таком участке дна часто можно встретить те или иные детали якорей. Кроме того, нередки находки керамики, черепицы, грузил, элементов свинцовой обшивки. Изредка встречаются монеты, гвозди, части груза (строительный камень, элементы архитектурных украшений, ручные мельницы или зернотерки).

Античные моряки пользовались стоянками только в таких местах, где самой природой была создана защита от ветров, — далеко выдающимися в море мысами, песчаными косами, бухтами². Дно моря на таких стоянках не всегда плотно держало якорь, поскольку прибрежные части дна Керченского пролива состоят из мелкого и пылеватого песка с линзами и прослоями глинистого ила с высоким содержанием (5–45%) ракушки и раковинного детрита³. Дно заливов и бухт, примыкающих к проливу, представлено отложениями лиманного типа, т.е. глинистыми илами, ракушкой, реже суглинком и супесью. Кроме того, берега открытой части пролива местами подвержены волновому разрушению, которое создает в прибрежной части слои глины, тогда как лучшими грунтами для постановки на якорь считаются вязкие грунты: ил, песчаный ил, глина, глинистый ил. Плохим считается дно, состоящее из скальных плит, валунов⁴.

Таким образом, в целом Керченский пролив представляет собой не очень пригодное место для постановки на якорь. Слабоцементированные пески, текущие илы либо, наоборот, плотные глины в купе с несовершенным устройством античного якоря не дают ему надежной держащей силы. На таких грунтах якорь зачастую «не забирает» дна, т.е. скользит по грунту, что предопределяет дрейф самого судна. Исключением являются лишь воды заливов и бухт, где влияние волн и ветра на стоящее на якоре судно минимально в любое время года, и поэтому тип грунта дна здесь не играет большой роли. Таким образом, уже первые пришедшие в Керченский пролив античные суда неизбежно должны были столкнуться с тем, что встать на якорь в любом месте пролива можно лишь на короткое время и при отсутствии сильного ветра, во всех остальных случаях необходимо искать защиту от ветра в рельефе самого берега.

Как в наше время, так и в античности господствующими ветрами, которые приносили шторма, были ветра восточные и северо-восточные⁵. Таким образом, наибольшей опасности подвергалось судно, входящее в Керченский пролив с юга, — сильный встречный ветер мог отнести его как к северной части м. Такиль, так и вынести в открытое море. Защиту от северных ветров на азиатском берегу пролива давали мысы Панагия и Тузла, косы Тузла и Чушка, Таманский залив, а на крымском берегу мысы Такиль, Ак-Бурун, Фонарь, Керченская бухта и некоторые другие (рис. 1).

¹ Сударев, Шамрай 2013, 507.

² Шамрай 2009, 150.

³ Шнюков, Аленин 1981, 107–108.

⁴ Шарлай 2011, 51.

⁵ Благоевлин 1962, 11.

Рис. 1. Расположение якорных стоянок античного времени в Керченском проливе

Fig. 1. Location of anchorages of ancient times in the Kerch Strait

Нередко убежище от господствующих в проливе ветров предоставляли как раз те мысы, окрестности которых усеяны каменными рифами, они не только опасны для мореплавания, но и, при попадании якоря на них, зачастую заклинивают его намертво, т.е. поднять якорь становится невозможно. В особенности это касается античных деревянных якорей, которые крепились к судну посредством каната. Канат, сделанный из какого-либо растительного материала – липовой коры, папируса (Theophr. V. 7. 5; 8. 4) и т.п., в случае соприкосновения с камнем довольно быстро перетирался и обрывался. По всей видимости, именно обрыв каната чаще всего был причиной потери якоря в античное время. Другими слабыми

местами конструкции были шток и рога якоря, которые были сделаны из дерева и при длительном использовании теряли свою надежность – ослабевали скрепляющие детали якоря узлы, древесина приходила в негодность под действием трения о подводные камни и от деятельности морских организмов. При заклинивании среди камней шток или рога такого якоря могли просто обломаться. При этом и металлический якорь, появившийся уже в начале V в. до н.э. (Herod. IX. 74), не отличался продольной прочностью на излом, поскольку часты находки именно обломанных частей железных якорей (рис. 2).

Совокупность всех этих факторов, т.е. характер грунта, несовершенная конструкция якоря и слабые на обрыв канаты, заставляли моряков античности искать удобные для постановки на якорь районы пролива. С течением времени в таких районах образовались якорные стоянки. Необходимо оговориться, что в период навигации античного времени, т.е. с апреля по октябрь, шторма и даже шквальные ветры в Керченском проливе относительно редки, что не требовало обязательной

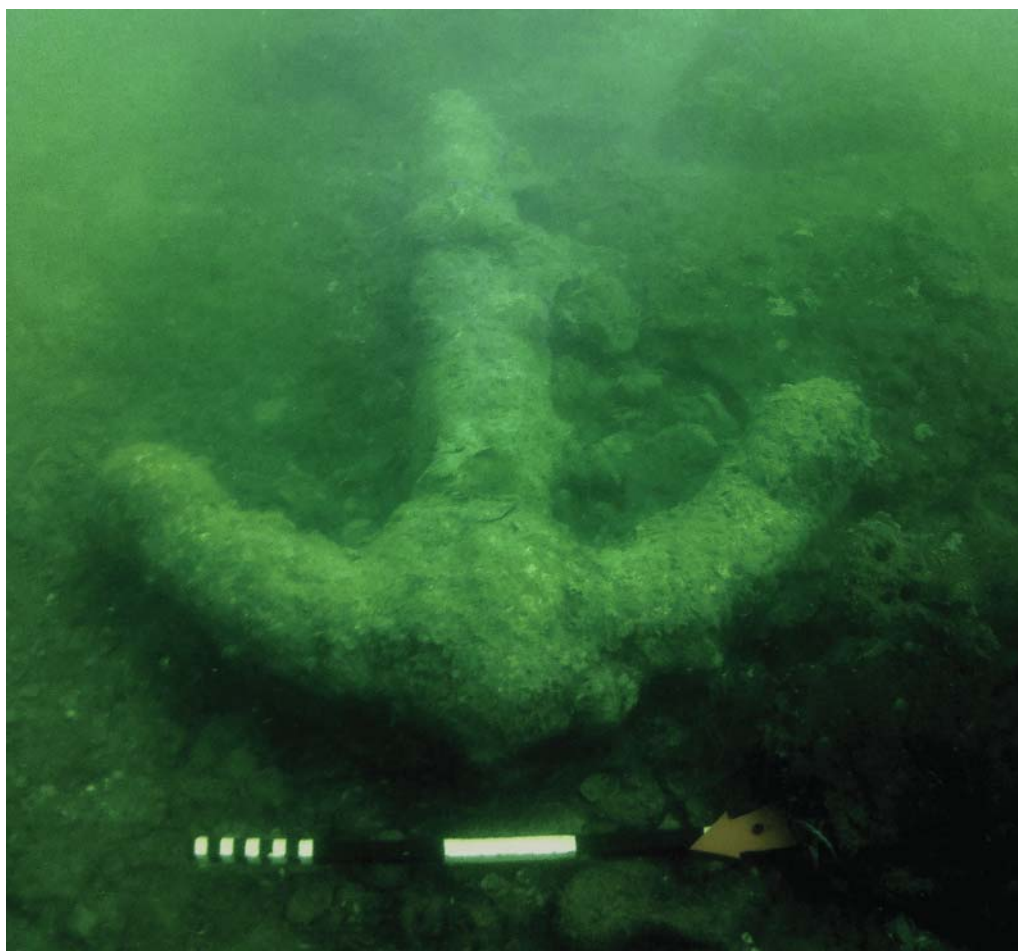

Рис. 2. Железный якорь античного времени.

Fig. 2. Iron anchor of ancient times

стоянки в хорошо защищенном месте типа залива или бухты. Очевидно, вполне подходило относительно защищенное мысом или косой место с удобным грунтом, поскольку мы знаем, что существовали стоянки, открытые для северо-восточного ветра. Это, например, стоянки у юго-западного берега пролива, у таких городов, как Нимфей, Акра, Китей. Необходимо сказать, что у мыса Такиль, который создавал защиту от северных ветров для стоящих у Китея судов, якорной стоянки античного времени к настоящему времени не обнаружено.

Реконструкция палеоберегов Таманской части пролива, напротив, показывает наличие хорошо защищенных стоянок у м. Тузла, который в античное время выдавался далеко на юго-запад. Возможно, здесь мы имеем дело с крупным навигационным узлом античного мореплавания⁶. Пришедшие с моря суда могли ожидать здесь попутного ветра для входа вглубь Керченского пролива⁷. Аналогичная ситуация была в древности у м. Панагия, где природой был создан своего рода залив или практически полностью закрытая бухта, отделенная от моря грядой выступающих из воды скал. Подобную реконструкцию можно провести при анализе подробной карты подводных рифовых участков, которые сейчас представлены отдельными скоплениями мшанкового известняка и уходят до 1,5 км в море. В древности они, без сомнения, возвышались над водой либо отдельными скалами, либо сплошными косами песка или глины между участками известняка.

Возможно, на выбор стоянки влияло наличие на берегу удобных мест для высадки, источников воды, близость проходящих по берегу дорог и поселений. Так, например, мы знаем якорную стоянку античного времени у м. Тузла, существовавшую, судя по находкам керамики, с конца VII или с первой половины VI вв. до н.э.⁸, и расположенное рядом поселение (возможно, Корокондама⁹), существовавшее, судя по находкам на расположенном рядом некрополе, с VI в. до н.э.¹⁰. Подобная стоянка более позднего времени – IV в. до н.э.¹¹ – существовала и у м. Панагия. К тому же времени относятся поселения на берегу Волна-2 и Волна-3¹². Аналогичная ситуация на противоположном – Крымском – берегу, где якорные стоянки античного времени расположены вблизи поселений. Так, подводные исследования у скалы Камень Корабль (окрестности горы Опук) выявили обширную якорную стоянку (существовавшую, судя по находкам, до VIII–XII вв. н.э.), на которой встречаются якорные штоки античного времени, в том числе каменные штоки, которые можно уверенно датировать VI–V вв. до н.э.¹³.

Что касается северной части пролива, то здесь наличие Керченской бухты и Таманского залива делало якорные стоянки удобными в любое время года, не говоря уже о том, что порты в этих местах могли быть оборудованы далеко выходящими в море причалами. Необходимо отметить, что дно Таманского залива, каким оно было в древности, сейчас полностью занесено иловыми наносами, в силу этого определить наличие якорных стоянок здесь кажется маловероятным.

⁶ Кондрашев 2000, 160.

⁷ Сударев, Шамрай 2013.

⁸ Шамрай 2015, 252.

⁹ Strabo XIV, II, 8.

¹⁰ Сорокина 1957, 8.

¹¹ Шамрай 2010, 479.

¹² Паромов 1992, 461–464.

¹³ Зинько, Шамрай 2009, 452–453.

Рис. 3. Якорный камень
Fig. 3. Anchor stone

Другая проблема наблюдается в определении мест стоянок судов в Керченской бухте. Здесь последние сотни лет существует крупный порт, дно моря постоянно искусственно углубляется, что, несомненно, привело к уничтожению большей части якорных стоянок античного времени.

Исследование стоянок в открытой, южной, части пролива показывает, что они, по всей видимости, служили лишь пунктами для ожидания попутного ветра для входа в пролив. Скорее всего, перегрузка части привезенного товара либо получение припасов с берега в этих местах осуществлялись путем выгрузки его на малые суда и лодки, которые и осуществляли непосредственную связь с берегом. Косвенно тот факт, что на якорных стоянках осуществляли перегрузку товара или припасов посредством малых судов, подтверждает то, что среди свинцовых, каменных и железных деталей якорей, оставшихся от торговых судов, встречается огромное количество якорных камней, т.е. небольших (до 25 кг) глыб камня твердых пород, на которых сделаны примитивные насечки для крепления каната¹⁴. Впрочем, несмотря на огромное число находок таких камней, они не подлежат датировке, т.к. использовались на протяжении долгого периода времени вплоть до современности при постановке рыболовных снастей. Единственное, что говорит о древности таких якорных камней, – их массовая находка среди античных якорей иных типов. Так, в районе Тузлинского рифа, в том числе на античной якорной стоянке (в районе скалы №6 и скалы №7), только за период 1979–1982 гг. было найдено 56 якорных камней (рис. 3), при том, что деталей всех остальных якорей, т.е. свинцовых, каменных и железных, было найдено всего 16, 6 и 6 соответственно¹⁵.

Из-за подъема уровня Черного моря за последние два тысячелетия в настоящее время море в районе якорных стоянок намного глубже. Общепринято считать,

¹⁴ Кулагин, Окорочков 2016, 63–64.

¹⁵ Шамрай 2003, 280.

что это повышение уровня моря со времен античности составило в районе Керченского пролива от 4,5 до 5,5 м¹⁶. При этом существование якорных стоянок позволяет отчасти уточнить эти данные. Дело в том, что свинцовые и каменные штоки – единственное, что остается от древнего деревянного якоря, – лежат сейчас на дне моря, как правило, совершенно открыто, точно так же они расположены и на поверхности рифов. Известны многочисленные факты находок каменных и свинцовых деталей якорей (т.е. якорей классического и эллинистического периодов) на глубине в 5,1–5,4 м. Необходимо принять во внимание, что осадка торгового судна античного времени грузоподъемностью в 20–25 тонн была примерно полтора метра, как это, например, показывает реконструкция судна *Kirenia*¹⁷. Такими были самые малые из античных судов, которые могли совершать морские переходы. Далее необходимо учесть, что между дном моря и килем судна должна оставаться некая толща воды, необходимая для безопасного маневрирования на стоянке. Таким образом, глубина моря в районе постановки на якорь античного среднетоннажного судна должна быть не менее двух метров.

Кроме того, если принять во внимание подъем уровня моря на 4,5–5,5 м, то окажется, что все якоря, найденные в наше время на глубине 5,0–5,3 м, в античности были утеряны на незначительной глубине в 0,8–0,5 м. Сложно предположить, что в этом случае они сохранились бы до наших дней. Таким образом, расположение якорей показывает нам, что уровень моря, по крайней мере, в районе Керченского пролива, поднялся с античного времени не более чем на 4 м. Т.е. античное судно, с которого был брошен якорь, найденный в наше время на глубине 5,1–5,4 м, сбросило его на глубине в 1,5–2 м. Этот пример можно проиллюстрировать находкой якорных штоков античного времени в окрестностях Тузлинского рифа. Здесь на глубинах 5,1 и 5,4 м среди скал рифа № 6 найдены три фрагмента античных якорей, а именно: каменный шток деревянного якоря V–IV вв. до н.э., свинцовые наполнители деревянного штока VI–II вв. до н.э., остатки железного якоря римского времени¹⁸.

Приняв во внимание эти данные, можно внести некоторые уточнения в реконструкцию древней береговой линии. Так, на месте одной из хорошо изученных стоянок у м. Панагия такая реконструкция показывает нам, что в античности здесь имела хорошо защищенная бухта, в которой отсиживались корабли. Глубина этой бухты достигала 6 м, исходя из того факта, что большинство античных якорей было найдено в наше время на глубине 8–10 м. Бухта была ограждена от моря с востока и юга косой, которая начиналась от мыса Панагия и, постепенно изгибаясь на запад, образовывала бухту. Сама коса при этом была сложена из глыб мшанкового известняка, который в настоящее время образует собой подводный риф, вершины которого лежат на глубине 1–5 м.

Помимо некоторых уточнений палеогеографического характера, якорная стоянка может помочь и в определении географических представлений античности. Так, периплы, вероятнее всего, определяли точку отсчета начала пути от той или иной гавани или якорной стоянки, и надежная локализация хотя бы одной такой

¹⁶ Папомов 2016, 102.

¹⁷ Steffy 1985, 100.

¹⁸ Шамрай 2003, 281.

стоянки поможет уточнить расположение тех или иных поселений античного Боспора, чье местоположение точно не установлено.

Находки якорей могут пролить свет и на динамику экономического развития региона, в частности, торговых отношений с Грецией. Так, тщательное изучение массы находок на одной якорной стоянке может показать нам время, когда она зародилась; в какие периоды приходило большее число кораблей (т.к. сами по себе те или иные детали якоря могут датироваться, правда, в довольно широком временном диапазоне 100–300 лет). Например, на лучше всего изученной стоянке у м. Тузла только за период с 1982 по 1984 гг. было найдено более 20 античных якорей торговых судов и до 70 якорных камней. Кроме того, в тот же период на стоянке было обнаружено до 80 фрагментов античной керамики. Эти данные позволили локализовать центр стоянки (на удалении 1,5 км от современной линии берега) и надежно датировать время ее появления первой половиной VI в. до н.э. по находкам фрагментов амфор «круга Клазомен»¹⁹. Последующие исследования показали, что здесь более часты находки керамики второй половины VI в. до н.э. из различных производственных центров Ионии. Находки якорей на этой стоянке многочисленны, самые ранние якоря относятся также к VI в. до н.э. (каменные штоки), поздние – уже к византийскому периоду.

В заключение необходимо добавить, что в теории современной археологии такой вид памятника, как «якорная стоянка» неизвестен, а, соответственно, и нет единого представления о процессах формирования таких стоянок, не определены их археологические признаки и научная значимость как археологического источника²⁰. Это связано в первую очередь с тем, что якорные стоянки изучаются относительно недолгое время. Ни одна из стоянок не исследована в данный момент достаточно подробно, чтобы можно было говорить, например, о ее границах или временных рамках ее существования.

ЛИТЕРАТУРА

- Благоволлин, Н.С. 1962: *Геоморфология Керченско-таманской области*. М.
- Зинько, В.Н., Шамрай, А.Н. 2009: Подводные археологические наблюдения и разведки у горы Опук. *БИ XXI*, 449–458.
- Кондрашев, А.В. 2000: Корабельная стоянка у мыса Тузла в Керченском проливе. *Таманская старина* 3, 159–160.
- Кулагин А.В., Огороков, А.В. 2016: Типология форм древних якорей. *ВПА*. М., 63–73.
- Паромов, Я.М. 1992: *Археологическая карта Таманского полуострова*. М.
- Паромов, Я.М. 2016: Уровень моря у берегов Таманского полуострова в античное и средневековое время. В сб.: *Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства Таманского терминала СУГ и нефтепродуктов: Материалы археологической научной конференции* (Краснодарский край, Темрюкский р-н, пос. Волна, апрель, 2016). Краснодар, 91–102.
- Сорокина, Н.П. 1957: Тузлинский некрополь. (*Труды Государственного исторического музея XXVI*). М.
- Сударев, Н.И., Шамрай, А.Н. 2013: Рейдовая якорная стоянка Корокондамы (по материалам подводных разведок 2011–2012 гг.). *БЧ XIV*, 506–513.

¹⁹ Шамрай 2003, 288.

²⁰ Сударев, Шамрай 2013, 512.

- Шамрай, А.Н. 2003: Гавань и якорная стоянка античной Корокондамы (по материалам подводных наблюдений и разведок 1979–1984 гг.). *БЧ* IV, 277–290.
- Шамрай, А.Н. 2009: Локализация узлового навигационного пункта Азиатского Боспора – Корокондамы. *БИ* XXI, 144–163.
- Шамрай, А.Н. 2010: Комплекс свинцовых штоков античных якорей у мыса Панагия (по материалам подводных археологических разведок 1985 г.). *БЧ* XI, 479–486.
- Шарлай, Г.Н. 2011: *Управление морским судном*. Владивосток.
- Шнюков, Е.Ф., Аленкин, В.Ф., Путь, А.Л. 1981: *Геология шельфа УССР: Керченский пролив*. Киев.
- Steffy, R. 1985: The Kyrenia Ship: An Interim Report on Its Hull Construction. *AJA* 89/1, 71–101.

REFERENCES

- Blagovolin, N.S. 1962: *Geomorfologia Kerchensko-tamanskoy oblasti* [Geomorphology of the Kerch and Taman Region]. Moscow.
- Zin'ko, V.N., Shamray, A.N. 2009: Podvodnye arheologicheskie nabludeniya i razvedki u gori Opuk [Underwater archaeological observations and surveys at the Opuk Mount]. *Bosporskiye issledovaniya* [Bosporus Studies] 22, 449–458.
- Kondrashev, A.V. 2000: Korabelnaya stoyanka u mysa Tuzla v Kerchenskom prolive [Ship Parking at Cape Tuzla in the Kerch Strait]. *Tamanskaya starina* [Taman antiquity] 3, 159–160.
- Kulagin, A.V., Okorokov, A.V. 2016: Tipologiya form drevnykh yakorey [Typology of forms of ancient anchors]. *Voprosy podvodnoy arheologii* [Issues of underwater archaeology] 63–73.
- Paromov, Y.M. 1993: *Arheologicheskaya karta Tamanskogo poluostrova* [Archaeological map of the Taman Peninsula]. Moscow.
- Paromov, Y.M. 2016: Uroven' moray u beregov Tamanskogo poluostrova v antichoe i srednevekovoe vremya [The level of the seas and shores of the Taman Peninsula in ancient and medieval times]. *Materialy arheologicheskoy nauchnoy konferentsii (Krasnodarskiy krai, Temryukskiy r-n, pos. Volna, aprel 2016)* [Materials of the archaeological scientific conference (Krasnodar region, Temryuksky district, Volna settlement, April 2016)]. Krasnodar, 91–102.
- Sorokina, N.P. 1957: Tuzlinskiy nekropol [Tuzla Necropolis]. In: *Trudy gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Proceedings of the State Historical Museum] 26. Moscow, 63.
- Sudarev, N.I., Shamrai, A.N. 2013: Reidovaya yakhornaya stoyanka Korokondamy (po materialam podvodnykh razvedok 2011–2012 gg.) [Korokondama anchorage (based on the materials of underwater exploration 2011–2012)]. *Bosporskie chteniya* [Bosporan Readings] 14, 506–513.
- Shamray, A.N. 2003: Gavan' i yakornaya stoyanka antichoy Korokondamy (po materialam podvodnykh nabludeniya i razvedok 1979–1984 gg.) [Harbor and anchorage of ancient Korokondama (based on underwater observations and surveys 1979–1984)]. *Bosporskie chteniya* [Bosporan Readings] 4, 277–290.
- Shamray, A.N. 2009: Lokalizatsiya uzlovogo navigatsionnogo punkta Aziatskogo Bospora-Korokondamy [Localization of the navigation point of the Asian Bosporus-Korokondama]. *Bosporskiye issledovaniya* [Bosporus research] 21, 144–163.
- Shamray, A.N. 2010: Kompleks svintsovykh shtokov antichnykh yakorey u mysa Panagia (Po materialam podvodnykh arheologicheskikh razvedok 1985 g.) [Complex of antique lead rods at Cape Panagia (based on the materials of underwater archaeological surveys 1985)]. *Bosporskie chteniya* [Bosporan readings] 11, 479–486.
- Sharlay, G.N. 2011: *Upravlenie morskim sudnom* [Driving a marine vessel]. Vladivostok.
- Shnyukov, E.F., Alenkin, V.F., Put, A.L. 1981: *Geologia shelfa USSR: Kerchenskiy proliv* [Geology of the USSR shelf: Kerch Strait]. Kiev.
- Steffy, R. 1985: The Kyrenia Ship: An Interim Report on Its Hull Construction. *American Journal of Archaeology* 89/1, 71–101.

ANCIENT ANCHORAGE IN THE KERCH STRAIT

Vasiliy M. Petrovskiy

Saratov Chernyshevsky State University, Saratov, Russia

petrovskiyvm@yandex.ru

Abstract. This paper discusses the ancient anchorages in the Kerch Strait. These anchorages were formed in those places where ancient ships often anchored in anticipation of a tailwind to enter the strait. Currently, they represent areas of the seabed on which anchors and their details are scattered. Usually, the anchorages are located not far from settlements that were situated on the shore and their time frames coincide. The study of anchorage allows to clarify the chronology of their occurrence and development, as well as to determine the types of anchors. The typology of anchors gives an idea of the types of ships that sailed along the ancient Kerch Strait. Besides the position of the anchorage can make additions to the paleographic representations of the region: indicate the places of ancient bays, sand spits, capes, which are now destroyed as a result of sea level rise.

Keywords: underwater archaeology, Kerch Strait, ancient navigation, chronology, anchors, trade routes, rising sea level

ПУБЛИКАЦИИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2020), 132–138
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2020), 132–138
© Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-1-67-132–138

ШЛЕМ ТИПА «МОНТЕФОРТИНО» ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ГОРОДЕЦКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

А.Е. Негин

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний
Новгород, Россия*
aenegin@mail.ru

Аннотация. В статье впервые вводится в научный оборот частично фрагментированный бронзовый шлем типа «Монтефортино», поступивший в 2016 г. из частной коллекции в фонды Городецкого историко-художественного музейного комплекса (Инв. № ГРМ ВХ/1659). Данный экземпляр был случайно найден на территории Краснодарского края, и об обстоятельствах его обнаружения нет никаких сведений, способных дать дополнительные материалы к его интерпретации. Шлем покрыт толстым слоем коррозии и фрагментирован – верхняя часть, а также левая сторона его тульи отсутствуют. Несмотря на это, на основании анализа деталей и формы сохранившихся частей данное боевое наголовье можно отнести к широко распространенным в римской армии шлемам типа «Монтефортино» («Montefortino»), а не к типу «Манхайм» («Mannheim» или же «Coolus»). Автор анализирует сходные по форме образцы римских и этруско-италийских шлемов и на основании сравнительного анализа датирует эту случайную находку 150–50 гг. до н.э. Такая датировка предполагает, что попадание шлема на территорию Северо-Западного Предкавказья могло быть связано с событиями эпохи Митридатовых войн (89–63 гг. до н.э.). Данная случайная находка дополняет корпус находок «монтефортинских» шлемов в Восточной Европе. Совершенно очевидно, что каждый новый обнаруженный экземпляр античного защитного вооружения представляет несомненный интерес для антиковедения и археологии, поскольку расширяет наши знания о культурных и военнотехнических взаимовлияниях на периферии античного мира.

Ключевые слова: римское оружие, защитное вооружение, доспех, шлемы

Данные об авторе: Негин Андрей Евгеньевич – доктор исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и классических языков ИМОИ ННГУ.

Рис. 1. Шлем типа «Монтефортино» из коллекции Городецкого историко-художественного музейного комплекса (Инв. № ГРМ ВХ/1659) (фото автора)

Fig. 1. "Montefortino" type helmet from the collection of the Gorodetsky Historical and Art Museum (Inv. № ГРМ ВХ/1659) (author's photo)

В 2016 г. в коллекцию Городецкого историко-художественного музейного комплекса от Н.Ф. Полякова (г. Городец) поступил бронзовый шлем (Инв. № ГРМ ВХ/1659)¹. Предмет был приобретен в Краснодарском крае. Об обстоятельствах находки, к сожалению, ничего неизвестно. Шлем покрыт толстым слоем коррозии и фрагментирован – верхняя часть, а также левая сторона его тульи отсутствуют. Нижний край шлема образует слабо профилированный полый валик, переходящий на его задней части в небольшой наклонный назатыльник. На сохранившейся правой стороне, на нижней кромке имеется пара отверстий, а также ещё одно отверстие с сохранившейся в нем заклепкой. Эти парные отверстия предназначались для приклёпывания шарнира, на котором был подвешен нащёчник шлема. Присутствие в данном случае одного лишнего небольшого отверстия, рядом с заклепкой, может свидетельствовать о переделке крепления нащёчника. На это также может указывать сохранившийся биокоррозийный след на внутренней поверхности шлема, идущий от отверстия с заклепкой. Возможно, это след кожного подбородочного ремня, благодаря которому шлем удерживался на голове, после демонтажа нащёчников. Форма сохранившейся части тульи полусферическая, без вытянутости. Ее высота составляет 15 см, ширина (диаметр) – 21 см. Длина тульи вместе с назатыльником – 24,5 см. Ширина назатыльника в широкой части – 3,5 см. Высота обода по нижнему краю – 1,4 см. Расстояние между отверстиями под заклепки для шарнирного крепления нащёчников – 1,5 см.

Несмотря на отсутствие верхушки тульи у описываемого экземпляра, по ряду признаков его все же можно отнести к шлемам типа «Монтефортино», а не «Манхайм»². На это, прежде всего, указывает слабо профилированный полый валик по нижней кромке шлема, не столь выраженный и гораздо более узкий (либо вообще отсутствующий) на шлемах типа «Манхайм». Кроме того, на шлемах типа «Манхайм» в основном сохранились не парные, а одиночные отверстия под заклепки, предназначенные не для крепления нащёчников (шарнирное крепление нащёчников монтировалось чаще при помощи двух заклепок), а для подбородочного ремня. Также на назатыльнике шлема из коллекции Городецкого историко-художественного музейного комплекса не прослеживается отверстие на назатыльнике, предназначенное под заклепку ремennого крепления, характерного для шлемов «Манхайм». Таким образом, этот шлем принадлежит к наиболее поздним разновидностям шлема типа «Монтефортино», к переходной форме от типа «Риети» к типу «Буггенум»³ (Монтефортино С и D по Г.Р. Робинсону⁴) развивается из шлемов варианта «Риети» в середине I в. до н.э. Его отличительной чертой является почти полусферическая тулья и, в отличие от

¹ Благодарю за возможность изучения и публикации шлема Н.Ф. Полякова, а также хранителя фондов Городецкого краеведческого музея Н.Н. Лукошкину.

² Бронзовые шлемы типа «Манхайм» отличаются от шлема типа «Монтефортино» полусферической формой тульи, у которой имеется назатыльник и отсутствует навершие. Впоследствии их стали именовать еще как «Кулю» (также по месту находки). О шлемах типа «Манхайм» («Кулю») см.: Robinson 1975, 26–29; Schaaf 1988, 322–323; Waurick 1990, 13–18; Paddock 1993, 640–685; Feugère 1994, 41–46; Junkelmann 2000, 66. О шлемах типа «Монтефортино» см.: Couissin 1926, 260–262; Robinson 1975, 13–25; Waurick 1990, 18–27; Paddock 1993, 469–639; Garsia-Muriño Múzquiz 1993; Feugère 1994, 36–41, 79–81; Quesada Sanz 1999; Junkelmann 2000, 52–66.

³ Это название впервые употребил в своей диссертации Г. Ваурик. См.: Waurick 1976.

⁴ Robinson 1975, 18–22.

предшествующих модификаций, видоизмененный назатыльник. В то время, как у более ранних подтипов назатыльник был расположен по отношению к затылочной части тульи так, что образовывал косо спадающую заднюю стенку шлема, в новой разработке назатыльник образует прямой угол по отношению к почти вертикальной затылочной стенке тульи. Таким образом, шлем из собрания Городецкого историко-художественного музейного комплекса, имеющий косо спадающий назатыльник, немного более ранний. Точной аналогии нашему шлему, которая бы совпадала во всех мельчайших деталях, среди археологического материала не наблюдается. Наиболее близкими аналогиями являются шлемы из Инки (Майорка)⁵, Александрии (Италия)⁶ (датируемые 150–100 гг. до н.э.), а также из Альбенги⁷ (датировка 100–50 гг. до н.э.) в Италии, из коллекции Кастеллани⁸ (100–50 гг. до н.э.), а также из рек Арно (150–50 гг. до н.э.)⁹, Купа¹⁰ (50 г. до н.э.) и Липпе¹¹ (50 г. до н.э. – 50 г. н.э.).

Касательно появления шлемов типа «Монтефортино» на территории Северного Причерноморья, Северо-Западного Предкавказья, Нижнего Поволжья и на Нижнем Дону написано уже довольно много¹². По нашему мнению, проникновение этрусско-италийских и сходных с ними кельтских шлемов было связано с целой серией разных причин и событий, и продолжалось на всем протяжении периода III–I вв. до н.э. В более узком контексте появление наиболее поздних модификаций шлема типа «Монтефортино», сходных с экземпляром из коллекции Городецкого краеведческого музея, вполне может быть связано с событиями эпохи Митридатовых войн¹³, в то время, как проникновение шлема типа «Буггенум» на описываемые территории можно связывать либо с событиями 45–49 гг. н.э. на Боспоре (Тас. Ann. XII. 15–20), когда здесь находились римские войска под командованием Диция Галла и Гая Юлия Аквиллы, либо с аланским походом 72 г. в Закавказье (Ios. Ant. Iud. XVIII. 4. 97).

К сожалению, обстоятельства находки шлема из собрания Городецкого историко-художественного музейного комплекса неизвестны, что не позволяет уверенно его датировать и интерпретировать пути попадания на территорию Северо-Западного Предкавказья, однако факт его переделки (удаление нащёчников и замена их подбородочным ремнем) позволяет предполагать переиспользование местным населением. Данная случайная находка дополняет корпус находок «монтефортинских» шлемов в Восточной Европе¹⁴, и, вне зависимости от контекста находок, каждый новый экземпляр представляет несомненный интерес для антиковедения

⁵ Garsia-Mauriño Múzquiz 1993, 108, fig. 17.

⁶ Peola 1940, 38.

⁷ Lamboglia 1952, 183–187; Paddock 1993, 480, 505, 616 (№ 127–130).

⁸ Paddock 1993, 552, fig. 163 (№ 113).

⁹ Paddock 1993, 554, fig. 165 (№ 119).

¹⁰ Lipperheide 1896, 231; Paddock 1993, 554, fig. 165 (№ 118).

¹¹ Klumbach 1974, 19–20; Paddock 1993, 554, fig. 164 (№ 116).

¹² Здесь нет надобности воспроизводить все гипотезы и дискуссии, отсылаем заинтересованного читателя к соответствующей литературе. См.: Раев 1988, 36; Раев, Симоненко, Трейстер 1990, 124; Щукин 1994, 143; Прокопенко 2010; Симоненко 2010, 137–147; Симоненко 2014, 254–262.

¹³ Раев 1988, 36; Раев, Симоненко, Трейстер 1990, 124.

¹⁴ В Восточной Европе учтено 19 находок таких шлемов, двух гибридов с элементами Монтефортино и двух подражаний им. См. каталог находок в: Симоненко 2014, 276–277.

и археологии, поскольку расширяет наши знания о культурных и военно-технических взаимовлияниях на периферии античного мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Прокопенко, Ю.А. 2010: Находки этруско-италийских шлемов в Центральном Предкавказье. В сб.: М.Б. Мужухоев (отв. ред.), *Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа*. Магас, 292–296.
- Раев, Б.А. 1988: Бронзовый шлем из коллекции Новочеркасского музея. *КСИА* 194, 36–38.
- Раев, Б.А., Симоненко, А.В., Трейстер, М.Ю. 1990: Этруско-италийские и кельтские шлемы в Восточной Европе. В кн.: *Древние памятники Кубани*, 117–135.
- Симоненко, А.В. 2010: *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. СПб.
- Симоненко, А.В. 2014: Шлемы сарматского времени из Восточной Европы. *Stratum plus* 4, 249–284.
- Щукин, М.Б. 1994: *На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе*. СПб.
- Couissin, P. 1926: *Les Armes Romaines. Essai sur les origines et l'évolution des armes individuelles du légionnaire romain*. Paris.
- Feugère, M. 1994: *Les casques antiques: Visages de la guerre de Mycènes à l'Antiquité tardive*. Paris.
- Garsia-Mauriño Múzquiz, J. 1993: Los cascos de tipo Montefortino en la península Iberica. *Complutum* 4, 95–146.
- Junkelmann, M. 2000: *Römische Helme*. Mainz am Rhein.
- Klumbach, H. 1974: *Römische Helme aus Niedergermanien. Katalog einer Ausstellung in Rheinischen Landesmuseums Bonn*. Köln.
- Lamboglia, N. 1952: La nave romana di Albenga. *Rivista di Studi Liguri* XVIII, 3–4, 131–203.
- Lipperheide, F.F. von. 1896: *Antike helme*. München.
- Paddock, J. 1993: *The Bronze Italian Helmet: The development of the Cassis from the last quarter of the sixth century B.C. to the third quarter of the first century AD.*: Ph.D. Thesis University of London.
- Peola, P. 1940: *Protostoria e romanità nell'Agro Alessandrino*. Alessandria.
- Quesada Sanz, F. 1999: Montefortino-type and Related Helmets in the Iberian Peninsula: A Study in Archaeological Context. *Journal of Roman Military Equipment Studies* 8, 151–166.
- Robinson, H.R. 1975: *The Armour of Imperial Rome*. London.
- Schaaf, U. 1988: Etruskisch-Römische Helme. In: A. Bottini (Hrsg.), *Antike Helme: Sammlung Lipperheide und andere Bestände des Antikenmuseums Berlin*. Mainz, 318–326.
- Waurick, G. 1976: *Die Römischen Militärhelme von der Zeit der Republik bis ins 3. Jn. N. Chr.* Mainz.
- Waurick, G. 1990: *Helme in Caesars Heer*. Mainz.

REFERENCES

- Couissin, P. 1926: *Les Armes Romaines. Essai sur les origines et l'évolution des armes individuelles du légionnaire romain*. Paris.
- Feugère, M. 1994: *Les casques antiques: Visages de la guerre de Mycènes à l'Antiquité tardive*. Paris.
- Garsia-Mauriño Múzquiz, J. 1993: Los cascos de tipo Montefortino en la península Iberica. *Complutum* 4, 95–146.
- Junkelmann, M. 2000: *Römische Helme*. Mainz am Rhein.

- Klumbach, H. 1974: *Römische Helme aus Niedergermanien. Katalog einer Ausstellung in Rheinischen Landesmuseums Bonn*. Köln.
- Lamboglia, N. 1952: La nave romana di Albenga. *Rivista di Studi Liguri* XVIII, 3–4, 131–203.
- Lipperheide, F.F. von 1896: *Antike helme*. München.
- Paddock, J. 1993: *The Bronze Italian Helmet: The development of the Cassis from the last quarter of the sixth century B.C. to the third quarter of the first century AD.*: Ph.D. Thesis University of London.
- Peola, P. 1940: *Protostoria e romanità nell'Agro Alessandrino*. Alessandria.
- Prokopenko, Yu.A. 2010: Nakhodki etrusko-italiyskikh shlemov v Tsentralnom Predkavkaze [Finds of Etruscan-Italian helmets in the Central Ciscaucasia]. In: M.B. Muzhukhoev (ed.), *Problemy khronologii i periodizatsii arkheologicheskikh pamyatnikov i kultur Severnogo Kavkaza. XXVI «Krupnovskie chteniya» po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Problems of the chronology and periodization of archaeological sites and cultures of the North Caucasus]. Magas, 292–296.
- Quesada Sanz, F. 1999: Montefortino-type and Related Helmets in the Iberian Peninsula: A Study in Archaeological Context. *Journal of Roman Military Equipment Studies* 8, 151–166.
- Raev, B.A. 1988: Bronzovy shlem iz kollektsii Novoherkasskogo muzeya [Bronze helmet in the Novoherkassk Museum]. *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii* [Brief Communication of the Institute of Archaeology RAS] 194, 36–38.
- Raev, B.A., Simonenko, A.V., Trejster, M.Yu. 1990: Etrusko-italiyskie i kel'tskie shlemy v Vostochnoy Evrope [Etruscan-Italian and Celtic helmets in Eastern Europe]. In: *Drevnie pamyatniki Kubani* [Ancient Sites of the Kuban], 117–135.
- Robinson, H.R. 1975: *The Armour of Imperial Rome*. London.
- Schaaf, U. 1988: Etruskisch-Römische Helme. In: A. Bottini (hrsg.), *Antike Helme: Sammlung Lipperheide und andere Bestände des Antikenmuseums Berlin*. Mainz, 318–326.
- Shchukin, M. B. 1994: *Na rubezhe er. Opyt istoriko-arkheologicheskoy rekonstruktsii politicheskikh sobytiy III v. do n.e. I v. n. e. v Vostochnoy i Tsentralnoy Evrope* [At the turn of eras. The experience of historical and archaeological reconstruction of political events from the 3rd century BC to the 1st century AD in Eastern and Central Europe]. Saint Petersburg.
- Simonenko, A.V. 2010: *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomorya* [Sarmatian Riders of the Northern Black Sea Region]. Saint Petersburg.
- Simonenko, A.V. 2014: Shlemy sarmatskogo vremeni iz Vostochnoy Evropy [Helmets of Sarmatian period from Eastern Europe]. *Stratum plus* 4, 249–284.
- Waurick, G. 1976: *Die Römischen Militärhelme von der Zeit der Republik bis ins 3. Jn. N. Chr.* Mainz.
- Waurick, G. 1990: *Helme in Caesars Heer*. Mainz.

THE MONTEFORTINO-TYPE HELMET IN THE GORODETS LOCAL HISTORY MUSEUM

Andrey E. Negin

Lobachevsky State university of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia
aenegin@mail.ru

Abstract. The article is the first publication of a bronze Montefortino-type helmet acquired by the Historical and art museum complex of Gorodets in 2016 (Inv. No. GRM VH/1659). It was

accidentally found in the Krasnodar Territory, and its provenance is unknown. The helmet is covered with a thick layer of corrosion and is fragmented (the upper part and the left side of its crown are missing). Despite this, based on the analysis of the details and the shape of the remaining parts, this combat headgear can be attributed to the Montefortino-type helmets widely used in the Roman army, but not the Mannheim type ("Mannheim" or "Coolus "). The author examines similar samples of Roman and Etruscan-Italic helmets and, based on comparative analysis, draws a conclusion that this helmet dates this accidental find to 150–50 BC. Such dating suggests that appearance of this helmet on the territory of the Northwestern Ciscaucasia could be associated with the events of the Mithridatic Wars (89–63 BC). This casual find adds the list of the Montefortino-type helmets from Eastern Europe and the each new piece is of undoubted interest for the historians and archaeologists, as it extends our knowledge of the cultural and military-technical interactions on the periphery of the ancient world.

Keywords: Roman armament, defensive armament, armour, helmets

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2020), 139–153
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2020), 139–153
© Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-1-67-139–153

ЧЕШУЙЧАТЫЙ ШЛЕМ ИЗ ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА «ВОЛНА-1» (ТЕМРЮКСКИЙ РАЙОН, КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ)

И.А. Гараев, И.В. Цокур

ООО «Ирида», пос. Волна, Краснодарский край, Россия
gia1987@yandex.ru; naslediekk@mail.ru

Аннотация. В статье публикуется чешуйчатый шлем, найденный в погребении № 773 грунтового могильника «Волна-1», который расположен в юго-западной части Таманского полуострова, поблизости от пос. Волна. Погребений с предметами вооружения на территории могильника раскопано немало, однако такой элемент защитного вооружения, как шлем совершенно нехарактерен как для могильника «Волна-1», так и для региона в целом. Следует отметить, что подобный шлем найден впервые. Всего известно семь чешуйчатых шлемов, происходящих с территории Приднепровья, но все они отличаются от публикуемого принципом набора пластин, а также конструкцией нащечников и назатыльника, которые, наряду с наносником, имеют сходство с античными бронзовыми шлемами, распространившимися в Северном Причерноморье к IV в. до н.э. Это говорит о том, что в одном изделии мастер совместил оружейные традиции Эллады и Северного Причерноморья, придерживаясь все же местных вкусов. Поэтому, вероятно, шлем был изготовлен в мастерской одного из городов Европейского или Азиатского Боспора по заказу обеспеченного и влиятельного человека. Помимо шлема, в погребении был открыт богатый инвентарь, представленный предметами наступательного вооружения: меч, наконечники стрел и копий, украшения из бронзы, предметы быта и столовой посуды. Состав личных вещей и погребальных приношений дает основание полагать, что в погребении № 733 захоронен представитель верхушки воинского сословия, и позволяет датировать погребение серединой – второй половиной IV в. до н.э.

Ключевые слова: классическая археология, Северное Причерноморье, грунтовый могильник, погребение, предметы вооружения, керамика, шлем, типология

В 2014 г. в 4,5 км к северо-западу от п. Волна и 4,1 км от пересечения дорог на пос. Волну и мыс Тузла на юго-западной окраине ст. Тамань в Темрюкском районе Краснодарского края был открыт грунтовый могильник «Волна-1». С 2015 по 2018 гг. сотрудниками ООО «Ирида» совместно с экспедицией Института археологии РАН были проведены охранно-спасательные археологические работы, могильник полностью исследован (рис. 1). Экспедицией ООО «Ирида» было откры-

Данные об авторах: Гараев Илья Александрович – аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории исторического факультета Армавирского государственного педагогического университета, младший научный сотрудник ООО «Ирида»;

Цокур Ирина Васильевна – научный сотрудник ООО «Ирида».

то 782 погребения и 352 комплекса¹. В погребениях могильника найдено немало предметов наступательного вооружения и единицы оборонительного. Поэтому особого внимания заслуживает находка чешуйчатого шлема из погребения № 773.

Погребение представляло собой яму прямоугольной формы, углубленную в слой материковой глины, длиной 2,37 и шириной 1,84 м. Длинной осью яма ориентирована по линии северо-восток–юго-запад, заполнена слоем мелкой ракушки толщиной 0,5 м, в котором были открыты два костяка. От костяка 1 сохранились отдельные кости. Рядом с костяком были найдены височные кости, судя по которым можно предположить, что этот костяк принадлежал женщине² (рис. 1, *IA, IB*).

В погребении были открыты предметы вооружения, керамики и украшений.

Вдоль северной стенки ямы, напротив правого плеча костяка 2, располагались фрагменты втульчатого наконечника копья. Перо остролистной формы без ребра, овальное в сечении, было направлено острием к восточной стенке ямы. Диаметр втулки – 26 мм, ширина пера – 29 мм (рис. 2, *3I*). Справа от втулки наконечника копья был обнаружен железный нож с дугообразно изогнутым полотном и пластинчатой рукоятью. На рукояти сохранились остатки дерева и костяной накладки в виде прямоугольной пластины, которая крепилась к рукояти при помощи двух бронзовых заклепок. Размеры ножа: длина – 93 мм, ширина рукояти – 14 мм, ширина полотна – 24 мм (рис. 2, *II*).

К западу от наконечника копья и ножа компактной группой располагались железные втульчатые трехлопастные наконечники стрел (8 экз.) длиной 25–38 мм, диаметр втулки – 6–7 мм, длина втулки – 8–15 мм (рис. 2, *13–17*). У северной стенки ямы, напротив таза костяка 2, находился сильно деформированный железный шлем, уложенный на затылочную часть³. Шлем состоял из полусферической тульи и подвижных нащечников (рис. 3, *1–9*). Общая глубина шлема 177 мм. Ширина в лобной части 183 мм, продольный диаметр от лобной части до затылка – 203 мм. Купол шлема собран из 5-ти рядов железных пластин с округлым нижним краем разного размера, уложенных по принципу «рыбьей чешуи», каждая пластина в ряду перекрывает соседнюю, в то время как верхний ряд перекрывает нижний. Ряды пластин набирались снизу вверх и справа налево. Пластины пришивались к кожаной основе сквозь отверстия, расположенные по краям⁴. Высота этих пластин составляла 40 мм, ширина – 26 мм, толщина 1,5–2 мм. Каждая пластина четырех верхних рядов пришивалась к кожаной основе шлема при помощи пяти отверстий – трех у верхнего края и двух у левого. Соседние пластины перекрывали друг друга на 5 мм, в свою очередь верхний ряд перекрывал нижний на 18 мм.

¹ Материалы хранятся в Таманском музейном комплексе, филиале ГБУК КК «Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д.Фелицына».

² Определение провела А.Н. Абрамова, лаборант, научный сотрудник Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына, аспирант Волгоградского государственного университета.

³ Авторы выражают искреннюю благодарность за реставрацию шлема В.А. Дымченко, художнику-реставратору, сотруднику Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына.

⁴ Ковалев, Полин 1991, 44; Данилко, Куприй 2006, 121–122.

Рис. 1. Карта расположения грунтового могильника «Волна 1», 2015–2018 гг. Темрюкский район, Краснодарский край

Fig. 1. Map of the location of the Necropolis of Volna-1. Temryuk district, Krasnodar Territory

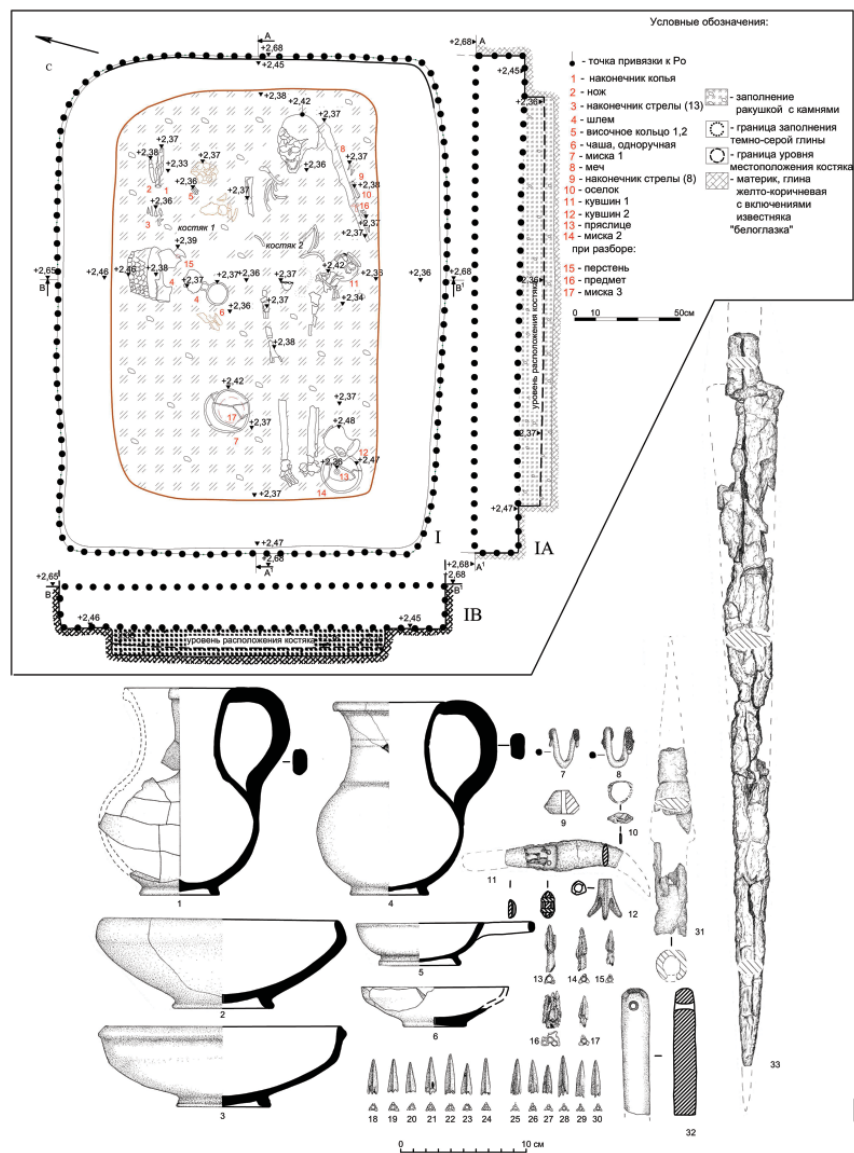

Рис. 2. Грунтовый могильник «Волна 1». Погребение 773: I—план захоронения; IA, IB—участок по линии AA1, BB1. 1–33—инвентарь погребений: 1,4—кувшин; 2,3,6—чаша; 5—одноручная чаша; 7,8—височное кольцо; 9—прялка; 10—кольцо; 11—нож; 12—подвеска; 13–30—наконечники стрел; 31—наконечник копья; 32—оселок; 33—меч. Материал: 1–6, 9—керамика; 7,8,10,12,18–30—бронза; 13–17, 31, 33—железо; 32—камень

Fig. 2. Necropolis of Volna-1. Burial 773: I—burial plan; IA, IB—section along the line AA1, BB1. 1–33 – inventory of burials: 1,4—a pitcher; 2,3,6—a bowl; 5—a one-handed bowl; 7,8—a temporal ring; 9—a spinning wheel; 10—a ring; 11—a knife; 12—an object; 13–17, 31, 33—iron; 32—stone

Первый, самый нижний ряд, был набран из почти плоских прямоугольных пластин высотой 54 мм и шириной 23 мм, находящихся друг на друга на 9–11 мм.

Примечательно, что нижние и правые края каждой пластины, т.е. те, которые не перекрываются соседними, загнуты внутрь, образуя своеобразную «фаску». Очевидно, что такая форма пластин не случайна. Возможно, таким образом им придавалась дополнительная жесткость и обеспечивалась защита от «прогибания» при нанесении удара сверху, а также лучшее примыкание к соседней пластине, поскольку края с «фаской» никак не прикреплялись к кожаной основе, а совершенно плоский край имел бы зазор с соседней пластиной при пришивании.

Завершает свод тульи большая пластина, овальная форма которой восстанавливается по фрагменту длиной 95 мм и шириной 52 мм. Пластина крепилась поверх верхнего ряда чешуек при помощи заклепок⁵. Вся конструкция купола шлема стягивалась, как обручем, длинной пластиной, которая охватывала его по окружности снизу, и крепилась заклепками к нижнему краю пластин первого ряда. Этот элемент имел очень важное значение. Во-первых, он придавал устойчивость всей конструкции купола и обеспечивал плотную фиксацию шлема на голове. Во-вторых, лицевая сторона пластины имеет надглазные дуги, в центре переходящие в наносник шириной 17 мм, сохранившийся не полностью. Ширина левой, практически целой, дуги составляет 68 мм, от правой сохранился фрагмент, примыкающий к наноснику, и фрагмент у виска. Надглазные дуги с наносником являются не только художественным элементом, придавая шлему выразительность, но и прекрасно защищают верхнюю половину лица. В-третьих, затылочная часть пластины расширяется книзу до 64 мм, образуя небольшой назатыльник от уха до уха, прикрывавший нижнюю часть черепа и верхний шейный отдел. В области ушей пластина имеет дугообразные вырезы 20 x 15 мм, служащие слуховыми окнами. В-четвертых, именно к этой пластине крепились подвижные нащечники. В области носа крепился наносник ромбической формы с прямоугольным выступом над носом. Полностью сохранился левый нащечник, от правого до нас дошла лишь нижняя половина. Края нащечников, обращенные к лицу, имеют вырезы, благодаря чему на уровне подбородка образуются выступы треугольной формы, а сами края плавно продолжают линию надглазных дуг. В свою очередь противоположные края нащечников достигают слуховых отверстий, продолжая линию уже этих вырезов. Нижняя часть нащечников полукруглой формы с заостренным концом. По краю шлема не выявлено ни одного отверстия для крепления подшлемника или подкладки, хотя по периметру как нащечников, так и тульи шлема прослеживается след от канта из какого-то органического материала шириной 5 мм. Возможно, роль подшлемника играла кожаная основа, на которую пришивались пластины тульи, и дополнительная фиксация по периметру не требовалась. Но в таком случае создавали бы неудобство заклепки и «стежки», не прикрытые дополнительным слоем подкладки. Поэтому, скорее всего, подшлемник надевался отдельно, слегка выступая за контуры шлема, и загибаясь по периметру при ношении, в результате чего и образовался такой след.

⁵ Ковалев, Полин 1991, 44; Данилко, Куприй 2006, 121–122.

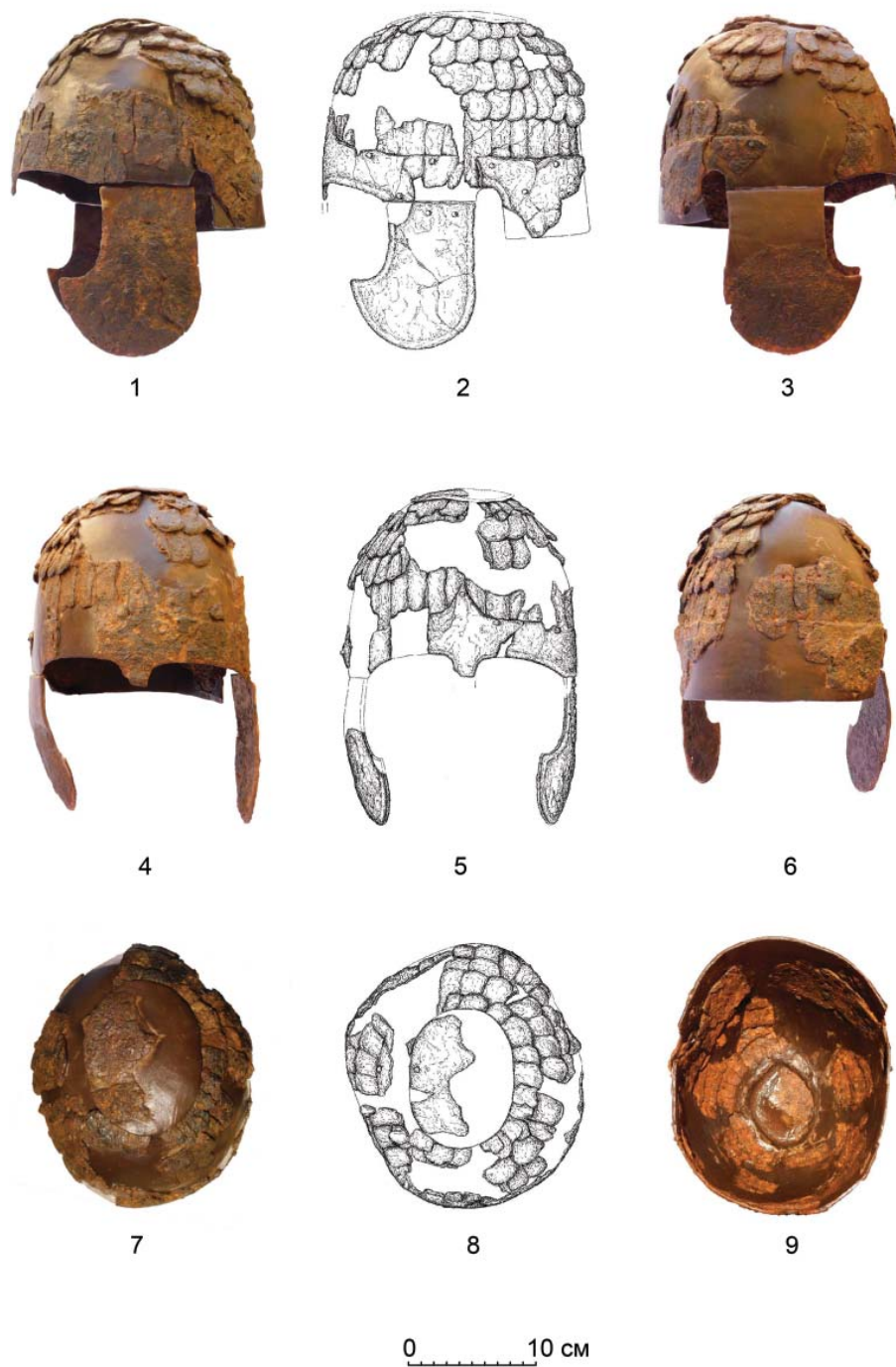

Рис. 3. Грунтовый могильник «Волна 1». Погребение 773: 1-9— шлем.
Fig. 3. Necropolis of Volna-1. Dig 4. Burial 773: 1-9—helmet

Из украшений, принадлежавших костяку 1, были найдены два височных кольца. Они располагались к югу от наконечника копья, возле фрагментов черепа костяка 1. Височные кольца из бронзовой проволоки, круглой в сечении, в виде спирали в 2,5 оборота. Концы заострены. На концах не полностью сохранились накладки в виде цилиндрических трубочек, украшенных ложной зернью, изображающих стилизованные грозди винограда⁶. Размеры: височное кольцо 1: диаметр – 34 мм, сечение проволоки – 4 мм; височное кольцо 2: диаметр – 30 мм, сечение проволоки 4 мм (рис. 2, 7–8).

К северу от таза костяка 2 находилась чернолаковая одноручная чаша. Край венчика закруглен. Венчик отогнут наружу. Бортик округлый. Тулово полусферической формы. Ручка в сечении овальной формы. Дно плоское на низком кольцевом поддоне. На дне с внешней стороны нанесено граффити в виде знака «X». Датируется 2–3-й четвертью IV в. до н.э.⁷. Диаметр венчика – 102 мм, диаметр дна – 64 мм, высота – 34 мм, ручка – 40 x 8 x 5 мм (рис. 2, 5).

Западнее чернолаковой чаши, справа от берцовой кости костяка 2, находилась гончарная красноглиняная миска 1. Край венчика закруглен. Венчик загнут внутрь. Бортик округлый. Тулово полусферической формы. Внутренняя поверхность украшена по окружности 2 узкими полосами, нанесенными красной краской. Дно плоское на кольцевом поддоне. Размеры: диаметр венчика – 197 мм, диаметр дна – 81 мм, высота – 71 мм. Под миской 1 находилась миска 3. Край венчика горизонтально заглажен. Венчик прямой. Бортик округлый. Тулово усеченно-конической формы. Дно плоское на ложнокольцевом поддоне (рис. 2, 2). Размеры: диаметр венчика – 118 мм, диаметр дна – 51 мм, высота – 31 мм. Датируется второй четвертью V в. н.э.⁸.

Между черепом костяка 2 и южной стенкой ямы располагался железный меч, направленный острием к южной стенке. Перекрестье и навершие отсутствовали, клинок обоюдоострый, линзовидный в сечении, в форме вытянутого треугольника. Длина сохранившегося фрагмента – 598 мм, ширина клинка у основания – 62 мм, ширина рукояти – 22 мм (рис. 2, 33). Несмотря на то, что меч был сильно корродирован, удалось восстановить его форму и отнести к мечам синдо-меотского типа, у которых переход от основания клинка к рукояти оформлен под углом, близким к прямому. Такие мечи были распространены в IV – начале III в. до н.э.⁹

Вдоль лезвия меча, с внешней стороны, находились бронзовые наконечники стрел (13 экз.). Они лежали разрозненно, и были направлены остриями в разные стороны. Все наконечники подразделяются на несколько типов, по А.И. Мелюковой¹⁰:

– к отделу III, типу 8 относится 7 трехгранных наконечников стрел со скрытой втулкой, треугольной головкой и опущенными вниз в виде шипов концами граней (рис. 2, 18–24);

– к отделу II, типу 6 относится 5 трехлопастных наконечников стрел со скрытой втулкой, треугольной головкой и небольшим ложком. Концы лопастей свисают в виде шипов разной длины (рис. 2, 25–29);

⁶ Силантьева 1976, 123.

⁷ Rotroff 1997, 329, fig. 58, № 856, 857; Егорова 2009, 132, № 414, рис. 26; Rotroff 1997, 329, fig. 58, № 856, 857; Егорова 2009, 133, № 420, рис. 26.

⁸ Коровина 1987, 17, рис. 14; 2002, табл. 16, 4; Кашаев 2009, 203, 209.

⁹ Эрлих 1991, 79–83, табл. 5, рис. 5, 3, 4.

¹⁰ Мелюкова 1964, 28, рис. 1.

– к отделу II, типу 4 относится один трехлопастной наконечник стрелы с треугольной головкой, небольшой втулкой и ложком до середины грани. Концы лопастей оформлены в виде коротких шипов (рис. 2, 30).

Около полотна меча находился каменный оселок прямоугольной формы с закругленными углами размером 100 x 22 x 18 мм. На одном конце расположено отверстие круглой формы для подвешивания диаметром 9 мм (рис. 2, 32).

У левого крыла таза костяка 2 находился гончарный красноглиняный кувшин 1. Край венчика скошен наружу. Венчик отогнут наружу. Горло раструбом. Ручка в сечении овальной формы. Тулово шаровидной формы. Дно плоское на кольцевом поддоне. Диаметр венчика кувшина 91 мм, диаметр тулова – 127 мм, диаметр дна – 66 мм, высота – 166 мм, сечение ручки – 105 x 20 x 11 мм (рис. 2, 1).

У левой берцовой кости костяка 2 располагались кувшин 2, миска 2 и пряслице. Кувшин 2 – гончарный, красноглиняный. Край венчика закруглен. Венчик отогнут наружу. Горло раструбом, плавно переходит в тулово шаровидной формы. По верхнему и нижнему основанию горла, по окружности, проходят узкие желобки. Ручка в сечении прямоугольной формы. Тулово шаровидной формы. Дно плоское на кольцевом поддоне. Высота кувшина 155 мм, диаметр венчика – 92 мм, диаметр тулова – 117 мм, диаметр дна – 63 мм, ручка – 100 x 20 x 10 мм (рис. 2, 4).

Миска 2 – гончарная, красноглиняная. Край венчика скошен наружу. Венчик отогнут наружу, отделен от тулова широким желобком. Тулово полусферической формы. Дно плоское на кольцевом поддоне. Диаметр венчика миски – 199 мм, диаметр дна – 76 мм, высота – 65 мм (рис. 2, 3).

В миске 2 находилось сероглиняное пряслице биконической формы. Диаметр – 11–28 мм, высота 19 мм (рис. 2, 9). При разборке погребения под шлемом был найден перстень из бронзовой проволоки, круглой в сечении, с щитком. Щиток овальной формы, изображение на щитке не читается. Размеры: диаметр – 15 мм, щиток – 16 x 8 мм (рис. 2, 10).

Под полотном меча был найден бронзовый, цельнолитой предмет в форме цилиндра. На одном из концов расположены три когтевидных выступа, расходящихся в разные стороны. Предмет имеет продольное конусовидное отверстие, предназначавшееся для продевания шнура и фиксации узла на его конце. Диаметр – 12 мм, высота – 32 мм (рис. 2, 12). Его расположение под полотном меча позволяет предположить, что он являлся темлячной подвеской, но не исключается также его использование в качестве утяжелителя плетки. Размеры: диаметр – 11,5 мм, высота – 32 мм (рис. 2, 12).

Под миской 1 находилась гончарная красноглиняная миска 3. Край венчика горизонтально заглажен. Венчик прямой. Бортик округлый. Тулово усеченно-конической формы. Дно плоское на ложнокольцевом поддоне. Размеры: диаметр венчика – 118 мм, диаметр дна – 51 мм, высота – 31 мм (рис. 2, 6).

Анализ инвентаря показывает, что наиболее широкое распространение наконечников копий отмечено в пределах IV – начала III в. до н.э.¹¹. Железные втульчатые трехлопастные наконечники стрел, которые по типологии А.И. Мелюковой можно отнести к I типу, датируются IV–III вв. до н.э.¹². Бронзовые трехгранные наконечники стрел (отдел III, тип 8) датируются IV–III вв. до н.э. Трехлопастные

¹¹ Мелюкова 1964, 40–42.

¹² Мелюкова 1964, 25, 29, табл. 8, 9.

наконечники стрел (отдел II, тип 6) датируются V–IV вв. до н.э. Все бронзовые наконечники стрел имеют аналогии с инвентарем из погребений курганов Подонья и Прикубанья, где они датируются рубежом V–IV вв. до н.э. В Северном Причерноморье наибольшее распространение они получают в конце IV – III в. до н.э.¹³

Широкие аналогии находят височные подвески, которые датируются IV–III вв. до н.э.¹⁴

Как видно из описания, конструкция шлема уникальна и точных аналогий ему не существует. Его основу образует тулья, набранная из железных пластин или чешуек. Возникновение таких защитных наголовий единодушно связывается исследователями с кочевниками Северного Причерноморья. Еще в начале XX в. Э.Э. Ленцом было выдвинуто предположение о том, что, наряду с цельноковаными, у северопричерноморских скифов бытовали шлемы, набранные из пластин¹⁵. Позже его идею поддержали Э. Миннз, А.И. Мелюкова и Е.В. Черненко¹⁶. Правда, эти исследователи с осторожностью высказывались по поводу возможной реконструкции внешнего вида подобных шлемов, поскольку в их распоряжении находились только единичные фрагменты пластин, расположение которых в погребениях позволяло видеть в них элементы головного убора. Так, например, в кургане № 401 у с. Журовка были найдены две пластины, которые могли бы составлять налобную часть шлема с дугообразными вырезами¹⁷. В Каменной Могиле на нижнем Днепре было найдено несколько железных чешуек на черепе погребенного¹⁸. Подобные же фрагменты пластин найдены в кургане № 4 у с. Веремеевка на Полтавщине и среди вооружения склепа горы Васюринской¹⁹.

Раскопки конца 1960-х гг. открыли серию находок чешуйчатых шлемов в курганах Северного Причерноморья. Появилась возможность составить представление о внешнем виде этого типа защитных наголовий. На основе открытия в кургане у с. Новорозановка²⁰ отлично сохранившегося шлема, а также фрагментов из кургана № 401 у с. Журовка М.В. Гореликом была выполнена графическая реконструкция чешуйчатых шлемов²¹ и сделано предположение, что основой для набора пластин у таких шлемов служил кожаный головной убор в форме башлыка с выделенными большими наушами и назатыльником²². По своей конструкции каждый шлем индивидуален. Они состояли на вооружении местной аристократии, но в отличие от панцирей и боевых поясов не стали массовым средством личной защиты.

Все шлемы объединяла их схожая конструкция: полусферическая тулья, два нащечника и назатыльник, набранные из пластин прямоугольной формы, округлым нижним краем или без. Пластины разных размеров – от 20 до 60 мм. Это зависело от того, являются ли они частью тульи или нащечников. Все шлемы най-

¹³ Мелюкова 1964, 40–42.

¹⁴ Силантьева 1976, 123.

¹⁵ Черненко 1968, 97.

¹⁶ Черненко 1968, 96.

¹⁷ Черненко 1968, 97.

¹⁸ Мелюкова 1964, 78.

¹⁹ Черненко 1968, 97.

²⁰ Шапошникова 1970, 3, 208–209.

²¹ Горелик 2003, табл. LXII, 21–23.

²² Горелик 2003, 149.

дены в погребениях тяжеловооруженных воинов с полными наборами защитного и наступательного вооружения, располагались у изголовья за исключением шлема из кургана № 2 у с. Новифедоровка²³, который лежал у входа в камеру, и шлема из кургана № 7 у с. Новое Запорожье, лежавшего у правого локтя костяка²⁴. Отличаются шлемы принципом набора пластин, который позволяет выделить два типа. К первому типу относятся шлемы, найденные в кургане у с. Новорозановка²⁵, в кургане № 6 у с. Александровка²⁶ и, возможно, в кургане № 7 у с. Новое Запорожье²⁷. Для них характерен порядок набора пластин снизу вверх, когда пластины верхнего ряда перекрывают нижний. Во второй тип можно определить шлемы из кургана № 2 у с. Корнеевка²⁸, кургана № 2 у с. Новифедоровка²⁹, кургана у с. Гладковщина³⁰ и кургана № 2 у с. Мирного³¹. Набор пластин у этих шлемов совершенно противоположный – сверху вниз. Кроме того, шлемы этого типа имеют большую плоскую пластину круглой или полусферической формы, с которой и начинался набор пластин шлема. Пока еще трудно объяснить, в чем причина такого различия в технике набора пластин. Не исключены определенные культурные традиции, школы мастерства. Высказывалось предположение, что шлемы с набором пластин снизу лучше защищали голову воина от рубящих ударов сверху, а шлемы с обратным набором защищали лишь от стрел и копий³².

Действительно, при нанесении рубящего удара лезвие оружия легко могло проникнуть в зазор между пластинами набранными сверху, впрочем, как и стрелы с дротиками. Заманчиво предположить, что такие шлемы предназначались для защиты от колющих ударов снизу, например, при столкновении всадников с пехотой. Но в этом случае, во-первых, возникает вопрос, почему не защищалось лицо всадника, которое становилось наиболее уязвимой частью тела. Во-вторых, воины, у которых голова прикрыта от рубящих ударов сверху, становятся уязвимы для колющих ударов снизу. Отсюда можно сделать вывод, что в разных ситуациях применялись подразделения всадников, защищенных разными типами шлемов. Но этому предположению противоречит сходство погребений с чешуйчатыми шлемами по набором остальных предметов вооружения.

Возвращаясь от приведенных аналогий к нашему шлему, стоит отметить безусловную схожесть в традиции оформления верхней части тульи. Та же форма пластин, те же размеры, даже присутствует большая пластина на макушке, как у шлемов второго типа. Но в шлеме из Волны-1 все эти элементы более функциональны, видно более внимательное отношение мастера к деталям, более высокий стиль исполнения. Прежде всего, это касается пластин с загнутыми краями в виде «фаски», что давало большую прочности отдельной пластины, более плотную их соприкасаемость между собой, более надежное прикрытие «фаской» элементов

²³ Куприй 1991, 108.

²⁴ Плешивенко 1991, 148.

²⁵ Шапошникова 1970, 3, 208–209.

²⁶ Ковалева, Мухопад 1982, 91–95.

²⁷ Плешивенко 1991, 148.

²⁸ Ковалев, Полин 1991, 41, рис. 5.

²⁹ Куприй 1991, 116, рис. 5.

³⁰ Минжулин 1988, 4, 116.

³¹ Данилко, Куприй 2006, 121–124.

³² Куприй 1991, 51.

Рис. 4. Карта курганов, с находками чешуйчатых шлемов в Северном Причерноморье
Fig.4. Maps of kurgans with scaly helmets in the Northern Black Sea region

крепления пластины к кожаной основе. В свою очередь ряды этих пластин надежно прикрывались большой пластиной на макушке, что было более удачным решением по сравнению с шлемами второго типа, у которых такая пластина всегда помещалась под пластинами верхнего ряда.

Пожалуй, этим и заканчивается сходство нашего шлема с чешуйчатыми шлемами скифов. Все его остальные конструктивные элементы находят прямые параллели в античных типах боевых наголовий. Шлемов античных типов на территории Северного Причерноморья найдено чуть более 40 экземпляров³³. Правда, практически все они подвергались переделке, в результате которой удалялись

³³ Кузнецов 2001, 133.

нащечники, назатыльники и наносники, а к получившемуся ровному краю прикреплялся назатыльник из кожи или пластин³⁴. Так получался комбинированный тип шлема на основе импортного, античного. В нашем же случае мы имеем интереснейший пример комбинированного шлема, но только на основе местного, варварского, в котором были воспроизведены те конструктивные элементы, которые обычно удалялись на античных шлемах.

Возможно, объектом подражания стал какой-то греческий шлем халкидского типа, вроде шлема, открытого зимой 1839 г. под курганом на земле мирзы Кекуватского под Керчью³⁵. Как и у этого шлема, тулья нашего ограничена снизу пластиной в виде обруча. Как уже упоминалось выше, такой обруч прочно стягивал всю конструкцию шлема, придавая ей устойчивость. На лицевой стороне налобник имеет треугольный выступ, как и у халкидского шлема, который поднимался по центральной оси вверх. Симметрично вниз опускался выступ наносника, образуя вместе с надбровными дугами лицевой вырез. Подобно халкидским шлемам, наш имеет ушные вырезы на пластине обруча и выступающий назатыльник. Очень схожа с халкидскими и форма нащечников, а также способ их крепления к тулье. Например, у шлема из Керчи нащечники прикреплены к тулье с помощью шарниров и петель, а сами пластины с петлями крепились к тулье и нащечникам изнутри посредством заклепок.

Таким образом, конструкция шлема дает нам основание полагать, что шлем из погребения № 773 могильника Волна-1 является уникальным, совмещающим в себе скифские и эллинистические оружейные традиции. Вероятнее всего, шлем был изготовлен в мастерской Европейского или Азиатского Боспора мастером «варварского происхождения», использовавшим местные технологические приемы (пластины, заклепки) и имеющим в качестве примера какой-то эллинистический образец.

На Боспор традиция чешуйчатых шлемов могла прийти через Крым из Приднепровья, поскольку шесть из семи были найдены в курганах, располагавшихся вдоль русла Днепра (рис. 4). Их появление отмечается не позднее конца VI в. до н.э.³⁶ Авторами публикации погребения с чешуйчатыми шлемами датируются в пределах V – начала IV в. до н.э. Скорее всего, к этому времени традиция изготовления таких шлемов могла сойти на нет. Затухающая волна степной традиции дошла до Боспора к середине IV в. до н.э.³⁷, и здесь, столкнувшись с эллинистической, обрела новую форму в виде шлема из грунтового могильника Волна-1. Вероятно, это связано с увеличившимся притоком в степи эллинистических шлемов. Это совпадает с проведенным анализом инвентаря, который позволяет датировать погребение № 773 серединой – второй половиной IV в. до н.э.

³⁴ Сударев 1990, 107; Черненко 1968, 94, 95.

³⁵ Алексинский 2007, 109.

³⁶ Горелик 2003, 149.

³⁷ Кузнецов 2001, 133.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексинский, Д.П. 2007: Между Элладой и варварами. Введение. В кн.: М.Б. Пиотровский (ред.), *Александр Великий. Путь на Восток. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж*. М., 103–132.
- Горелик, М.В. 2003: *Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.)*. СПб.
- Данилко, Н.М., Куприй, С.А. 2006: Погребение воина-дружинника у с. Мирное. В кн.: Л.В. Строкова (ред.), *Музейні читання. Матеріали наукових конференцій 2002–2003 рр.* Киев, 119–124.
- Егорова, Т.В. 2009: *Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма*. М.
- Кашаев, С.В. 2009: Некрополь Артющенко-2. В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *Степи Евразии и история Боспора Киммерийского*. БИ XXII, 188–348.
- Ковалёв, Н.В., Полин, С.В. 1991: Скифские курганы у с. Корнеевка Запорожской области. В сб.: Ю.В. Болтрик, Е.П. Бунятян (отв. ред.), *Курганы степной Скифии*. Киев, 33–53.
- Ковалева, И.Ф., Мухопад, С.Е. 1982: Скифское погребение конца VI–V вв. до н.э. у с. Александровка. В сб.: А.И. Тереножкин (ред.), *Древности степной Скифии*. Киев, 91–102.
- Коровина, А.К. 1987: Раскопки некрополя Тирамбы. СГМИИ 8, 3–70.
- Коровина, А.К. 2002: *Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове*. М.
- Кузнецов, С.В. 2001: Античные шлемы в курганах скифской военной элиты. В кн.: В.Ю. Зуев (ред.), *Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства*. Ч. 2. СПб., 132–137.
- Куприй, С.А. 1991: Скифский курганный могильник у с. Новофёдоровка на юге Херсонщины. В сб.: Ю.В. Болтрик, Е.П. Бунятян (отв. ред.), *Курганы степной Скифии*. Киев, 108–117.
- Мелюкова, А.И. 1964: *Вооружение скифов*. (САИ. Вып. Д1-4). М.
- Минжулин, А.И. 1988: Защитное вооружение воина-лучника V–IV вв. до н.э. из кургана у села Гладковщина (реставрация и научная реконструкция). СА 4, 116–127.
- Плешивенко, А.Г. 1991: Исследование скифских курганов в Днепровском Надпорожье. В сб.: Г.Н. Тощев (ред.), *Древности Северного Причерноморья и Крыма*. Т. II. Запорожье, 143–153.
- Силантьева, И.Ф. 1976: Спиральные подвески Боспора. ТЭГ XVII, 123–137.
- Сударев, Н.И. 1990: К вопросу об античных шлемах, подвергшихся переделке. *Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ*. М., 99–109.
- Черненко, Е.В. 1968: *Скифский доспех*. Киев.
- Шапошникова, О.Г. 1970: Погребение скифского воина на р. Ингул (предварительная публикация). СА 3, 208–213.
- Эрлих, В.Р. 1991: Меотские мечи из Закубанья. В кн.: А.П. Абрамов (ред.), *Древности Северного Кавказа и Причерноморья*. М., 77–100.
- Rotroff, S. 1997: Hellenistic pottery. Athenian and imported wheelmade tableware and related material. *The Athenian Agora*. Vol. XXIX. Princeton–New Jersey.

REFERENCE

- Aleksinskiy, D.P. 2007: Mezhdru Elladoy i varvarami. Vvedenie [Between Hellas and barbarians. Introduction]. In: M.B. Piotrovskiy (ed.), *Aleksandr Velikiy. Put' na Vostok. Catalog vystavki. Gosudarstvennyy Ermitazh* [Alexander the Great. The Road to the East. Catalogue of the Exhibition. The State Hermitage]. Moscow, 103–132.
- Chernenko, E.V. 1968: *Skifskiy dospekh* [The Scythian armor]. Kiev.

- Danilko, N.M., Kupriy, S.A. 2006: Pogrebenie voina-druzhinnika u s. Mirnoe [The burial of a warrior near the village of Mirnoe]. In: L.V. Strokovaya (ed.), *Muzeyni chytannya. Materialy naukovykh konferentsiy 2002–2003 rr.* [The Museum Readings. Materials of Scientific Conference 2002–2003]. Kiev, 119–124.
- Egorova, T.V. 2009: *Chernolakovaya keramika IV–II vv. do n.e. s pamyatnikov Severo-Zapadnogo Kryma* [The black-lacquer ceramics 4th–2nd centuries BC from the sites of the North-western Crimea]. Moscow.
- Erlikh, V.R. 1991: Meotskie mechi iz Zakuban'ya [The swords of Meotians from the Kuban region]. In: A.P. Abramov (ed.), *Drevnosti Severnogo Kavkaza i Prichernomor'ya* [The antiquities of the Northern Caucasus and Black Sea Region]. Moscow, 77–100.
- Gorelik, M.V. 2003: *Oruzhie drevnego Vostoka (IV tysyacheletie – IV v. do n.e.)* [The weapons of the Ancient Orient (the Fourth millennium to the Fourth century BC)]. Saint Petersburg.
- Kashaev, S.V. 2009: Nekropol' Artyushchenko-2 [Necropolis of Artyushchenko-2 Site]. In: V.N. Zin'ko (ed.), *Stepi Evrazii i istoriya Bosporskogo Kimmeriyskogo* [The steppes of Eurasia and the history of Cimmerian Bosporus]. *Bosporskie issledovaniya* [The Bosporos Studies] XXII, 188–348.
- Korovina, A.K. 1987: Raskopki nekropolya Tiramby [The excavation of the necropolis of Tiramby]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nogo iskusstva* [Transactions of the Pushkin State Museum of Fine Arts] 8, 3–70.
- Korovina, A.K. 2002: *Germonassa. Antichnyy gorod na Tamanskom poluostrove* [Hermonassa. Ancient city on the Taman Peninsula]. Moscow.
- Kovalev, N.V., Polin, S.V. 1991: Skifskie kurgany u s. Korneevka Zaporozhskoy oblasti [The Scythian kurgans near the village of Korneevka in Zaporizhia region]. In: Yu.V. Boltrik, E.P. Bunyatyan (eds.), *Kurgany stepnoy Skifii* [The kurgans of the steppe Scythia]. Kiev, 33–53.
- Kovalyeva, I.F., Mukhopad, S.E. 1982: Skifskoe pogrebenie kontsa VI–V vv. do n.e. u s. Aleksandrova [The Scythian burial of the late 6th–5th centuries BC near the village of Aleksandrova]. In: A.I. Terenozhkin (ed.), *Drevnosti stepnoy Skifii (sbornik nauchnykh trudov)* [The antiquities of the steppe Scythia (collection of papers)]. Kiev, 91–102.
- Kupriy, S.A. 1991: Skifskiy kurgannyi mogil'nik u s. Novofedorovka na yuge Khersonshchiny [Scythian burial mound near the village of Novofedorovka in the South of Kherson region]. In: A.I. Terenozhkin (ed.), *Drevnosti stepnoy Skifii (sbornik nauchnykh trudov)* [The antiquity of the steppe Scythia (collection of papers)]. Kiev, 108–117.
- Kuznetsov, S.V. 2001: Antichnye shlemy v kurganakh skifskoy voennoy elity [Antique helmets in the kurgans of the Scythian military elite]. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona, formirovanie polisov, obrazovanie gosudarstva (materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii)* [The Bosporan phenomenon: colonization of the region, formation of poleises, formation of the state (materials of the international scientific conference)]. Pt. 2. Saint Petersburg, 132–137.
- Melyukova, A.I. 1964: *Vooruzhenie skifov* [The weapons of the Scythians]. (Svod Arheologicheskikh Istochnikov [Corpus of Archaeological Sources. Iss. D1-4]). Moscow.
- Minzhulin, A.I. 1988: Zashchitnoe vooruzhenie voina-luchnika V–IV vv. do n.e. iz kurgana u sela Gladkovshchina (restavratsiya i nauchnaya rekonstruktsiya) [Armor of a warrior-archer of the 5th–4th centuries BC from the kurgan near the village of Gladkovshchina (restoration and scientific reconstruction)]. *Sovetskaya Arkheologiya* [The Soviet Archaeology] 4, 116–127.
- Pleshivenko, A.G. 1991: Issledovaniya skifskikh kurganov v Dneprovskom Nadporozh'e [The research of the Scythian kurgans in the Dnieper region]. In: G.N. Toshchev (ed.), *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ya i Kryma* [The antiquities of the Northern Black Sea region and Crimea (collection of papers)]. Vol. II. Zaporozhe, 143–153.

- Rotroff, S. 1997: Hellenistic pottery. Athenian and imported wheelmade tableware and related material. *The Athenian Agora*. Vol. XXIX. Princeton–New Jersey.
- Shaposhnikova, O.G. 1970: Pogrebenie skifskogo voina na r. Ingul (pogrebeniye skifskogo voina na r. Ingul) [The burial of a Scythian warrior on the banks of the Ingul River (pre-publication)]. *Sovetskaya Arkheologiya* [The Soviet Archaeology] 3, 208–213.
- Silanteva, I.F. 1976: Spiral'nye podveski Bospora [The spiral pendants of the Bosphorus]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Transactions of the State Hermitage]. Vol. XVII. Leningrad, 123–137.
- Sudarev, N.I. 1990: K voprosu ob antichnykh shlemakh, podvergnutym peredelke [On the issue on the ancient helmets that have undergone alteration]. *Traditsii i innovatsii v material'noy kul'ture drevnikh obshchestv* [Traditions and innovations in the material culture of ancient societies]. Moscow, 99–109.

A SCALY HELMET FROM THE NECROPOLIS OF VOLNA-1 (TEMRYUK DISTRICT, KRASNODAR TERRITORY)

Ilya A. Garaev, Irina V. Tsokur

Ltd «Iris», village of Volna, Krasnodar Territory, Russia
gia1987@yandex.ru; naslediekk@mail.ru

Abstract. The paper is a publication of a scaly helmet found in the burial No. 773 of the Volna-1 Necropolis located in the southwestern part of the Taman peninsula, nearby the village of Volna. There are many tombs with weapons have been excavated on the territory of this necropolis. Meanwhile such element of the protective armor as a helmet is unusual for the necropolis' profile, as well as the grave goods in whole region.

It is important to note that such type of helmet was found for the first time. A total of seven scaly helmets found on the territory of the Dnieper are known, but all of them differ from the new find. Most likely, the Volna helmet was made in the workshop of some center of the European or Asian Bosphorus by the order of a wealthy and influential person. Apart from the helmet, the numerous grave goods were discovered in the tomb: a sword, arrow- and spearheads, bronze decorations, household items and tableware. The set of personal belongings and funeral offerings gives reason to believe that a representative of the military elite was buried in tomb No. 773, and it allows authors to date the burial to the middle – second half of the fourth century BC.

Keywords: classical archaeology, Northern Black Sea, necropolis, grave, weapons, ceramics, helmet, typology

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2020), 154–163
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2020), 154–163
© Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-1-67-154–163

ПРЕДЫСТОРИЯ ИЗДАНИЯ IOSPE В ДОКУМЕНТАХ НАУЧНОГО АРХИВА ИИМК РАН

Н.А. Павличенко

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия
nat.pavlichenko@gmail.com

Аннотация. В статье представлены документы из Научного архива ИИМК РАН, иллюстрирующие предысторию создания корпуса лапидарных надписей Северного Причерноморья – Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini (IOSPE). Предложение издать свод причерноморских надписей впервые было высказано И.А. Стемпковским еще в 1823 г. К началу 70-х гг. XIX в. в Германии было опубликовано несколько крупных эпиграфических корпусов. На этом фоне, учитывая также активизацию археологического изучения античных памятников Крыма и Таманского полуострова, издание корпуса причерноморских надписей стало насущной необходимостью.

В статье показана трансформация первоначального замысла А.Я. Гаркави, в 1876 г. предложившего издать корпус, аналогичный Corpus Inscriptionum Graecarum Августа Бека, куда, по его замыслу, должны были войти надписи всех типов – лапидарные надписи, керамические клейма, граффити, дипинти и монеты. Тексты документов, которые до сих пор не публиковались в полном виде, позволяют проследить, как обсуждался вопрос об издании IOSPE, увидеть хронологию решений, принимавшихся по этому поводу. Первоначально Русское археологическое общество поручило издание корпуса надписей А.Я. Гаркави совместно с Ф.Ф. Соколовым и И.В. Помяловским и рекомендовало включить в сборник греческие надписи не только Крыма и Тамани, но и Кавказа. Затем, когда вначале А.Я. Гаркави, а потом и Ф.Ф. Соколов с И.В. Помяловским по разным причинам устранились от участия в этой работе, по предложению Ф.Ф. Соколова издание IOSPE было поручено его ученику В.В. Латышеву.

Ключевые слова: южнорусские лапидарные надписи, греческая эпиграфика, Латышев, РАО, Северное Причерноморье

Данные об авторе: Павличенко Наталья Андреевна – старший научный сотрудник Отдела истории античной культуры ИИМК РАН.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-09-40115 (Древности).

Среди сборников лапидарных надписей есть несколько таких, издание которых было начато еще во второй половине XIX в. и которые, иногда с измененным названием, продолжают публиковаться вплоть до наших дней. В России таким корпусом является *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini* (IOSPE). Если судить по влиянию, оказанному им на изучение причерноморских древностей, он далеко вышел за рамки регионального корпуса надписей, каким был первоначально задуман. История его издания насчитывает уже более столетия – первый том появился еще в 1885 г., но и в первые десятилетия XXI в. продолжают выходить дополнения к нему и переиздания отдельных томов¹.

Предысторию создания IOSPE можно проследить по документам, отложившимся в фонде императорского Русского Археологического Общества (РАО).

Идея собрать все южнорусские надписи в одном сборнике принадлежала действительному члену РАО, востоковеду и гебраисту А.Я. Гаркави². 4 мая 1876 г. он представил Отделению русской и славянской археологии РАО докладную записку о необходимости публикации сборника надписей Юга России. В ней он обращает внимание на то, что «древне-эллинские памятники, найденные в Южной России, разбросаны по разным, в большинстве случаев малодоступным русским ученым изданиям, причем некоторые надписи известны пока лишь по старинным, не всегда тщательным копиям. По сему собрание в отдельном издании означенных надписей и легенд (А.Я. Гаркави предполагал, что в сборник должны были войти не только надписи, но и монеты и медали – *Н.П.*), по сличении их с оригиналами, с присовокуплением русского перевода, археологических и филологических объяснений и необходимых указателей, окажет большие услуги науке вообще и русской археологии в частности». По мнению Гаркави, наличие «свода документальных данных о греческих колониях» поможет решить вопрос о том, подвергались ли греческие колонисты «влиянию туземных народов в своих верованиях и обычаях»; результаты археологических изысканий будут «гораздо прочнее», если они будут опираться на этот свод; наконец, «имянеслов, извлекаемый из надписей, будет также весьма интересен и во многих случаях поучителен»³. В сохранившемся среди бумаг по Отделению западной и классической археологии РАО оригинале этой докладной записки присутствует также не вошедшая в ее окончательный вариант приписка. В ней пояснялось, как, по мнению Гаркави, должна быть организована работа: «... в случае принятия этого предложения, лицо, которому будет поручено собрание и издание означенного сборника, могло бы употребить летние каникулы на поездку в южную Россию для личного осмотра находящихся там памятников на месте и для снятия с них точных копий или снимков (под «снимками» имеются в виду эстампажи – *Н.П.*)...»⁴.

Предложение издать свод причерноморских надписей впервые было высказано И.А. Стемповским еще в 1823 г. Эта идея неоднократно озвучивалась раз-

¹ Яйленко 2019, 618–639.

² Тункина 2017, 255.

³ ИРАО. Т. 8. 1877. Протоколы. 583; Т. 9. 1880. Протоколы. 426–430.

⁴ НА ИИМК. Ф. 3. Д. 69. Л. 28, 28 об. Возможно, неоднократно цитированное предложение В.В. Латышева приглашать гимназических учителей для копирования керамических клейм во время летних каникул (НА ИИМК. Ф. 3. Д. 152. Л. 37, 38; Кац 2007, 77, 78), восходит именно к этому предложению Гаркави.

личными учеными и позже⁵, но дальше пожеланий дело не двигалось. К началу 1870-х гг. в Германии, помимо *Corpus Inscriptionum Graecarum*⁶, был опубликован I том *Corpus inscriptionum Atticarum* (Berolini, 1873), выросший из раздела аттических надписей корпуса Августа Бека. В 1853 г. Теодор Моммзен начал работу над *Corpus inscriptionum Latinarum*, и к 1876 г. вышло уже семь его томов, было издано также несколько более мелких региональных корпусов⁷. В то же время единственным крупным собранием греческих надписей Северного Причерноморья был включающий около 140 надписей раздел *Inscriptiones Sarmatiae cum Chersoneso Taurica et Bosporo Cimmerio* 2-го тома *Corpus Inscriptionum Graecarum* Августа Бека⁸. Между тем в это время активно исследуются Крым и Тамань, вследствие чего количество известных надписей постоянно увеличивается. Издание корпуса причерноморских надписей становится, действительно, насущной необходимостью.

Через полгода, 5 ноября 1876 г., по поручению Отделения русской и славянской археологии РАО И.В. Помяловский представляет записку А.Я. Гаркави на Общем собрании РАО⁹. На этом заседании было озвучено также дополнительное предложение Отделения русской и славянской археологии – включить в сборник греческие надписи Кавказа¹⁰. Общее собрание сочувственно отнеслось к этому проекту и поручило А.Я. Гаркави вместе с Ф.Ф. Соколовым и И.В. Помяловским образовать комиссию для выработки плана издания и «уведомить Общество как об объеме предполагаемого издания, так и о приемах, которые следует приложить к его осуществлению»¹¹.

14 января 1877 г. состоялось заседание Общего собрания РАО, на котором было доложено заявление Комиссии по обсуждению предложения Гаркави¹². В его протоколе было записано следующее решение:

«Приступив к обсуждению в частностях издания сборника надписей Северного и Восточного побережья Черного моря, Комиссия прежде всего остановилась на том, что должно войти в главных чертах в этот сборник и полагала бы дать место в нем всем известным эпиграфическим памятникам, как греческим, так и латинским, найденным на Северном и Восточном побережье Черного моря (в Крыму и на Кавказе) и берегах Азовского. Главное место в нем должны занять надписи на камне и глине (так, например, амфорные ручки); из сборника, по мнению Комиссии, следовало бы исключить надписи на вазах, резных камнях и легенды на монетах и монетообразных фигурах. Из сборника не исключаются и те немногие надписи христианского периода, которые найдены в Крыму и на Кавказе.

⁵ Тункина 1999, 180, прим. 42; 2002, 346.

⁶ Berolini, 1828–1859. Vol. I–IV.

⁷ Например, Le Bas, Waddington 1870.

⁸ CIG. Vol. II. Berolini, 1848. № 2057–2134b.

⁹ НА ИИМК. Ф. 3 Д. 100. Л. 1; Ф. 3. Д. 396. Л. 246–250; ИРАО. Т. 9. 1880. Протоколы. 427–429.

¹⁰ НА ИИМК. Ф. 3 Д. 100. Л. 1. В 1879 г., по-видимому, из-за того, что издание причерноморского корпуса неоднократно откладывалось, А.С. Уваров предложил издать найденные на Кавказе греческие и латинские надписи И.В. Помяловскому, который и представил этот сборник надписей на V Археологическом съезде в 1881 г. – Помяловский 1881, 1.

¹¹ НА ИИМК. Ф. 3 Д. 100. Л. 2–3об.

¹² НА ИИМК. Ф. 3. Д. 397. Л. 3–4 об.; ИРАО. 1880. Т. 9. Протоколы. 533.

Предполагаемый сборник, по мнению Комиссии, должен включать в себя, кроме общего введения, в котором главным образом должно быть обращено внимание на литературу предмета, 1) текст надписи, 2) ее транскрипция, 3) русский перевод и 4) краткий комментарий, в котором, кроме библиографических указаний, должны быть сделаны необходимые указания на правильное понимание главнейших трудностей памятника. К сборнику должны быть приложены подробные указатели, по образцу *Corpus Inscriptionum Latinarum* Берлинской Академии, таблицы главнейших шрифтов, встречающихся на памятниках, некоторые снимки с последних и карта Северного и Восточного побережья Черного моря¹³.

Переходя затем к финансовой стороне предполагаемого издания, Комиссия думает, что сборник в том виде, которые ему будет придан согласно ее предположениям, не будет превышать 30 печатных листов и что на расходы по этому изданию требуются приблизительно до 3000 р., из коих 2000 имеют быть издержаны на печать и рисунки, а 1000 на поездки составителя или составителей в Крым для ознакомления с местными эпиграфическими собраниями и для снятия эстампажей. Предполагая, что труд по составлению такого сборника продолжится несколько лет, Комиссия находила бы возможным разбить всю сумму 3000 руб. на четыре года и просила бы Общество вносить в течение этого промежутка времени в смету расходов особой статьей по 750 руб.». Подписанный А.Я. Гаркави, И.В. Помяловским и Ф.Ф. Соколовым «Протокол Комиссии по обсуждению предложения г. Гаркави: об издании Сборника надписей» от 22 декабря 1876 г., который отложился в делопроизводственном архиве РАО, заканчивается фразой, не вошедшей в опубликованный в ИРАО текст: «В заключении гг. Гаркави, Помяловский и Соколов изъявляют свое согласие, буде Общество найдет сие возможным, принять участие в составлении Сборника»¹⁴.

В течение следующего года вопрос об издании свода южнорусских надписей, хотя и благосклонно принятый Общим собранием¹⁵, оставался без движения. А.Я. Гаркави, вероятно, из-за того, что его обязанности в Публичной библиотеке занимали все его время и внимание¹⁶, устраняется от участия в работе над сборником. 14 января 1878 г. он напоминает Общему собранию об утвержденном Обществом предложении Славяно-Русского Отделения издать сборник Крымских греческих и латинских надписей, и предлагает обратиться к действительным чле-

¹³ В качестве образца для составления индексов В.В. Латышев использовал 3-й том *Corpus inscriptionum Atticarum* (pars I – Berolini, 1878) и первое издание *Sylloge inscriptionum Graecarum* (Lipsiae, 1883) В. Диттенберга – СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 1. Д. 6. Л. 292. В предисловии к I тому он пишет, что план издания был разработан им совместно с И.В. Помяловским и Ф.Ф. Соколовым – IOSPE. Vol. I. Petropoli, 1885. V.

¹⁴ НА ИИМК. Ф. 3. Д. 100. Л. 4, 4 об.

¹⁵ Ср. Протокол заседания Общего собрания 18 марта 1877 г. (НА ИИМК. Ф. 3. Д. 397. Л. 9 об., 10) – «Подвигая к окончанию труды уже напечатанные, Общество взяло на себя и новую задачу, которая в случае осуществления, не преминет оказать весьма важные услуги как для археологии отечественной, так и для древней вообще и эллинской в частности – это издание надписей Северного и Восточного побережья Черного моря. Необходимость этого издания чувствуется всеми археологами, которых занятия приводят к вопросам, касающимся древних поселенцев Северного берега Понта, и нигде оно не может быть научно удовлетворительно исполнено, кроме России, никем, кроме Русского».

¹⁶ С начала 1876 г. он заведовал Отделением книг на еврейском языке Публичной библиотеки – Тункина 2017, 255.

нам И.В. Помяловскому и Ф.Ф. Соколову с тем, чтобы они взяли на себя труды по составлению этого издания¹⁷. Общее собрание соглашается с предложением А.Я. Гаркави и 20 февраля 1878 г. РАО обращается к Ф.Ф. Соколову со следующим письмом: «Императорское Русское Археологическое Общество по предложению Отделения Славяно-Русской Археологии предложило издать на свои средства сборник греческих и латинских надписей северо-восточного побережья Черного моря. Высоко ценя Ваши труды в области греческой древности вообще и эпиграфики в частности, Общество решилось обратиться к Вам с просьбою: не возьмете ли Вы на себя труд составить указанный сборник. В случае Вашего на это согласия, Общество решило предложить Вам в помощники по сказанному труду своего члена И.В. Помяловского»¹⁸.

Таким образом, издание свода причерноморских надписей предлагалось передать двум исследователям, которые являются основателями российской школы латинской и греческой эпиграфики. В их биографии было много общего: они учились на историко-филологическом факультете Петербургского университета, обратились к занятиям эпиграфикой во время заграничной командировки, активно использовали в своих работах археологические и эпиграфические источники и являлись университетскими преподавателями, благодаря которым в университетские программы были введены курсы латинской и греческой эпиграфики.

Ф.Ф. Соколов отвечает на обращение РАО только 31 мая. Текст его письма Помяловскому делает вполне понятным, почему он впоследствии отказался от работы над корпусом: «Вследствие письма Вашего от 20 февраля сего года за № 23 имею честь сообщить нижеследующее. Прежде всего должен я просить у Вас и у Императорского археологического Общества прощения, что так замедлил с ответом. Причина такого замедления именно та, что предложение, делаемое Вами в означенном письме, в высшей степени лестно для меня и в то же время ставит меня в щекотливое положение. Я боюсь, что задача издать надписи, найденные в пределах России, будет выше сил моих. И кроме того, она оторвет меня от труда, которым я теперь занимаюсь — диссертации на степень доктора. С другой стороны, я подписал вместе с Вами и Гаркави предложение в Археологическое общество предпринять эту работу. Но почтеннейший Авраам Яковлевич, начавший все дело, отказывается, как Вы мне сообщили, содействовать к приведению своего собственного плана в исполнение. Это снимает и с меня ответственность.

После продолжительного и зрелого обсуждения дела я пришел к такому решению. Не отказываясь от столь лестно предлагаемой мне работы, я прошу дать мне два года на написание докторской диссертации. На этот раз, при помощи Божией, надеюсь, не заброшу означенной диссертации, что доведу труд до конца в течение двух лет. Но успею ли я или не успею написать предполагаемую мною книгу, я с 1 июня 1880 года готов взять на себя вместе с Вами работу по изданию надписей.

Простите меня, что я Вам и уважаемому обществу осмеливаюсь ставить такие условия, но именно внимательное обсуждение моего положения и моих сил привело меня к такому решению...»¹⁹.

¹⁷ НА ИИМК. Ф. 3. Д. 397. Л. 84, 84 об.; ИРАО. Т. 10. 1884. Протоколы. 63.

¹⁸ НА ИИМК. Ф. 3. Д. 100. Л. 5.

¹⁹ НА ИИМК. Ф. 3 Д. 100. Л. 6, 6 об.

В ответном письме от 29 октября 1878 г. Помяловский пишет Соколову: «Вчера мною было доложено Общему Собранию императорского Русского Археологического Общества содержание письма Вашего от 31 минувшего мая, Общество, с благодарностию принимая согласие в работах по изданию древних надписей, найденных в пределах России, не смеет стеснять сроками этих работ и готово предоставить Вам начать оные в то время, которое Вы сочтете наиболее для себя удобным. Высоко ценя Вашу подготовленность к исполнению упомянутого труда, Общество уверено, что руководимый Вашей опытной и знающей рукой, он сразу займет почетное место в нашей ученой литературе»²⁰.

Как можно было и ожидать, из-за чрезмерной загруженности занятиями в университете и в Историко-филологическом институте, которые оставляли свободными только два летних месяца, Соколов и через 2 года не смог найти время и возможность закончить диссертацию на степень доктора и обратиться к работе над корпусом²¹. Вместо себя он предложил одного из своих лучших учеников – Василия Васильевича Латышева, в 1880–1882 гг. находившегося в Греции в командировке от Министерства народного просвещения и еще до этой поездки рекомендовавшего себя «учебником греческих древностей»²². На заседании РАО 8 марта 1882 г. Соколов дает Латышеву блестящую характеристику: «...В короткое время г. Латышев приобрел необыкновенное мастерство в списывании надписей и написал целую массу прекрасных статей, из которых только часть напечатана в Журнале Министерства Народного Просвещения, а несколько статей находятся еще в распоряжении редакции. Ему удалось открыть и издать несколько новых интересных документов; из них один принадлежит к числу редких памятников – сенатус-консульты Римской Республики, притом II века до Р. Хр. Энергия г. Латышева поистине изумительна, как согласится всякий, кто прочитает все его работы, сделанные в продолжении неполных 20 месяцев. Сенатус-консульт претора Г. Гостилия Манцина – плод трех недель путешествия в зимнее время в Южной Фессалии, где г. Латышеву приходилось голодать, мокнуть под дождем и списывать камни, лежа в снегу... Всякая новая работа г. Латышева представляет новый шаг в его научной зрелости. Надобно удивляться его глубоким познаниям в греческих древностях, точности издания текстов, зрелости суждения, полноте указаний на литературу всякого специального вопроса...»²³.

Латышев отвечает согласием, 19 апреля 1882 г. он пишет И.В. Помяловскому следующее: «...Получив вчера почтенное письмо Федора Федоровича Соколова с извещением о том, что императорское Археологическое Общество по Вашему и его ходатайству имеет намерение предложить мне в высшей степени почетное поручение заняться сличением и снятием копий греческих надписей, найденных в пределах южной России, для издания их Обществом в виде особого сборника, спешу выразить Вам свою искреннейшую, глубокую признательность за честь, которой я буду удостоен благодаря Вам, за Вашу добрую память о бывшем слуша-

²⁰ НА ИИМК. Ф. 3 Д. 100. Л. 8.

²¹ ИРАО. Т. 10. 1884. Протоколы. 439; Варнеке 2013, 123–129; Жебелев 1993, 192, 193.

²² НА ИИМК. Ф. 3. Д. 399. Л. 99 об.; Латышев 1880.

²³ НА ИИМК. Ф. 3 Д. 100. Л. 9–10 об.; ИРАО. Т. 10. 1884. Протоколы. 438–442. Еще более хвалебная характеристика эпиграфических публикаций Латышева за октябрь 1881 – октябрь 1882 г. была представлена И.В. Помяловским для Комиссии РАО по присуждению больших медалей на заседании Общего собрания 16 марта 1884 г (НА ИИМК. Ф. 3. Д. 399. Л. 98–114 об.).

теле Вашем и теплое к нему участие и заверить Вас, что я постараюсь употребить все свои слабые еще силы и всю свою энергию для возможно лучшего исполнения этого лестного поручения, тем более, что оно вполне сходится с моею давнишнею, задушевною мечтой поработать именно в этом направлении на пользу нашей родной русской филологической и исторической науки. Позволю себе надеяться, что при личном свидании после моего возвращения из Эллады (которое по моим семейным обстоятельствам должно будет последовать в ближайшем будущем) Вы не откажете любезно сообщить мне и план проектированного Археологическим Обществом издания южно-русских эпиграфических памятников и необходимые инструкции для приведения его в исполнение...»²⁴.

Соколов просил РАО ходатайствовать перед И.Д. Деляновым, министром народного просвещения, продлить стипендию Латышева (1800 рублей в год) еще на один год. Судя по письму Ф.Ф. Соколова к В.К. Ерншедту, Делянов был «расположен» к Латышеву²⁵ и 10 июня 1882 г. это ходатайство было удовлетворено²⁶. Осенью Латышев приступает к работе. Ряд документов из фонда РАО иллюстрирует начальный период работы над составлением свода причерноморских надписей. Прежде всего, это переписка РАО с различными музеями и частными лицами о предоставлении доступа к коллекциям лапидарных надписей – с графом А.С. Уваровым по поводу надписей из поступившей в Исторический музей коллекции Бурачкова, действительным членом ООИД, коллекционером и нумизматом И.И. Курисом, Одесским обществом истории и древностей. Сохранилось также свидетельство, выданное магистру греческой словесности, члену-сотруднику имп. Русского археологического общества В.В. Латышеву в том, что в период с 15 апреля по 1 октября 1883 г. он командирован «в разные губернии России для производства в них археологических разысканий»²⁷.

16 марта 1884 г. на заседании Общего собрания РАО обсуждался вопрос о языке готовящегося Латышевым сборника надписей. Было принято решение, что, учитывая «общенаучное значение этого сборника, который составил часть принятого Берлинской академией наук *Corpus Inscriptionum*, Совет признал бы весьма желательным, чтобы Сборник, предпринимаемый Обществом, был издан на языке латинском, подобно тому, как на этом же языке, сверх изданий Берлинской Академии, печатаются Парижским институтом *Corpus Inscriptionum Semiticarum* и Туринской Академии наук *Corpus Inscriptionum Italicarum*. ... Для того, чтобы тексты надписей сделать доступными и для любителей древности, не знающих древних языков, Совет полагал бы полезным поместить в конце издания русские переводы греческих эпиграфических текстов»²⁸.

В августе 1884 г. Латышев сделал отчет о ходе работы над 1 томом IOSPE на VI Археологическом съезде в Одессе, где представил на устроенной оргкомите-

²⁴ НА ИИМК. Ф. 3. Д. 152. Л. 1, 1 об.

²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 733. Оп. 2. Д. 194. Л. 28.

²⁶ НА ИИМК. Ф. 3. Д. 152. Л. 2, 2 об.

²⁷ НА ИИМК. Ф. 3. Д. 152. Л. 3–4 об., 6, 7, 9–13. Часть материалов о подготовке 1-го и последующих томов IOSPE (русские и латинские тексты лемм, пробные оттиски отдельных страниц) хранится в личном фонде В.В. Латышева в СПбФ АРАН (СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 1). Документы о работе над последующими томами IOSPE и по переизданию его 1-го тома в 1916 г. в фонде РАО отложились в меньшем количестве – см., например, НА ИИМК. Ф. 3. Д. 152. Л. 18–37 об.

²⁸ НА ИИМК. Ф. 3. Д. 399. Л. 149–150; ЗРАО (новая серия). I. 1886. Протоколы. LVI–LXII.

том выставке 6 пробных и корректурных листов готовящегося сборника²⁹. Весной следующего года том был опубликован, и, как известно, получил высокую оценку у российских и зарубежных исследователей³⁰.

Хотя обстоятельства, связанные с изданием IOSPE, так или иначе рассматривались исследователями³¹, хронологически последовательное рассмотрение отложившихся в Научном архиве ИИМК РАН материалов об издании IOSPE представляется не потерявшей своей актуальности и в наши дни поучительной историей создания крупного эпиграфического корпуса. Можно присоединиться к мнению А.В. Никитского, высказанного им в некрологе В.В. Латышева: «Никто у нас – да и не у нас только – не исполнил бы этого крупного труда (*создания сборника южнорусских надписей – Н.П.*) так скоро и так превосходно, как Василий Васильевич»³². Составляющими элементами его успеха были прекрасная эпиграфическая выучка, полученная у Ф.Ф. Соколова, и научная дисциплинированность – Латышев был таким же «фактопоклонником», как и его учитель. Не менее важными чертами характера были неимоверная энергичность³³ и организованность³⁴, которые также остаются образцом для подражания для нынешних составителей эпиграфических корпусов.

ЛИТЕРАТУРА

- Варнеке, Б.В. 2013: Старые филологи / Вступительная статья, подготовка текста, публикация и комментарии И.В. Тункиной. *ВДИ* 4, 123–129.
- Винберг, Н.А. 1958: Список трудов В.В. Латышева. *СА* 28, 36–53.
- Кац, В.И. 2007: *Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения)*. Симферополь–Керчь.
- Латышев, В.В. 1880: *Очерк греческих древностей. Пособие для гимназистов старших классов. Ч. I. Государственные и военные древности*. Вильна.
- Латышев, В.В. 1909: Сообщение о ходе работ по изданию общего сборника греческих и латинских надписей северного побережья Черного моря. В сб.: *PONTIKA*. СПб., 11–24.
- Помяловский, И.В. 1881: *Сборник греческих и латинских надписей Кавказа*. СПб.
- Тункина, И.В. 1999: В.В. Латышев: жизнь и ученые труды. В кн.: И.П. Медведев (ред.), *Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга*. СПб., 172–288.

²⁹ Латышев 1909, 11–24.

³⁰ В. Диттенбергер, например, писал, что Латышев уже своими ранними публикациями уже рекомендовал себя als tüchtigen Epigraphiker и высоко оценил I том IOSPE – Dittenberger 1886, 437, 438; см. также, Reinach 1886, 170. Рецензенты отмечали так же, что благодаря тому, что перевод текста надписей дан по-русски, а лемма и комментарий на латыни, достигнут удачный компромисс между интересами русских и европейских исследователей.

³¹ Тункина 1999, 180–188.

³² Яйленко 1972, 184.

³³ Так, за два года пребывания в Греции он опубликовал 10 статей, посвященных различным греческим надписям, к моменту выхода I тома IOSPE их количество удвоилось (Винберг 1958, 36, 37).

³⁴ Ф.И. Успенский так написал об этом его качестве: «Замечательно, что он мог взяться за прерванную работу по изучению какого-нибудь специального вопроса, – например, спорное чтение греческой надписи, перевод трудного текста и т.п. во всякое время, когда служебные занятия дозволяли это. Для него не было затруднения с выжиданием настроения, что для многих из нас составляет психологическую потребность, он мог работать настойчиво и с упорством, пользуясь всяким часом, который оставляли ему сложные служебные занятия» – Успенский 1926, 583, 584.

- Тункина, И.В. 2002: *Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.)*. СПб.
- Тункина, И.В. 2017: Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924). В кн.: С.А. Жебелев (ред.), *Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921. Исторический очерк*. М.
- Тункина, И.В., Фролов, Э.Д. 1993: Историографические этюды С.А. Жебелева (из неизданного научного наследия). *ВДИ* 1, 182–194.
- Успенский, Ф.И. 1926: Памяти академика В.В. Латышева. *Известия АН СССР* 20, 577–584.
- Яйленко, В.П. 1972: Александр Васильевич Никитский (К 50-летию со дня смерти). *ВДИ* 4, 175–188.
- Яйленко, В.П. 2019: Итоги развития и перспективные задачи эпиграфики античного Северного Причерноморья. *ДБ* 24, 618–654.
- Dittenberger, W. 1886: Philologie und Altertumskunde. *Deutsche Literaturzeitung* 13, 437, 438.
- Le Bas, Ph., Waddington, W.H. 1870: Inscriptions grecques et latines recueillies en Grèce et en Asie Mineure. In: Le Bas, Ph., *Voyage archéologique recueillies en Grèce et en Asie Mineure*. Paris.
- Reinach, S. 1886: Chronique d'Orient. *Revue Archéologique* VII, 145–170.

REFERENCES

- Dittenberger, W. 1886: Philologie und Altertumskunde. *Deutsche Literaturzeitung* 13, 437, 438.
- Katz, V.I. 2007: *Grecheskie keramicheskie kleyma epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniya)* [Greek ceramic stamps of the Classical and Hellenistic periods (an attempt at a complex study)]. Simferopol–Kerch.
- Latyshev, V.V. 1880: *Ocherk grecheskikh drevnostey*. Chast' I. *Gosudarstvennye i voennye drevnosti*. [Essay on ancient Greek antiquities. Pt. I. State and military antiquities]. Vilna.
- Latyshev, V.V. 1909: Soobshchenie o khode rabot po izdaniyu obshchego sbornika grecheskikh i latinskikh nadpisey severnogo poberezh'ya Chernogo morya [Communication on the progress of works for publication of a general collection of Greek and Latin inscriptions from the northern littoral of the Black Sea]. In: *ИОНИКА*. Saint Petersburg, 11–24.
- Le Bas, Ph., Waddington, W.H. 1870: Inscriptions grecques et latines recueillies en Grèce et en Asie Mineure. In: Le Bas, Ph., *Voyage archéologique recueillies en Grèce et en Asie Mineure*. Paris.
- Pomyalovskiy, I.V. 1881: *Sbornik grecheskikh i latinskikh nadpisey Kavkaza* [Collection of Greek and Latin inscriptions from the Caucasus]. Saint Petersburg.
- Reinach, S. 1886: Chronique d'Orient. *Revue Archéologique* VII, 145–170.
- Tunkina, I.V. 1999: V.V. Latyshev: zhizn' i uchenye trudy [V.V. Latyshev: life and scientific works]. In: I.P. Medvedev (ed.), *Rukopisnoe nasledie russkikh vizantinostov v arkhivakh Sankt-Peterburga* [The manuscript heritage of the Russian Byzantinists in the archives of St. Petersburg]. Saint Petersburg, 172–288.
- Tunkina, I.V. 2002: *Russkaya nauka o klassicheskikh drevnost'yakh yuga Rossii (XVIII – середина XIX в.)*. [Russian science of the classical antiquities of the south of Russia (18th to mid-19th century)]. Saint Petersburg.
- Tunkina, I.V. 2017: Biobibliograficheskiy slovar' chlenov RAO (1846–1924) [Biobibliographical glossary of members of the Russian Archaeological Society]. In: S.A. Zhebelev (ed.), *Russkoe arkheologicheskoe obshchestvo za tret'yu chetvert' veka svoego sushchestvovaniya. 1897–1921. Istoricheskiy ocherk* [The Russian Archaeological Society during the third quarter of a century of its activities. A historical essay]. Moscow.
- Tunkina, I.V., Frolov, E.D. 1993: Istoriograficheskie etyudy S.A. Zhebeleva (iz neizdannogo nauchnogo naslediya) [Historiographic sketches by S. A. Zhebelev (from the unpublished scientific heritage)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 182–194.

- Uspenskiy, F.I. 1926: Pamyati akademika V.V. Latysheva [In memory of Academician V.V. Latyshev]. *Izvestiya AN SSSR [Proceedings of the Academy of Sciences USSR]* 20, 577–584.
- Varneke, B.V. 2013: Starye filologi [The philologists of old] / Introduction article, preparation of the text, publication and comments by I.V. Tunkina. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 123–129.
- Vinberg, N.A. 1958: Spisok trudov V.V. Latysheva [List of works by V.V. Latyshev]. *Sovetskaya arkhologiya [Soviet Archaeology]* 28, 36–53.
- Yaylenko, V.P. 1972: Alexandr Vasil'evich Nikitskiy (K 50-letiyu so dnya smerti) [Alexander Vasil'yevich Nikitskiy (To the 50th death anniversary)]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 175–188.
- Yaylenko, V.P. 2019: Itogi razvitiya i perspektivnye zadachi epigrafiki [The Results of Development and Perspective Tasks of Ancient Epigraphy of the North Pontic Area]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]* 24, 618–654.

HISTORY OF *INSCRIPTIONES ORAE SEPTENTRIONALIS PONTI EUXINI*
PUBLICATION: DOCUMENTS OF THE SCIENTIFIC ARCHIVE OF
THE INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE,
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Natalia A. Pavlichenko

Institute for the History of Material Culture, RAS, Saint Petersburg, Russia
nat.pavlichenko@gmail.com

Abstract: This article deals with documents from the Scientific Archives of the Institute for the History of Material Culture (IHMC) RAS illustrating the creation history of the Corpus of Ancient Inscriptions from the Northern Black Sea Littoral – *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini* (IOSPE). The publication of a corpus of Black Sea inscriptions was first proposed by Ivan Stempkovskiy in 1823. By the beginning of the 1870s, a number of important epigraphic corpora had been published in Germany. Against this background, considering also the intensification of the archaeological studies of ancient sites of Crimea and Taman Peninsula, the issuing of a corpus of Black Sea inscriptions has become an urgent necessity.

The paper shows the transformation of the original idea of Avraham Harkavy, who in 1876 proposed to publish a corpus similar to August Boeckh's *Corpus Inscriptionum Graecarum* which, according to his project, would include inscriptions of diverse types: lapidary inscriptions, ceramic stamps, graffiti, dipinti and coins. The texts of the documents that have not been published yet in full allow us to trace back the history of the discussions of the question of IOSPE publication and the chronology of the decisions concerned this subject. Initially, the Russian Archaeological Society commissioned the publication of the corpus of inscriptions by Avraham Harkavy in cooperation with Feodor Sokolov and Ivan Pomyalovskiy and recommended to include into the collection Greek inscriptions not only from Crimea and Taman but also from the Caucasus. Subsequently, when, for various reasons, A. Harkavy and then also F. Sokolov and I. Pomyalovskiy recused themselves from participation in this work, at the suggestion of F. Sokolov the publication of IOSPE was entrusted to his disciple Vasily Latyshev.

Keywords: South Russian lapidary inscriptions, Greek epigraphy, Vasily Latyshev, the Northern Black Sea

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2020), 164–174
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2020), 164–174
© Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-1-67-164–174

ПИСЬМА А.А. БОБРИНСКОГО, К.Е. ДУМБЕРГА
И В.В. ШКОРПИЛА К В.В. ЛАТЫШЕВУ
(В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ФИЛИАЛЕ АРХИВА РАН)

Е.Г. Застрожнова

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербург, Россия
pankratova0484@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены письма председателя Императорской археологической комиссии А.А. Бобринского и директоров Керченского музея древностей К.Е. Думберга и В.В. Шкорпила, направленные В.В. Латышеву и касающиеся различных вопросов открытия, приобретения, интерпретации и изучения эпиграфических памятников, найденных на юге Российской империи в 1892–1910 гг. Благодаря анализу такого ценного архивного источника, как эпистолярное наследие ученых, становится возможным установить неизвестные ранее подробности организации и проведения археологических раскопок на территории Северного Причерноморья, проследить источники пополнения археологических коллекций, а также выявить особенности исследовательской и методической работы с такой категорией археологических находок, как эпиграфические памятники и керамические клейма.

Ключевые слова: эпиграфика, Боспорское царство, история археологического изучения, В.В. Латышев, история науки, архивные документы

В условиях интенсивно развивающейся истории отечественной археологии для комплексного понимания личности ученых крайне важно исследование не только научного, но и эпистолярного наследия, поскольку изучение системы научных коммуникаций позволяет установить взаимосвязи между наукой и властью, наукой и обществом, а также взаимодействие ученых внутри собственной, научной и личной, коммуникативной сети. Переписка выдающегося антиковеда и эпиграфиста, академика Российской Академии наук В.В. Латышева (1855–1921) до настоящего времени в полном объеме не публиковалась, в научных исследованиях по истории изучения Северного Причерноморья приводятся лишь цитаты из его писем. Между тем научная работа с комплексом этих архивных материалов позволит выявить неизвестные ранее подробности организации и проведения

Данные об авторе: Застрожнова Евгения Григорьевна – кандидат исторических наук, заведующая отделом обработки, комплектования и ведомственных архивов СПбФ АРАН.

Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-09-40115 «Научные коммуникации в отечественной археологической науке во второй половине 19 – первой четверти 20 вв. (на основе неопубликованных архивных источников)».

археологических раскопок на юге России, источники пополнения археологических коллекций, а также подробности исследовательской и методической работы с такой категорией археологических находок, как эпиграфические памятники и керамические клейма.

В фонде В.В. Латышева, хранящемся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН под № 110, переписка ученого выделена в опись № 2 и включает в себя 71 единицу хранения за 1887–1919 гг. Среди многочисленных корреспондентов В.В. Латышева следует отметить историка-византиста В.Н. Бенешевича¹, археолога и нумизмата А.Л. Бертье-Деларгарда², филолога-классика Б.В. Варнеке³, историка и археографа В.Г. Дружинина⁴, археолога, директора Херсонесского музея древностей К.К. Косцюшко-Валюжничу⁵, филолога-слависта П.А. Лаврова⁶, археолога-антиковеда Б.Ф. Фармаковского. В данной работе будут рассмотрены письма В.В. Латышеву от председателя Императорской археологической комиссии (ИАК) А.А. Бобринского⁷ и директоров Керченского музея древностей К.Е. Думберга⁸ и В.В. Шкорпила⁹. Письма этих корреспондентов укладываются примерно в один хронологический отрезок – 1890–1910 гг., что позволяет проанализировать уровень развития античной археологии в Российской империи на рубеже столетий.

С именем последнего председателя ИАК – графа Алексея Александровича Бобринского¹⁰ – связана деятельность Комиссии по охране, реставрации и научному изучению историко-археологических памятников по всей территории страны, а меры, предпринятые Комиссией под его руководством, положили начало формированию единой централизованной системы археологических исследований¹¹. В.В. Латышев, будучи к концу XIX в. широко известным специалистом в области античной эпиграфики и истории античности, входил в состав Императорского Русского (ИРАО) и Московского археологических обществ (МАО) и состоял членом-корреспондентом ИАК с июля 1892 г. По поручению ИРАО В.В. Латышев неоднократно совершал поездки по античным памятникам юга России с целью

¹ СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 2.

² СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 4.

³ СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 10.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 17.

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 23.

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 25.

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 5.

⁸ СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 19.

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 66.

¹⁰ Бобринский (Бобринской) Алексей Александрович, (1852–1927), граф, общественный и политический деятель, историк, археолог; действительный (1882) и почетный (1894) член, управляющий Русским отделением (1885–1894) РАО, член-корреспондент (1882), действительный член (1904) МАО, иностранный член-корреспондент Шведской королевской академии литературы, истории и древностей; член Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, член многих иностранных и русских археологических обществ и архивных комиссий. Председатель Императорской Археологической комиссии (1886–1918), провел раскопки около одной тыс. курганов, главным образом, в Керчи, Херсонесе, Ольвии и близ имения Смелы Черкасского уезда Киевской губ. Участвуя в раскопках кургана Солоха, нашел знаменитый золотой гребень, ныне хранящийся в Золотой кладовой Эрмитажа. В 1918 г. командирован РГАК на юг России, в 1919 г. эмигрировал из Одессы. Умер в Грассе, похоронен в Ницце (Тункина 2017).

¹¹ Медведева, Всевиов, Мусин, Тихонов 2009, 140.

атрибуции и аннотирования античных надписей. На основе собранных материалов был опубликован свод античных надписей *Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae* (IOSPE), вышедший в первом издании с 1885 по 1901 гг.¹² Очевидно, что при составлении труда столь обширного объема В.В. Латышев не мог лично контролировать поступление всех новых надписей, поэтому сведения о новых находках на территории Северного Причерноморья и Херсонеса поступали к нему от А.А. Бобринского. Письма к В.В.Латышеву от этих корреспондентов содержат десятки копий с античных надписей (эстампажи, фотографии, копии) со сведениями о местах их находок и хранения¹³.

11 апреля 1891 г. А.А. Бобринский, находясь на даче в Ялте, сообщает В.В. Латышеву об открытии важнейшего эпиграфического памятника – присяги граждан Херсонеса (IOSPE. Vol. I. № 401). Согласно его описаниям «она была обнаружена к западу от нового, достраивающегося храма. Сверху украшение в виде расплывшегося треугольника. Надпись я в Петербурге при помощи словарей разобрал. Она очень интересна и вероятно представляет формулу присяги, приносимой при вступлении в должность в Херсонесе или при поступлении в число горожан»¹⁴. Копию надписи А.А. Бобринский отправляет отдельно тем же письмом (рис. 1). Также он сообщает В.В. Латышеву об открытии новых херсонесских мозаик: «не знаю, видели ли Вы в Херсонесе открытие последнего года – мозаичные полы с изображением птиц. Я впервые нынче увидел эти великолепные памятники раннего христианского искусства и пришел в восхищение!»¹⁵. В письме от 19 мая 1891 г. А.А. Бобринский, отвечая на просьбу В.В. Латышева отправить ему эстампажи надписей из Херсонеса, пишет: «немедленно дал распоряжение об отправке Вам херсонесских надписей»¹⁶. К этому письму также приложен список с копиями эпиграфических памятников, продающихся в Керчи, с просьбой написать, «какие камни необходимы к немедленному приобретению». В следующем письме А.А. Бобринский отмечает, что «все надписи, о коих я Вам писал в последнем письме приобретены мной для Археологической комиссии (удалось их сторговать сравнительно недорого) и перевезены в Царский курган»¹⁷. Здесь же А.А. Бобринский упоминает о назначении нового директора Керченского музея: «В Керчи с 20 числа сего месяца новый директор, бывший учитель истории Ревельской гимназии, Карл Евгеньевич Думберг»¹⁸. Я буду проездом в Керчи и попрошу у него

¹² Первый том IOSPE включал 245 надписей, обнаруженных в районе между дельтой Дуная и Южным Крымом (Тира, Ольвия, Херсонес, Неаполь, Ай-Тодор). Второй том, выпущенный в 1890 г., содержал в себе 509 надписей Боспорского царства, как и третий (1901), в котором публиковались находки 1885–1900 гг. Третий том, в котором предполагалась публикация свода керамических клейм и граффити, порученный к изданию Е.М. Придику, опубликован не был. Вскоре началась публикация второго издания выпущенных томов, обусловленная множеством новых находок. Второе издание первого тома вышло в 1916 г., выпуск второго тома был прерван событиями Октябрьской революции.

¹³ Тункина 1999, 192.

¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 5. Л. 15 об.

¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 5. Л. 15 об.

¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 5Л. 4 об.

¹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 5. Л. 9 об.

¹⁸ Думберг Кирилл (Карл) Евгеньевич (1862–1931) – археолог, заведующий Керченским музеем древностей (с 1891), член Императорской археологической комиссии (с 1891). В 1896–1899 гг. им были проведены масштабные и планомерные раскопки акрополя Пантикапея (Медведева, Всевиов, Мусин, Тихонов 2009, с. 171).

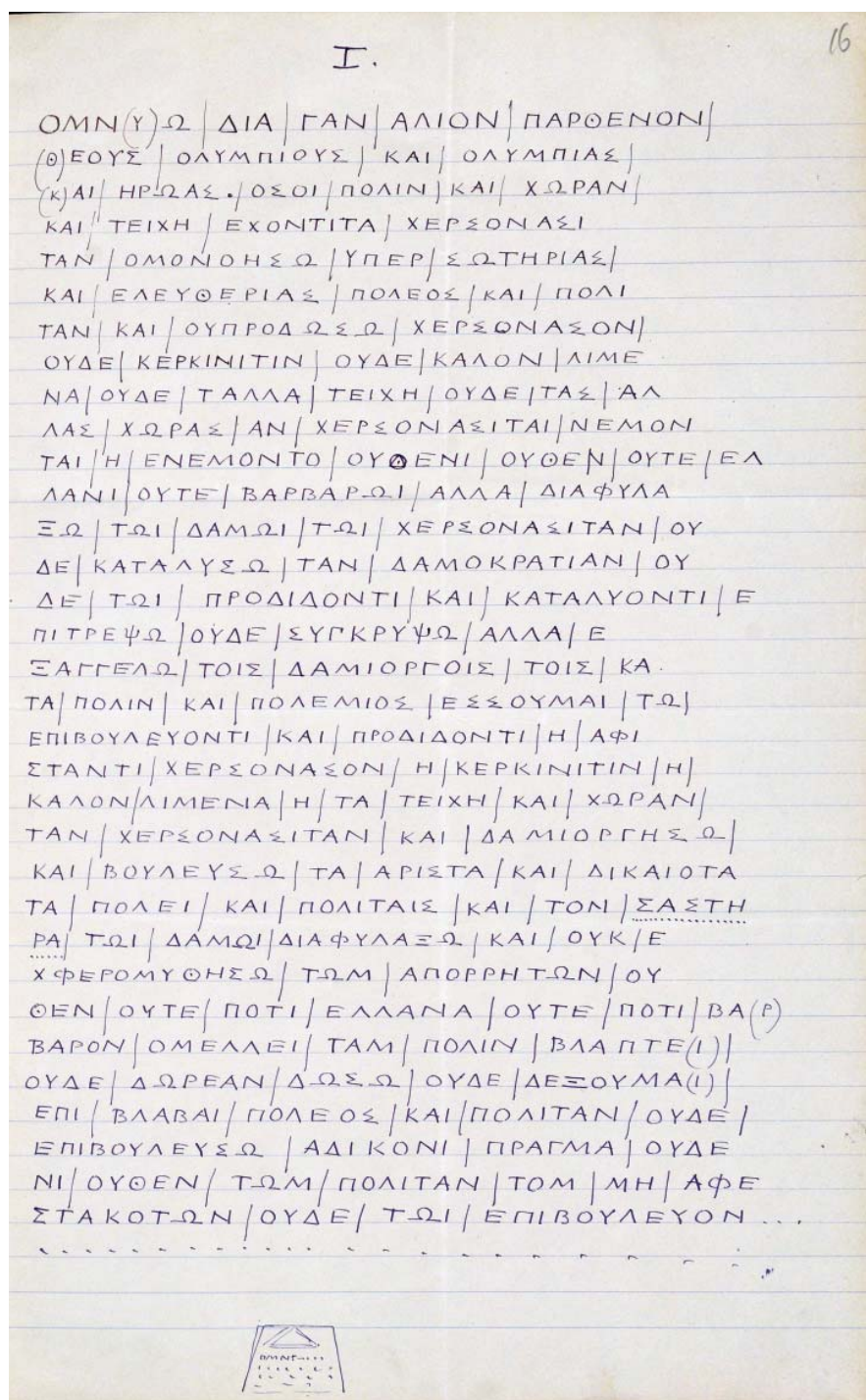

Рис. 1. Копия надписи присяги граждан Херсонеса

Fig. 1. Copy of the inscription of the oath of citizens of Chersonesos

по возможности снять и послать Вам эстампажи новоприобретенных камней»¹⁹. Список новых античных надписей из Керчи также прилагается к письму вместе с упоминанием о мастерстве в их исполнении копий «учителя гимназии В.В. Шкорпила». В этом же письме А.А. Бобринский упоминает и о предмете из коллекции известного керченского коллекционера А. Новикова, видимо, заинтересовавшем его: «обещал мне Новиков снять фотографический снимок, который по получении пошлю Вам. Предмет очень курьезный»²⁰.

В августе 1892 г.²¹ В.В. Латышев в письме к А.А. Бобринскому просил поручить директору Керченского музея К.Е. Думбергу переслать ему копии с клейм, находящихся в музее, для устранения неточностей. Изготовление копий с амфорных и черепичных клейм предполагалось выполнять по методике, применяемой К.К. Косцюшко-Валюжиничем. В своем письме К.Е. Думбергу он подробно описал методику изготовления эстампажей²². К.Е. Думберг, однако, не был полностью уверен в эффективности этого метода, считая, что данная технология оправдывает себя только в случае хорошей сохранности памятника. К.Е. Думберг запрашивал в ИАК средства на изготовление слепков при помощи гипса, после чего было выделено 300 руб. на устройство гальванопластической мастерской. В последующих письмах К.Е. Думберга В.В. Латышеву за 1892–1899 гг. достаточно подробно описывается как выполняемый им процесс по изготовлению копий, так и много других проблем, связанных с античной эпиграфикой.

Первое письмо В.В. Латышеву, отложившееся в фонде, датируется 11 декабря 1892 г. В нем К.Е. Думберг отвечает, видимо, на просьбы В.В. Латышева об изготовлении эстампажей с памятников: «В настоящее время у нас очень сыро, так что нельзя сделать хороший эстамп с плит, хранящихся в открытых зданиях»²³. Относительно изготовления слепков с амфорных ручек он сообщал следующее: «со всех неизданных ручек я Вам представляю снимки и кроме того сообщу все наблюдения касательно материала, т.е. глины и пр.»²⁴

После изготовления копий, эстампажи отправлялись К.Е. Думбергом в Санкт-Петербург в специальных деревянных ящиках. Судя по всему, после знакомства с научными работами В.В. Латышева и личной переписки К.Е. Думберг не мог не проникнуться глубоким уважением к его уровню профессионализма и глубины знания античной эпиграфики. Так, в одном из своих писем он просит ученого отправить ему фотопортрет: «Я не имею счастья Вас лично знать, но с тех пор как я познакомился в Дерпте с первым томом Ваших *Inscriptiones*, я питаю к Вам глубокое и подлинное уважение и мне хотелось бы иметь в своей комнате фотографию человека, который так много и образцово работает для истории греческих колоний»²⁵.

¹⁹ СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 5. Л. 10.

²⁰ СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 5. Л. 10. Речь идет о керамической игрушке в виде повозки. Подробнее см. ниже.

²¹ Три тома *Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae* (IOSPE), выходявшие в первом издании с 1885 по 1901 гг. содержали в себе корпус эпиграфических памятников Северного Причерноморья.

²² Федосеев 2017, 125.

²³ СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 19. Л. 1 об.

²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 10.

²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 19. Л. 11.

Рис. 2. Посвятительная надпись Аполлондора
Fig. 2. The commemorative inscription of Apollondor

В своих письмах К.Е. Думберг характеризовал процесс снятия негативов и эстампажей с надписей, отмечая, что «разница между осенним и зимним освещением разительная: в октябре из 44 негативов один оказался плохой, а теперь из 14 – 10 неудачных», замечая также, что «аристотипная бумага передает надписи гораздо лучше альбуминной»²⁶. Эстампажи снимались совместно с В.В. Шкорпилом, преимущественно в хорошую погоду, поскольку эпиграфические памятники хранились в лапидариях Мелек-Чесменского и Царского курганов²⁷. Зачастую К.Е. Думберг сетовал на то, что не может сразу найти требуемое надгробие, так как оно оказывалось заложено другими плитами и требовались существенные усилия для его извлечения²⁸. Методика проверки качества эстампажей и исключения ошибок описывается К.Е. Думбергом в качестве подтверждения тому, почему снятие копий в зимнее время проблематично: «лежать в такую погоду по целым часам на камне и ломать себе голову над одной или другой буквой – это не особенно приятно, я, к сожалению, homo sum. Это покорнейше прошу принять во внимание, если найдете погрешности и глупости»²⁹.

Продолжалась также работа и по изготовлению слепков с керамических клейм. В письме от 19 марта 1893 г. К.Е. Думберг сообщал о просьбе ИАК отправить дублетные экземпляры клейменных амфорных ручек в археологический музей при Казанском университете. При этом он сетовал на отсутствие необходимого финансирования ИАК на приобретение гипсовой массы, необходимой для изготовления слепков, обещая вместе с тем заказать все необходимое из Варшавы

²⁶ СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 19. Л. 11 об.

²⁷ СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 19. Л. 18.

²⁸ СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 19. Л. 48.

²⁹ СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 19. Л. 26.

«на свой счет» и приступить к работе³⁰. Несмотря на это К.Е. Думберг особо отмечает медленно продвигающуюся работу по изготовлению оттисков с амфорных ручек, отмечая что «Казанский университет может еще подождать, за что он больше от меня и получит».

11 сентября 1896 г. в письме, которое было отправлено во время проведения раскопок на территории Фанагории, К.Е. Думберг сообщал о находке двух статуй: одной – времени Перисада I и другой – императора Августа. Первая свидетельствует о посвящении статуи Афродите Апатуре и интересна тем, что в ней встречается имя Фанагора, другая посвящена Динамией императрице Ливии, что также не лишено интереса. Находка была сделана к юго-западу от станции Сенной, на территории Западного некрополя Фанагории. К.Е. Думбергом была обнаружена могила, перекрытием которой служили два постамента от статуй с надписью. На одном из постаментов и была выбита посвятельная надпись Аполлодора, сына Фанагора, Афродите Урании (КБН, № 971) (рис. 2). Первый раз на территории памятника был обнаружен эпиграфический памятник, в котором упоминается некий житель Фанагории, названный так вероятно в честь основателя города. Постамент датируется временем правления Перисада I (344–310 гг. до н.э.), на что прямо указывается в тексте надписи. Надпись на другом постаменте гласила, что царицей Динамией было поставлено изображение «своей благодетельницы» – супруги Августа Ливии (КБН, № 978). Надпись относится ко времени правления Динамии, т.е. к концу I в. до н.э. Любопытно, что два этих разновременных постамента закрывали одну гробницу. К.Е. Думберг не приводит описания этой гробницы, но, скорее всего, она принадлежала ко времени поздней античности. Здесь же была найдена часть известняковой статуи в виде молодого воина в панцире и с оружием (рис. 3).

Помимо вопросов античной эпиграфики, в 1898 г. К.Е. Думберг обращался к В.В. Латышеву с просьбой подготовить исторический очерк, посвященный истории Боспорского царства с IV в. до н.э. и до средневекового периода, для размещения этой работы в ежегоднике Керченского градоначальства.

Интересно отметить, что в письме от 9 сентября 1894 г. К.Е. Думберг отправил В.В. Латышеву фото керамической повозки, речь о которой шла ранее в письме А.А. Бобринского: «Профессор Кулаковский сообщил, что Вы желаете иметь фотографию глиняной повозки из коллекции Новикова. Посылаю Вам один экземпляр»³¹ (рис. 4).

Сохранившиеся в СПбФ АРАН письма В.В. Шкорпила³², датируются с 6 октября 1896 по 6 января 1910 г. В них он не менее подробно сообщал В.В. Латышеву

³⁰ Обратился он также с просьбой поспособствовать устройству на должность учительницы рисования в Казанский университет «барышни Юлии Васильевой, окончившей курс рисования и черчения в Штиглицком училище в Петербурге» и выполнившей для ИАК несколько работ, в том числе «срисовавшей катакомбу Сорака и несколько надгробных плит».

³¹ СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 19. Л. 13 об.

³² Шкорпил Владислав Вячеславович (1853–1918) – археолог, эпиграфист; действительный член ООИД (1894), ТУАК (1903), член Императорской археологической комиссии – РГАК (1901–1918), Германского археологического института, Общества чешских филологов, Варненского археологического общества. Учитель древних языков Александровской прогимназии в Ялте (1878–1886) и в Александровской гимназии в Керчи (1886–1903), заведующий Мелек-Чесменским курганом, находящимся в ведении ООИД (с 1894), директор Керченского музея древностей (1901–1918). Командирован ИАК в Грецию по приглашению В. Дерпфельда от Афинского отделения Германского

Рис. 3. Часть известняковой статуи молодого воина
Fig. 3. Part of the limestone statue of the young warrior

о ежегодных находках эпиграфических памятников и приобретениях экспонатов от коллекционера А.В. Новикова для Керченского музея древностей, а также отправлял описи с фотографиями и эстампажами. Сообщал он также и о неточностях в рисунках надписей, которые были выполнены ранее Ф.И. Гроссом. Кроме того, в одном из писем присутствует крайне важная информация, полученная в ходе работы В.В. Шкорпила с полевым дневником К.Р. Бегичева³³. Как он пишет, «в рукописном журнале Бегичева о раскопках 1851–1856 гг. на задней странице, среди заметок о рабочих и плате, выдаваемой им, сохранилась копия надписи, изданной в IOSPE № 370, с припиской: «Надпись на камне, открытом на восточном берегу Керченского пролива напротив Горелой могилы в 1847 году»³⁴. Согласно данным журнала после открытия этой надписи К.Р. Бе-

археологического института (1904). Заведующий раскопками в Херсонесе (июль – декабрь 1914). В декабре 1918 г. убит грабителями в подъезде собственного дома.

³³ Рукописный дневник К.Р. Бегичева, содержащий информацию о раскопках в Керчи и на Таманском полуострове в 1851–1856 гг., долгое время считался утерянным в ходе эвакуации архива Керченского музея в Армавир в 1942 г. Несколько лет назад он был выявлен среди рукописных бумаг Н.В. Быковской и готовится в настоящее время к публикации. Машинописная копия фрагмента дневника, выполненная в 1927–1928 гг., хранится в ОПИ ГИМ.

³⁴ СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп.2. Д. 66. Л. 78.

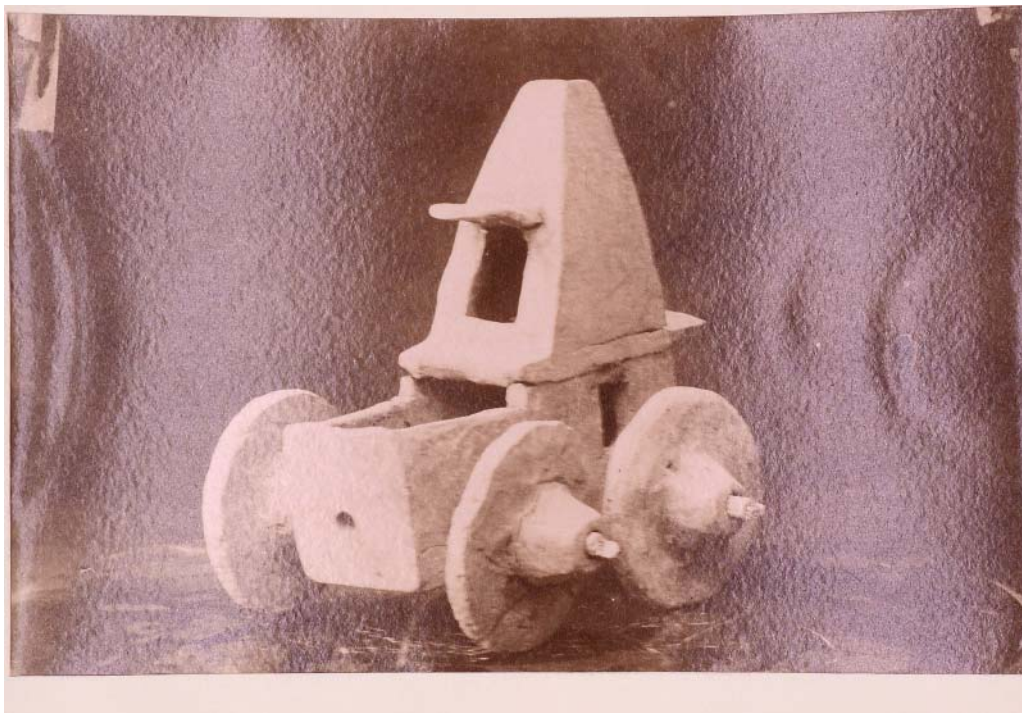

Рис. 4. Фотография глиняной повозки из коллекции Новикова
Fig. 4. Photo of a clay wagon from the Novikov collection

гичевым была подана докладная записка на имя З.С. Херхеулидзева о находке в Тамани камня с надписью. По распоряжению градоначальника К.Р. Бегичеву предписывалось отправиться в Тамань, осмотреть находку и доставить ее в Музей, а также произвести, если потребуются, раскопки на месте находки. В рапорте К.Р. Бегичева от 28 февраля 1847 г. упоминается о проведенных раскопках близ хутора Чумаченко в 40 верстах от Тамани, но сама плита с надписью в Керчь не была доставлена по причине «дорог, совершенно испорченных ненастьем»³⁵.

Помимо сведений о находках эпиграфических памятников, В.В. Шкорпил сообщал и о проводимых археологических раскопках и находках. Так, в письме от 20 марта 1905 г. содержатся сведения об открытии на склоне горы Митридат римского некрополя I в. н.э. (женские гробницы со стеклянными и краснолаковыми сосудами), а в письме от 23 марта 1906 г. – о находке свинцовой таблички с проклятиями в одной из жженных гробниц на втором склоне горы Митридат³⁶. В связи с этим неоднократно в письмах В.В. Шкорпил обращал внимание В.В. Латышева на то, что часто препятствием к археологическим раскопкам являются местные жители: «неужели наука должна зависеть от каприза полуграмотных людей и от алчности

³⁵ СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп.2. Д. 66. Л. 78.

³⁶ СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп.2. Д. 66. Л. 50.

торгащей, и неужели те, которые охраняют интересы археологии и ее отраслей, не имеют никакой возможности сделать достоянием науки то, что найдено?»³⁷.

Множество эпиграфических надписей, которые не вошли в свод надписей В.В. Латышев опубликовал в виде поправок и дополнений в «Записках» РАО или же в отдельных изданиях ИАК³⁸. Кроме того, в результате изучения рассмотренных выше писем можно выявить множество интересных деталей, касающихся организации и проведения археологических раскопок на Керченском и Таманском полуостровах, а также изучения и атрибуции археологического материала. Сравнив полученные данные с трудами современных исследователей, посвященных истории развития керамической эпиграфики в Российской империи³⁹, можно проследить эволюцию методологии и методики в изучении этих групп археологического материала.

ЛИТЕРАТУРА

- Тункина, И.В. 1999: В.В. Латышев: жизнь и ученые труды. В кн.: А.П. Медведева (ред.), *Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга*. СПб., 172–288.
- Тункина, И.В. 2002: *Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.)*. СПб.
- Тункина, И.В. 2017: Библиографический словарь членов РАО (1846–1924). В кн.: С.А. Жебелев (ред.), *Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования 1897–1921. Исторический очерк*. М.
- Федосеев, Н.Ф. 2017: *Греки на Боспоре Киммерийском: 200 лет исследований*. Симферополь.

REFERENCES

- Fedoseev, N.F. 2017: *Greki na Bospore Kimmeriiskom: 200 let issledovaniy* [The Greeks of the Cimmerian Bosphorus: 200 years of research]. Simferopol.
- Tunkina, I.V. 1999: V.V. Latyshev: zhizn' i uchenye trudy [V.V. Latyshev: the life and the works]. In: A.P. Medvedeva (ed.), *Rukopisnoe nasledie russkikh vizantinistov v arkhivakh Sankt-Peterburga* [Handwritten heritage of Russian byzantinists in the archives of St. Petersburg]. Saint Petersburg.
- Tunkina, I.V. 2017: Biobibliograficheskiy slovar' chlenov RAO (1846–1924) [Biobibliographical glossary of members of the Russian Archaeological Society]. In: S.A. Zhebelev (ed.), *Russkoe arkheologicheskoe obshchestvo za tret'yu chetvert' veka svoego sushchestvovaniya. 1897–1921. Istoricheskiy ocherk* [The Russian Archaeological Society during the third quarter of a century of its activities. A historical essay]. Moscow.
- Tunkina, I.V. 2002: *Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii* [Russian science of classical antiquities of the South of Russia]. Saint Petersburg.

³⁷ СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп.2. Д.66. Л. 53.

³⁸ Тункина 1999, 189.

³⁹ Тункина 2002.

A.A. BOBRINSKY, K.E. DUMBERG AND V.V. SHKORPIL'S LETTERS TO
V.V. LATYSHEV (IN THE ST. PETERSBURG BRANCH OF THE ARCHIVE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES)

Evgenia G. Zastrozhnova

Saint Petersburg Branch of Archive of Russian Academy Science, Saint Petersburg, Russia
pankratova0484@yandex.ru

Abstract. The paper deals with the letters of A.A. Bobrinsky, the chairman of the Imperial Archaeological Commission, and K.E. Dumberg and V.V. Shkorpil, the directors of the Kerch Museum of antiquities, written to V.V. Latyshev. These documents are concerning various issues of discoveries, acquisitions, interpretation and study of the epigraphy found in the south of the Russian Empire in 1892–1910. Through analysis of this valuable source, it becomes possible to find previously unknown details of the organization and conduct of archaeological excavations in the North Black Sea Region, and to trace the sources of archaeological collections, as well as to identify features of the research and methodical work with such category of archaeological finds, as epigraphic monuments and ceramic stamps.

Keywords: epigraphy, Bosporan Kingdom, history of archaeological study, V.V. Latyshev, history of science, archival documents

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БИ	–	Боспорские исследования. Симферополь – Керчь
БЧ	–	Боспорские чтения. Симферополь – Керчь
ВДИ	–	Вестник древней истории. Москва
ВПА	–	Вопросы подводной археологии. Москва
ТТКАЭЭ	–	Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Москва–Ленинград
AJA	–	American Journal of Archaeology. Boston
PDM	–	Papyri demoticae magicae. H.D. Betz (ed.), Chicago, 1997
PGM	–	Papyri graecae magicae. Bd. I-II. Leipzig, 1929–1931
WB	–	Wörterbuch der ägyptischen Sprache (Erman, A., Grapow, H. 1926–1971: Wörterbuch der ägyptischen Sprache I–VII). Berlin

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Грудочко И.В.</i> (Челябинск) – Вооружение кочевников Урало-Казахстанских степей IV–VI вв. н.э.	5
<i>Безруков А.В.</i> (Магнитогорск), <i>Улитин В.В.</i> (Краснодар) – Военно-политические конфликты и торговля в античном мире (Восточное Средиземноморье, Причерноморье и варварская Северо-Восточная периферия).....	21
<i>Гуцин В.Р.</i> (Пермь) – Контуры эволюции социальной организации Афин: от Микенской катастрофы до синойкизма Тезея	33
<i>Корнилов Ю.В.</i> (Новосибирск) – Панэллинзм в восточной кампании Александра Великого: историография вопроса	53
<i>Шмелева Л.М.</i> (Казань) – Современные раскопки и развитие городов в Лации в VIII–IV вв. до н.э.	64
<i>Качан С.А.</i> (Нижний Новгород) – Император в образе Хора: продолжающиеся традиции и греко-римские влияния в поклонении правителю в Римском Египте	76
<i>Назаров А.Д.</i> (Екатеринбург) – Образы римских императоров из придунайских провинций в нарративной традиции	99
<i>Секачева Д.С.</i> (Москва) – Владение Хуште-К’ух и роль его династии при царском дворе Паленке	109

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

<i>Петровский В.М.</i> (Саратов) – Античные якорные стоянки в Керченском проливе	122
--	-----

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Негин А.Е.</i> (Нижний Новгород) – Шлем типа «монтефортино» из коллекции городецкого краеведческого музея	132
<i>Гараев И.А., Цокур И.В.</i> (пос. Волна) – Чешуйчатый шлем из грунтового могильника «Волна-1» (Темрюкский район, Краснодарский край)	139

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Павличенко Н.А.</i> (Санкт-Петербург) – Предыстория издания IOSPE в документах научного архива ИИМК РАН	154
<i>Застрожнова Е.Г.</i> (Санкт-Петербург) – Письма А.А. Бобринского, К.Е. Думберга и В.В. Шкорпила к В.В. Латышеву	164

CONTENTS

<i>I.V. Grudochko</i> (Chelyabinsk) – Armament of the Nomads in the Ural-Kazakhstan Steppes During Fourth to the Sixth Centuries	5
<i>A.V. Bezrukov</i> (Magnitogorsk), <i>V.V. Ulitin</i> (Krasnodar) – Military-Political Conflicts and Trade in the Classical World (Eastern Mediterranean, Black Sea and the Barbarous North-Eastern Periphery)	21
<i>V.R. Goushchin</i> (Perm) – The Evolution Outlines of Athenian Social Organization: from Mycenaean Catastrophe to Theseus' Synoikism	33
<i>U.V. Kornilov</i> (Novosibirsk) – Panhellenism and the Eastern Campaign of Alexander the Great: the Historiographic Review	53
<i>L.M. Shmeleva</i> (Kazan) – Recent Excavations and the Development of -Cities in Latium in the Eighth to Sixth Centuries BC	64
<i>S.A. Kachan</i> (Nizhniy Novgorod) – Emperor in the Image of Horus: Influence of the Egyptian Traditions and Greco-Roman Believes on Worshipping of the Ruler in Roman Egypt	76
<i>A.D. Nazarov</i> (Yekaterinburg) – Images of Roman Emperors from the Danubian Provinces in the Narrative Tradition	99
<i>D.S. Sekacheva</i> (Moscow) – Huuxte'-K'uh and the Role of its Dynasty at the Royal Court of Palenque	109

NEW DISCOVERIES

<i>V.M. Petrovskiy</i> (Saratov) – Ancient Anchorage in the Kerch Strait	122
--	-----

PUBLICATION

<i>A.E. Negin</i> (Nizhniy Novgorod) – The Montefortino-Type Helmet in the Gorodets Local History Museum	132
<i>I.A. Garaev, I.V., Tsokur</i> (village of Volna) – A Scaly Helmet from the Necropolis of Volna-1 (Temryuk District, Krasnodar Territory)	139

FROM SCIENCE HISTORY

<i>N.A. Pavlichenko</i> (Saint Petersburg) – History of Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Publication: Documents from the Scientific Archives of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Science	154
<i>E.G. Zastrozhnova</i> (Saint Petersburg) – A.A. Bobrinsky, K.E. Dumberg and V.V. Shkorpil's Letters to V.V. Latyshev (in the Saint Petersburg Branch of Archive of Russian Academy Science)	164

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по следующим правилам:

Статьи присылаются на e-mail: history@magtu.ru; history.pifk@inbox.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 1997-2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

Поля: верхнее – 2 см., левое – 2,5 см., нижнее – 2 см., правое 1,5 см.

Статья должна иметь четкую структуру и состоять из 3-х основных частей: введения, основной части, заключения.

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). **Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти)**, а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы и должность, **ORCID!**

Кроме того, необходимо прислать заполненный и подписанный договор.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., Ann., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972a, 536, рис. 2; 1972b, 56–59; Salvatori 1995, 67–68, fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Pravda 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка, с. Ахманово.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18–19 об.

Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы Антиплагиат.ВУЗ. Статьи, содержащие элементы некорректных заимствований (более 30%), автоматически снимаются с рассмотрения. Публикация бесплатна.

ЛИТЕРАТУРА

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке в двух списках (сначала на языке статьи, потом транслитерированный список – **REFERENCES**) по следующей форме:

Фамилия и инициалы автора не выделяются курсивом. Между фамилией и инициалами ставится запятая. За ними без знака препинания ставится год издания, после него двоеточие и название работы. В конце библиографического описания год не повторяется.

Курсивом выделяется источник, из которого взята библиографическая статья, то есть, в случае, если это монография или сборник – курсивом выделяется само название монографии/сборника, например:

Для книг:

Галанина, Л.К. 1997: *Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I)*. М.

Alexander, C. 1928: *The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times*. L.–New York.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи). Если это статья в журнале или сборнике, курсивом выделяется название журнала/сборника, оно **не отделяется** от названия статьи косыми чертами. Если указываемая Вами статья находится в сборнике или коллективной монографии (то есть не в периодическом издании), то в зарубежном описании перед ней ставится «**In:**», а в русском «**В сб.:**» или «**В кн.:**». Номер выпуска не отделяется от названия журнала знаками пунктуации. Страницы указываются через запятую после номера (для журналов) или после города выпуска (для сборников):

Ростовцев, М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской. *ИАК* 63, 106–108.

Аннинский, А.П. 2008: Беседа о странностях истории. *Родина* 2, 18–26.

Salvatori, S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey. *East and West* 50, 97–145.

Названия зарубежных журналов приводятся без сокращений, как и названия городов (в кириллическом описании сохраняются сокращения М., СПб., Л.)

Названия российских журналов сокращаются только в оригинальном библиографическом описании, в References указывается полное название журнала:

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страницы статьи):

Salvatori, S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern. In:

A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.), *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95*. Rome, 57–65.

Для книг/статей без авторов:

Сайко, Э.В. (ред.) 2001: *Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М.

Для электронных документов:

Городецкий, С. 2011: *Письма с фронта*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Brooke, R. 2010: *His actual reaction to war*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>

References

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию

фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам (см. ниже).

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

Например:

Для книг:

Saprykin, S. Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [*The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea*]. Moscow.

Для журнальных статей:

Pokrass, Yu. 1997: Klad zolotykh bosporskikh monet nachala I-go veka [A hoard of gold Bosporan coins from the early 1st century AD]. *Numizmatika i faleristika* [*Numismatics and Phaleristics*] 3, 4–6.

Kadeev, V.I. 1979: Khersones, Bospor i Rim v I v. do n.e. – III v. n.e. [Chersoneses, the Bosporus and Rome during the 1st century BC – 3rd century AD]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 55–76.

Для статей/ глав в книгах и сборниках:

Puzdrovskiy, A.E. 2001: Rimsko-bosporskaya voyna i etnopoliticheskaya situatsiya v Krymskoy Skifii v seredine I v. n.e. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva* [*The Bosporan phenomenon: colonization of the region. Formation of poleises. Formation of the state*]. Pt. 2. Saint-Petersburg, 212–217.

Для электронных документов:

Gorodetskiy, S. 2011: *Pis'ma s fronta* [*Letters from the Front*], <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Правила транслитерации

Русский язык

а	а	з	z	п	p	ч	ch	я	ya
б	b	и	i	р	r	ш	sh		
в	v	й	y	с	s	щ	shch		
г	g	к	k	т	t	ъ	«		
д	d	л	l	у	u	ы	y		
е	e	м	m	ф	f	ь	‘		
ё	ye	н	n	х	kh	э	e		
ж	zh	о	o	ц	ts	ю	yu		

Украинский язык

а	a	ж	zh	м	m	ф	f	я	ja
б	b	з	z	н	n	х	h		
в	v	и	y	о	o	ц	c		
г	g	і	i	п	p	ч	ch		
г	g'	ї	i'	р	r	ш	sh		
д	d	й	j	с	s	щ	shh		
е	e	к	k	т	t	ь	'		
є	je	л	l	у	u	ю	ju		

Сокращения

К статье должен прилагаться список всех встречающихся в ней сокращений с их расшифровками

АО – Археологические открытия. Москва

IGBR – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed.). Sofia, 1956

- Между цифрами ставится короткое тире (не дефис!), между цифрами и тире пробелы не ставятся (н., 153–160; I–II вв. н.э.)
- Длинное тире (—) вообще не используется, как и буква «ё»
- Сокращения для обозначения страниц не используются. Используются сокращенные обозначения для томов, колонок, таблиц, рисунков и т.д.

Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!!

Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 1. 2020

Сдано в набор 10.03.2020. Подписано в печать 16.03.2020.

Дата выхода 31.03.2020.

Формат 70х1001/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.

Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .

Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67784 от 28 ноября 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт археологии Российской Академии наук»

Редакция: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, каб. А1.

Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.

Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.